

ЖУРНАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ
РАБОТ

КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ
КВИНТЭССЕНЦИЯ

НОСС
НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТУДСОВЕТА

ВЫПУСК № 2 2023

КВИНТ ЭССЕ НЦИЯ

ВЫПУСК №2 2023

Журнал Квинтэссенция — это площадка формата эдьютейнмент для публикации академических и свободных письменных работ студентов Шанинки.

Преимущественным видом публикуемых текстов являются эссе, написанные в рамках учебных курсов.

Отдельный блок журнала отведен более свободным художественным и научпоп жанрам: рецензиям, кинообзорам, рассказам, стихотворениям, интервью и др.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ульяна Семовских (2 курс, бакалавриат,
Современная социальная теория)

Матвей Бислер (4 курс, бакалавриат,
Мировая политика)

Шафаг Вердиева (2 курс, бакалавриат,
Современная социальная теория)

Дамир Давлетов (2 курс, бакалавриат,
Современная социальная теория)

Екатерина Нойкина (4 курс, бакалавриат,
Современная социальная теория)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Полина Александрова (2 курс,
бакалавриат, Современная социальная
теория)

Ольга Извекова (2 курс, бакалавриат,
Современная социальная теория)

КВИНТЭССЕНЦИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

- 5** **Матвей Бислер**
Представляем номер

СТРАШНО! ОЧЕНЬ СТРАШНО! МЫ НЕ ЗНАЕМ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ

- 8** **Георгий Мамврийский**
Применение концепции «справедливой войны» к ИГИЛ*
Рецензии (С. Кожеуров, Ю. Киселева)
- 18** **Евгений Рубинов**
Международный терроризм как источник гоббсианского панического
страха
Рецензия (А. Шаблинский)
- 32** **Юлия Лысенко**
Наказание при Иване IV и Петре I: сходства, различия, основные
принципы и противоречия
Рецензия (В. Жарков)

ASHES TO ASHES

- 44** **Анна Гришкина**
Эволюция изменения положения кремации в классификации
церковных обрядов в рамках теории М. Дуглас
Рецензия (А. Астахова)
- 51** **Петр Шаповалов**
Японская коммеморация бомбардировки Хиросимы на примере манги
Кейдзи Накадзавы «Жертвы Черного Дождя»
Рецензия (Я. Пучков)

* Запрещенная в РФ террористическая организация

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО

70 **Максим Никитин**
«Nomos des Internets»: развитие цифрового национализма. Случай Китая
Рецензия (А. Волков)

84 **Екатерина Нойкина**
«The main thing is not to lose your face»: resistance to modification the status of a face as a media
Рецензия (N. Klowait)

ДИАЛОГИ

93 **Евгения Левина**
Доказательный подход как способ преодоления разрыва между исследованиями и практикой в сфере менеджмента
Рецензия (М. Сачкова)

107 **Михаил Белов**
Ноам Хомский и математические модели языка. Критический анализ критики
Рецензия (Я. Тестелец)

СВОБОДНОЕ ПИСЬМО

117 **Екатерина Киселева**
Мифологические образы в сериале «Ганнибал»

132 **Артем Касай, Виктория Гейн, Дарья Морозова, Софья Рогова, Дарья Брушлинская**
Последний день в государстве

142 **Лев Татевосов**
Если вдвоем так одиноко темной ночью...

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Матвей Бислер

4 курс, бакалавриат, Мировая политика

mss1901002@universitas.ru

Вступительное слово

В любом начинании самое сложное — это поддерживать регулярность. Относительно несложно сделать что-то в первый раз, ведь сам факт новизны свершения придает ценность этому действию. Однако с каждой последующей попыткой мы встречаемся с новыми ожиданиями и стараемся не опустить планку. Пилотный выпуск «Квинтэссенции» был тепло встречен нашими коллегами и наставниками, поэтому мы ощущаем особую ответственность, чтобы каждый последующий номер только повышал уровень шанинской студенческой периодики. Среди особенностей этого выпуска стоит отметить два нововведения, которые, как мы надеемся, улучшат журнал.

Мы решили сделать чуть больший акцент на «открытости» нашей воображаемой «академии» и предоставили авторам работ в журнале возможность столкнуться с продуктивной критикой в свой адрес от более опытных исследователей. Перед каждой работой вы можете встретить небольшую рецензию от преподавателей с впечатлением от работы. Надеемся, это поможет читателям в развитии навыков рефлексивного и отзывчивого чтения, а авторам — в пробном погружении в настоящую академическую среду, построенную на диалоге.

Нам также удалось привлечь в журнал двух талантливых художниц Полину и Ольгу, которые сделали потрясающие обложки для каждой работы в журнале. Опираясь на фирменную шанинскую эстетику, они создали что-то невероятное, за что мы им премного благодарны.

В остальном журнал остается в состоянии динамического равновесия и отличается от предыдущего, пилотного номера только темами работ. Кстати, о них...

Первый тематический блок **«Страшно! Очень страшно! Мы не знаем, что это такое!»** затрагивает вечные темы для самой научной и философской мысли с эпохи Просвещения — это темы насилия, страха и порядка. Наши авторы рассуждают об оправдании борьбы с терроризмом при помощи концепции «справедливой войны» (эссе Мамврийского Г. С.) и о том, как международный терроризм может устрашать граждан и тем самым влиять на условия общественного договора (эссе Рубинова Е. Д.). В этом же блоке оказалась работа о другой форме страха — не перед непредсказуемым и неконтролируемым насилием, а перед насилием государственным, которое, может претерпевать трансформации в разные

исторические эпохи и, впрочем, также может быть непредсказуемым (эссе Лысенок Ю. Д.).

Второй блок «**Ashes to ashes**» назван так из-за многогранной природы пепла как явления. Пепел (особенно если он радиоактивный) является метафорой на природу человека — человек состоит из пепла и возвращается в пепел после смерти, к чему и относится работа А. Р. Гришкиной о трансформации ритуала кремации из табуированного в общепринятый. Память — это единственное, что остается о человеке после конца его личной истории. Однако, что же остается после конца не личной истории, а коллективной? Так, углубляясь в понимание коммеморативных практик, П. А. Шаповалов прибегает к анализу японской манги как источника памяти о ядерном ударе по Хиросиме.

Третий блок «**Цифровое государство**» посвящен актуальным динамикам взаимодействия современных технологий с социальными процессами. М. Э. Никитин рассматривает взаимосвязь между феноменами национализма и цифровой коммуникативной среды, беря Китай в качестве опорного кейса для изучения. Е. Н. Нойкина обращается к выявлению закономерностей в восприятии людьми собственных лиц, учитывая распространение цифровых систем распознавания на улицах городов, которые используются правительствами в разных и, порой, не самых благородных целях.

Четвертый блок «**Диалог**» отсылает нас к этимологической истории этого слова — «диа» означает «через», «лог» (логос) — «слово, разум». В ходе диалога между собой сталкиваются два слова, две картины восприятия мира, которые проникают в говорящих и заставляют их проверять на прочность не только чужие, но и собственные убеждения. Тексты в этом блоке также совмещают две исследовательские рамки в междисциплинарном ключе, проверяя каждую из них в отдельности. Сферы психологии и менеджмента сталкиваются в эссе Е. А. Левиной; области математических моделей и языковой теории — в эссе М. Д. Белова.

Редакция журнала и все причастные к его созданию благодарят читателя за поддержку нашей инициативы. Надеемся, что вы получите такое же удовольствие от прочтения этих текстов, как-то получили мы.

Выражаем благодарность коллегам, которые написали рецензии на опубликованные в этом выпуске эссе. Спасибо Нильсу Кловайту, Якову Тестелцу, Анастасии Астаховой, Антону Волкову, Станиславу Кожеурову, Юлии Киселевой, Якову Пучкову, Василию Жаркову. Также, за помощь в спонсировании и печати выпуска благодарим коллегу Светлану Голубинскую!

**СТРАШНО! ОЧЕНЬ
СТРАШНО! МЫ НЕ
ЗНАЕМ, ЧТО ЭТО
ТАКОЕ!**

ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ "СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ" К ИГИЛ*

*Георгий Мамврийский**

mss2100073@universitas.ru

Введение

За последние десятилетия роль негосударственных акторов (НГА) в международных отношениях серьезно возросла. Во многом этот факт связан с появлением независимых межгосударственных организаций, таких как ООН, Всемирный банк и ВТО, которые стали полноценной частью международной системы. В то же время свою важность не потеряли и вооруженные негосударственные акторы, которые являются непосредственными участниками боевых действий. К привычным повстанческим движениям и протогосударственным образованиям добавились два новых для МО явления ЧВК и террористические организации.

Такое стремительное вхождение негосударственных акторов в мировую политику в 20 веке не могло остаться без последствий. При этом многие теории как мейнстримные (реализм), так и критические (например, марксизм) старательно игнорировали это явление. Одним из таких феноменов стал международный терроризм, окончательно оформившийся в 1990-х годах и во многом игнорируемый на международном уровне вплоть до терактов 11 сентября в США. Сейчас это явление стало одним из серьезнейших вызовов 21 века, о чем не раз заявлялось лидерами разных стран.

Борьба с международным терроризмом имеет разные формы, наиболее яркой из которых стали военные операции или интервенции с целью уничтожения террористических группировок. Такими, например, были операции во главе с США на территории Ирака и Афганистана, российская операции в Сирии. В случае Ирака и Сирии борьба велась с так называемым ИГИЛ* (Исламское государство Ирака

* 2 курс, бакалавриат, Мировая политика. Работа написана на 2 курсе, дисциплина: Теория Международных отношений

* Запрещенная в РФ террористическая организация

и Леванта), известное также как ДАИШ*. Уничтожение этой организации стало одним из важнейших международных вопросов в беспокойном ближневосточном регионе.

В своем эссе я хочу показать, каким образом государства используют концепцию «справедливой войны» для оправдания проведения военных операций (*jus ad bellum*) против ИГИЛ*. Здесь я постараюсь продемонстрировать как особенности понимания межгосударственных акторов и особенности внутреннего устройства самого ИГИЛ* повлияли на обоснование войны против него. Для этого, пользуясь оптикой английской школы международных отношений, необходимо будет рассмотреть влияние событий 9/11 на борьбу с международным терроризмом, особенности внутреннего устройства и классификации ИГИЛ* как вооруженного НГА и международные механизмы, используемые государствами для проведения военных операций против ДАИШ*.

События 11 сентября 2001 года как точка отсчета борьбы с международным терроризмом

Терракты 11 сентября стали шоком не только обычных американцев, но и для руководства Соединенных Штатов. На тот момент невозможно было представить, что такая атака возможна в самом центре Нью-Йорка, символа капитализма и «американской мечты». Терракт, совершенный группировкой Аль-Каида* во главе с Усамой бен Ладеном имел несколько важных последствий для системы международных отношений. Во-первых, это возвышение международного терроризма, как одной из основных угроз для международной системы во главе с США. Во-вторых, начало борьбы с международным терроризмом ознаменовало создание правовой базы для обоснования военных операций.

Вплоть до событий 11 сентября американцы не придавали особого значения негосударственным акторам, наподобие Аль-Каиды*, видя угрозу в странах-изгоях («Rogue doctrine») (Singh 2002). После распада Советского Союза именно страны-изгои, такие как Северная Корея и Ирак, виделись основными противниками как для США, так и для их союзников. Терроризм же не воспринимался как проблема (Singh 2002, 108), поэтому атака 11 сентября стала столь неожиданной и вынудила как американцев, так и их союзников изменить вектор внешней политики. Это проявилось в обращении Дж. Буша младшего перед Конгрессом, когда он объявил «войну терроризму» («war on terror»). Объявление «войны терроризму» от президента США впервые ознаменовало, что теория «справедливой войны» может применена к подобному типу негосударственных акторов (Taylor 2017, 718—719).

Изменение во внешней политике США после событий 9/11 заметил и Н. Кёртон-Джонсон. Анализируя в своей статье обоснование военных операций после 9/11 (война в Афганистане и война в Ираке), он пришёл к выводу, что США отошли от использования международных норм и прав человека, как оправдания начало

* Запрещенная в РФ террористическая организация

войны, заменив их «эгоистической моралью» и национальным интересом (Kerton-Johnson 2008). Учитывая, что конфликт в Афганистане является прямым продолжением терактов 11 сентября это очень важное наблюдение. Как мне кажется, именно после этих событий США в частности и международное общество в целом осознали серьезность угрозы устоявшейся системе международных отношений, что выразилось в изменении обоснования начала военных операций.

В то же время, несмотря на то, что США начали вторжение в Афганистан, без санкции ООН (Kerton-Johnson 2008), на полях организации было выработано несколько важных резолюций, которые позволят в будущем обосновывать военные операции против террористических организаций. Здесь нам важны 2 резолюции Совета Безопасности ООН под номером 1368 (далее по тексту SC1368) и 1373 (далее по тексту SC1373). SC1368, принятая уже 12 сентября 2001 года, является более декларативной. В ней выражаются соболезнования в связи с событиями 9/11 и идёт призыв к государствам «удвоить свои усилия по предотвращению и пресечению террористических актов»¹. Более того, в начале резолюции есть призыв: «бороться всеми средствами с угрозами международного мира и безопасности»², что можно воспринимать как шаг в сторону легитимации военных операций против террористов.

Более сущностной, по моему мнению, является резолюция SC1373, принятая 28 сентября 2001 года. Продолжая нарратив SC1368, в SC1373 уже перечислен список конкретных действий для борьбы с международным терроризмом. Помимо этого можно найти подтверждение, высказанному предположению, о том что SC1368 обосновывает применение военной силы. Декларируя, что международный терроризм есть «угроза для международного мира и безопасности»³ и «необходимость бороться всеми средствами»⁴ с ним, в резолюции прямо прописывается SC1373 «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, признанное в Уставе Организации Объединенных Наций и подтвержденное в резолюции 1368 (2001)»⁵. То есть под использованием «всех средств» подразумевается возможность в том числе использование военной силы в соответствии с 51 статьей Устава ООН о самообороне.

Фактически резолюции SC1368 и SC1373 заложили основу для обоснования использования военных сил и интервенций против международных террористических группировок, окончательно признав международный терроризм одной из сильнейших угроз устоявшейся системе МО. Конечно же, определенные подвижки в этом направлении были и до, например конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года. Однако именно события 11 сентября 2001 года стали точкой, когда терроризм окончательно стал глобальной проблемой, угрожающей основам международного общества.

¹Resolution 1368 (2001) / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/448051?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022)

² Там же.

³Resolution 1373 (2001) / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/449020?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022)

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ИГИЛ*: характеристика и типологизация как негосударственного актора

Для дальнейшего рассмотрения использования концепции «справедливой войны» против ИГИЛ* необходимо понять, что есть террористическая организация и как ДАИШ* соотносится с другими негосударственными акторами.

Само понятие террористической организации не имеет точного определения из-за большого разнообразия таковых. Однако можно выделить 3 особенности «идеальной» террористической организации: она использует насилие против мирных жителей для распространения страха; она близко не аффилирована с международно признанными государствами; членов таких организаций сложно отличить от мирных жителей (Taylor 2017). В случае ИГИЛ* мы с уверенностью можем говорить, что они им свойственны все вышеперечисленные особенности. Однако ИГИЛ* стало нечто большим чем просто террористической организацией, как например Аль-Каида*; аппарат управления ИГИЛ* наиболее схож с «бюрократией национальных государств» (Taylor 2017, 740).

И все же подобных характеристик недостаточно для описания ДАИШ*, поэтому необходимо обратиться к более обширной типологизации негосударственных акторов. Однако в этой области мы можем найти схожую проблему, как и с определением террористической организации: в силу разнообразия НГА отсутствует их общепринятая классификация. С моей точки зрения, наиболее всеобъемлющей является типологизация, представленная В. Наумкиным и В. Кузнецовым в статье «Non-State Actors in the Middle East: Towards a New Typology», где авторы выделяют 4 критерия типологизации: взаимосвязь с государством с точки зрения выполняемых функций; государство-центричность или геоцентричность; цель активности НГА; способ менеджмента системы (Naumkin and Kuznetsov 2020). В соответствии с этими критериями авторы определяют ИГИЛ* как антисистемного, геоцентричного (вышедшего за пределы государственно-центричной модели) с универсальной целью (стремление заменить конкретную политическую систему или само национальное государство) и с формализованным менеджментом, представленным в виде децентрализованной сети, НГА (Naumkin and Kuznetsov 2020, 209).

Анализируя вышеперечисленные характеристики, можно заметить один повторяющийся паттерн — ИГИЛ* представляется как организация, выступающая против как концепции национального государства, так и современного устройства международных отношений. То есть, выражаясь в терминах английской школы, она выступает против международного общества как устоявшейся системы. Этот факт даёт более глубокое понимание угрозы международного терроризма в целом, так как типологизация многих террористических организаций будет совпадать с таковой у ДАИШ*.

* Запрещенная в РФ террористическая организация

В то же время здесь важен и другой факт: наличие у ИГИЛ* аппарата управления, схожего с бюрократией в национальных государствах, копируя подразделения на «министерства и департаменты» (Naumkin and Kuznetsov 2020, 209). Это стало достаточно серьезным отличием по сравнению с предшественниками ДАИШ* и даёт основание называть эту организацию некой альтернативной формой государственности, учитывая противопоставления себя всему международному обществу. Такое позиционирование себя, а также наличие других признаков государства, таких как территория, позволяет применять к ИГИЛ* некоторую модифицированную концепцию «справедливой войны».

Применение концепции «справедливой войны» к ИГИЛ*

Концепцию «справедливой войны» принято делить на 3 составляющие: *jus ad bellum* (при каких условиях государство начинать войну), *jus in bello* (правила ведения войны) и *jus post bellum* (как нужно войну заканчивать). Применение изначально государство-центричной концепции «справедливой войны» порождает много противоречий при рассмотрении каждой из составляющих, что вызывает необходимость модификации всей концепции в целом. Наиболее же ярким является видоизменение *jus ad bellum* для обоснования войны против ИГИЛ*.

Основная риторика *jus ad bellum* касательно ИГИЛ* во многом совпадает с таковой касательно Аль-Каиды*. Резолюция Совета Безопасности ООН под номером 2249 (далее по тексту SC2249) во многом совпадает с нарративами резолюций SC1368 и SC1373. В SC2249 также говорится «об угрозе миру и безопасности»¹ со стороны ИГИЛ* и о важности «принятия всех необходимых мер»² для противодействия этой организации. Однако здесь важно заметить отличия сравнительно с Аль-Каидой*. В SC2249 четко говорится о том, что ДАИШ* занимает территории Сирии и Ирака³. Этот факт, учитывая другие сходства ИГИЛ* с привычными нам государствами, дает возможность легитимизировать начало военных операций на основе 51 статьи устава ООН о самообороне. Подобное можно увидеть на примере письма постоянного представителя Бельгии в ООН к председателю Совета Безопасности, где сообщается, что Бельгия на основе статьи 51 устава ООН и по запросу правительства Ирака «приняла соответствующие меры» против ИГИЛ*⁴.

Однако такое применение концепции «справедливой войны» имеет свои изъяны. Это мы можем проследить в дискуссии между Катриной Купер (представительница МИД Австралии), Полом Маккелом (представитель МИД Великобритании), Асифом Амином (член департамента международного права министерства обороны Дании) и Патриком Луной (постоянный представитель Бразилии при ООН) на полях

* Запрещенная в РФ террористическая организация

¹Resolution 2249 (2015) / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/811987?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022)

² Там же.

³ Там же.

⁴ Letter dated 7 June 2016 from the Permanent Representative of Belgium... / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/831652?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022)

ежегодной встречи American Society of International Law. Патрик Луна считает, что апеллирование к 51 статье устава ООН не может затрагивать негосударственных акторов, так как на основании 2 и 4 статьи членами ООН являются государства, следовательно, статья 51 может применяться только к государству, что поддерживает Международный суд ООН (Nakimi et al. 2018). Более того, по мнению П. Луны, некорректно говорить о применении силы в соответствии с SC2249, так как в резолюции это не прописано эксплицитно (Nakimi et al. 2018, 54). Действительно, концепция «справедливой войны», как и статья 51 устава ООН изначально были государство-центричными, однако появление на арене международного терроризма вынуждает модифицировать эти концепции.

Подобные модификации можно оправдать несколькими способами. Во-первых, в статье 51 устава ООН эксплицитно не сказано о том, что она может применяться только относительно других государств. Это подтверждается случаем с участием Бельгийских войск в операции против ИГИЛ* на территории Ирака, рассмотренным ранее. Во-вторых, в случае ИГИЛ* применение статьи 51 устава ООН является более обоснованным, по словам Пола Маккела, так как «ИГИЛ* и то, как оно действует и имитирует государство» (Nakimi et al. 2018, 52), о чем я также писал выше. В-третьих, можно частично оспорить заявление П. Луны касательно резолюции SC2249. В ней действительно не сказано эксплицитно о применении силы, однако SC2249 опирается на другие резолюции Совета Безопасности ООН, затрагивающих тему международного терроризма. В рассмотренных же выше резолюциях SC1368 и SC1373 эксплицитно прописано право на самооборону в соответствии со статьей 51 устава ООН. Следовательно, данный аргумент постоянного представителя ООН от Бразилии не является полностью корректным.

Если рассматривать принципы *jus ad bellum*, приведенные в книге «Ethics, Authority, and War: Non-State Actors and the Just War Tradition» (Heinze and Steele, 2009), то можно сделать выводы о применении концепции к ИГИЛ*. Справедливой причиной (*just cause*) здесь является то, что ИГИЛ* занимает территории международно признанных государств (Сирии и Ирака), нарушает права человека и организует террористические акты по всему миру. В качестве правового обоснования (*right authority*) является резолюция Совета Безопасности ООН SC1368, SC1373 и SC2249, которые дают право на применять статью 51 устава ООН о самообороне. Последнее средство (*last resort*) в виде невоенных методов исчерпали себя, так как, несмотря на ограничения финансирования терроризма и других подобных¹, ИГИЛ* продолжает нарушать порядок в мировом обществе, в том числе выступая против устоявшейся системы международных отношений.

Вывод

Анализируя все вышесказанное, можно обнаружить, что *jus ad bellum* в концепции «справедливой войны» серьезно модифицировался в связи с активным

* Запрещенная в РФ террористическая организация

¹ Эти ограничения содержатся в резолюции Совета Безопасности SC1373

вхождением в международные отношения вооруженных негосударственных акторов. Особенно это проявилось в связи с появлением международных террористических организаций, частью которых является ИГИЛ*. Основы для модификации *jus ad bellum* были заложены после терактов 11 сентября 2001 года. Правовым выражением этого стали резолюции Совета Безопасности ООН SC1368 и SC1373, которые, выделив международный терроризм как одну из важнейших угроз международному обществу, разрешили использовать статью 51 устава ООН как основания для использования силы против террористических организаций. В то же время обоснование войны против ИГИЛ* стало новым прецедентом для *jus ad bellum*. Во многом из-за схожести внутреннего устройства ИГИЛ* с национальными государствами, против которых оно выступало, ДАИШ* укрепило основание для применения статьи 51 устава ООН о самообороне к вооруженным негосударственным акторам, что также отразилось в резолюции Совета Безопасности ООН SC2249.

В то же время такая модификация все ещё имеет некоторые изъяны, так как, несмотря на её активное применение в международной сфере, её основания нельзя назвать окончательно устоявшимися. Такое видоизменение *jus ad bellum* связано с тем, что международное сообщество столкнулось с неизвестной до этого угрозой. Международный терроризм всё ещё остается таковой, так что есть основания полагать, что данная конфигурация *jus ad bellum* не является окончательной.

Библиография

Heinze, E., Steele B.J. Ethics, Authority, and War Non-State Actors and the Just War Tradition // 1st ed. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

Hakimi, Monica, et al. The Use of Force against Non—tate Actors // Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). — Vol. 112, 2018. — P. 45–59.

Kerton-Johnson, N. Justifying the Use of Force in a Post—9/11 World: Striving for Hierarchy in International Society // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944—). — Vol. 84, №5, 2008. — P. 991–1007.

Naumkin, V. V. Non—State Actors in the Middle East: Towards a New Typology / V. V. Naumkin, V. A. Kuznetsov // Russia in Global Affairs. Vol. 18, No. 4(72), 2020. P. 192–214.

Singh, R. P. The Non—State Actor as the Potent New Enemy in Global Politics: Beginning of The Third Phase in International Relations // India Quarterly, 58(1), 2002. P. 105–118.

Taylor, I. Just War Theory and the Military Response to Terrorism // Social Theory and Practice, vol. 43, no. 4, 2017. P. 717–740.

Устав ООН (полный текст) / Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about—us/un—charter/full—text> (дата обращения: 15.01.2022).

Letter dated 7 June 2016 from the Permanent Representative of Belgium... /
Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс]. URL:
<https://digitallibrary.un.org/record/831652?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022).

Resolution 1368 (2001) / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс].
URL: <https://digitallibrary.un.org/record/448051?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022).

Resolution 1373 (2001) / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс].
URL: <https://digitallibrary.un.org/record/449020?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022).

Resolution 2249 (2015) / Цифровая библиотека ООН. [Электронный ресурс].
URL: <https://digitallibrary.un.org/record/811987?ln=ru> (дата обращения: 16.01.2022).

РЕЦЕНЗИИ К ЭССЕ «ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ "СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ" К ИГИЛ*»

*Кожееуров Станислав Александрович**

«Я зеркало протру рукой / и за спиной увижу осень, / и беспокоен мой покой, / и счастье счастья не приносит» — эти тревожные и печальные строки Бориса Рыжего могли бы стать отличным эпиграфом к этому эссе. Ровно с такой опасливой тревогой исследователи, оттачивавшие свои модели и объяснения на европейском политическом опыте, приступают к изучению тропической Африки или Ближнего Востока. И часто с такой же горечью констатируют, сколько многое требует нюансирования или даже полного пересмотра.

Автор эссе вступил на трудный путь и задался вопросом, как можно думать о ближневосточных реалиях на политическом языке, сложившимся из рефлексии европейского опыта. В частности, возможно приложить концепт справедливой войны к борьбе с тем без преувеличения монстром, который родился еще в самом конце 1990-х, но стал настоящим вызовом лишь с начала 2010-х годов. В этой интеллектуальной схватке европейского политического языка и ближневосточных реалий автор собрал серьезную коалицию: на одной стороне выступили маститые (пост) советские востоковеды и американские политические ученые (где еще, если не на страницах шанинского эссе они могут оказаться ныне вместе?); политические философы и журналисты-обозреватели. Чем же завершается интеллектуальная схватка? Безусловно, победой: автор предложил яркий и неординарный текст, по своему провокационный. Принесла ли эта победа счастье ему или читателю? Надеюсь, что да.

* Запрещенная на территории РФ террористическая организация

* Старший преподаватель кафедры наук об обществе и человеке факультета гуманитарных наук ОАНО «МВШСЭН», руководитель образовательной программы «Политические исследования и анализ данных».

*Киселева Юлия Львовна**

Данное эссе представляет разбор вопроса о том, можно ли с точки зрения международного права осуществлять военные действия (вести «справедливую войну») против вооружённых негосударственных акторов, а именно против международных террористических организаций типа ИГИЛ. Мы видим, что, действительно, международное право, регулирующее вопросы международной безопасности, войны и мира, движется в сторону признания легитимности военных действий государств против международных террористических организаций как одной из новых угроз международной безопасности. В частности, правомерность таких силовых действий обусловлена 51-й статьёй Устава ООН — о праве государств на индивидуальную и коллективную самооборону. Кроме того, особенности внутренней организации ИГИЛ как некоего квазигосударства также создают основания для применения против него силы в рамках права государств-членов ООН на самооборону.

В эссе приводится подробный анализ вышеизложенной проблемы, представленный ясным и доступным языком, что является бесспорным плюсом работы. При этом хочется отметить, что было бы неплохо разграничить в работе три отдельных направления мысли по теме «справедливой войны» в отношении ИГИЛ: дискурс (или нарративы) отдельных государств о (не)допустимости применения силы против ИГИЛ и как этот дискурс обуславливает поведение государств на международной арене; законность (легитимность, допустимость) на сегодняшний день вооружённых действий против ИГИЛ в рамках международного права; и анализ того, насколько правильным или приемлемым является использование силы против ИГИЛ в принципе, то есть ответ на нормативный вопрос о «справедливой войне» против ИГИЛ (тип вопроса, которым занимаются международная политическая теория и международная этика). Не всегда есть ясность в отношении того, о каком именно из этих трёх аналитических подходов идёт речь в работе, хотя, на мой взгляд, все три подхода в ней обозначены.

* Преподавательница кафедры наук об обществе и человеке факультета гуманитарных наук ОАНО «МВШСЭН», PhD in International Relations

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ИСТОЧНИК ГОББСИАНСКОГО ПАНИЧЕСКОГО СТРАХА

Евгений Рубинов*

mss2100097@universitas.ru

«Пусть они ненавидят нас, пока боятся»

Калигула

«Даже храбрейшие подвержены внезапному страху»

Тацит

Введение

«We, the People» — с этих слов начинается одна из наиболее известных преамбул в мире — преамбула Конституции США¹. Для развития темы критически необходимо установить дальнейшее восприятие *конституции* как (писаной) формы *социального контракта*, заключаемого между людьми, соглашающимися добровольно передать государству часть собственных свобод.

Разумеется, автором осознается тот факт, что Конституция США не была прямым конспектом теории общественного договора, выдвинутой Томасом Гоббсом. Однако, нельзя также отрицать возможность и любопытность трактовки документа, вышедшего из-под пера отцов-основателей, посредством *гоббсианского* теоретического аппарата, тем более что Т. Гоббс находился в числе мыслителей, на чьи идеи опирались составители этого исторического текста.

Рассмотрение теории общественного договора с позиций Т. Гоббса в рамках текущей работы связано с попыткой автора детальнее раскрыть феномен страха,

* 2 курс, магистратура, *Политическая наука и международные отношения*. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: История политической философии.

¹ The U. S. Constitution. — Текст: электронный // National Constitution Center: [сайт]. — URL: <https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/full-text> (дата обращения: 21.12.2021).

а именно, политического страха, напрямую зависящего от проявлений террора. Для уточнения причин выбора именно гоббсианской модели как основополагающей для анализа важно отметить, что лишь подход Т. Гоббса (в отличие от построений Монтескье, Локка и Макиавелли) смотрит на тело политического страха как на нечто центральное и определяющее во всей выстраиваемой парадигме общественного соглашения.

В рамках текущей работы автора будет интересоваться *вопрос* о том, как гоббсианский *панический страх* граждан перед угрозой мирового терроризма может влиять на условия общественного договора, установленного в рамках отдельного государства. Попытка ответа на этот вопрос будет предпринята в постоянном соприкосновении с прецедентом террористических атак 11 сентября, а также ощущением ужаса, испытанным всем американским обществом в те дни. Перефразировав указанную выше проблему, можно уточнить, что автором будет исследоваться вполне гоббсианский феномен отказа американским обществом от части своих прав и свобод в эпоху пост-9/11, ввиду пережитого ощущения ужаса, впервые выразившийся в принятии «Патриотического акта» («The USA Patriot Act») 2001 г¹.

Принципиально важно отметить, что в приведенной формулировке исследовательского вопроса речь идет именно о *паническом* страхе (*panic terror*). На таком понятии настаивал сам Т. Гоббс, и, отчасти, с предъявлением этого концепта связан выбор именно гоббсианской модели в качестве основной для всей работы. Далее будет произведена попытка прояснить политический потенциал этого, как автору видится, недооцененного термина, обозначенного Гоббсом.

В первой части работы автором производится разбор теории государства и страха, выдвигаемой Т. Гоббсом. Анализируются современные источники, интерпретирующие феномен политического страха в эпоху мирового терроризма. Обнаруживается, на взгляд автора, важное и коренное *различие* в интерпретации общей гоббсианской теории страха современными исследователями. Во второй части работы с помощью анализа литературных источников производится попытка ответа с позиций Т. Гоббса на вопрос о том, почему *международный терроризм* вызывает у его жертв панический ужас и в случае терактов 11 сентября привел граждан к добровольному отказу от гарантируемых конституцией свобод.

I. Дихотомия страха в политической философии Т. Гоббса

Для прояснения и структурирования всего, что будет выводиться ниже, необходимо восстановить в памяти оригинальную концепцию общественного договора, выдвинутую Т. Гоббсом в середине XVII века.

Согласно мысли этого английского философа, люди в естественном (предшествующем государственному) состоянии находятся в перманентном положении вражды всех против всех. Жизнь людей, пребывающих в таком состоянии

¹ The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty. — Текст : электронный // US Department of Justice : [сайт]. — URL: <https://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 21.12.2021).

«(...) одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» (Гоббс 2020, 123). Кроме того, их существование наполнено естественным *страхом* и ощущением подозрения по отношению друг к другу.

Для того, чтобы избавиться от преследующего людей чувства взаимного опасения и недоверия, Т. Гоббс предлагает обменять его на некий иной страх — страх государства (Левиафана). Философ говорит о возникновении социального контракта, заключаемого *каждым с каждым*, сутью которого становится решение о передаче «подписантами» части своих прав и свобод некой искусственно создаваемой личности — суверену. Именно этой фигуре отныне делегируется право на распоряжение жизнью, смертью и страхами подчиненных в обмен на предоставление гарантии их защиты.

Т. Гоббс напоминает о постоянно нависающей опасности скатывания людей обратно в естественное состояние, а потому главной целью государства (в лице суверена) является гарантия поддержания общественного порядка и безопасности:

«Конечной причиной, целью или намерением людей (...) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении (...)» (Гоббс 2020, 165).

Как мы убедились, в гоббсианской модели выделяющийся страх перед Левиафаном занимает центральную роль и в известной степени «скрепляет» людей друг с другом, образуя общество (*civitas*). Это выводит нас на одно из ключевых для раскрытия темы работы понятие — понятие *политического страха*. Для формирования представления о современном восприятии страха в исследовательской среде необходимо обратиться к изысканиям К. Робина. Современный американский исследователь феномена политического страха определяет свой предмет изучения следующим образом:

«[Политический страх — это] переживание людьми возможности определенного ущерба их коллективному благополучию — боязнь терроризма, смятение в результате роста преступности, тревога из-за упадка нравственности — или же запугивание людей властями (...)»
(Робин 2007, 10).

Политический страх, по К. Робину, всегда является результатом конфликтов, тем или иным образом застывших в теле социума. Эти конфликты живут, делятся и подогреваются в обществе (или между обществами), прежде всего «благодаря» определенным усилиям, исходящим со стороны государства. Такие конфликты могут и будут иметь влияние на политику суверена, однако конкретизировав, можно выделить главное: *политический страх* укоренен в *государственном состоянии человека* и имеет место лишь в контексте существующего общественного договора, но не вне него.

К. Робин называет Т. Гоббса «антигероем» своей книги «Страх. История политической идеи» ввиду великого провидчества этого английского философа. По словам исследователя, «(...) нам еще многому предстоит поучиться [у Т. Гоббса]» (Робин 2007, 41). К. Робин удивлен количеством оправдавшихся провидений Гоббса, в особенности по отношению к *политическому страху*. Исследователь видит причину в том, что гоббсианский подход не стремился мистифицировать или как-либо морально окрасить феномен страха. Философ видел эту эмоцию скорее в качестве общественного двигателя, некоего инструмента, принадлежащего к телу властного аппарата или к рукам конкретного суверена.

К. Робин кроме того, что говорит о преодолении Гоббсом моральных конфликтов, замечает у того *двойственность восприятия политического страха* (Робин 2007, 45). *Во-первых*, ученым подчеркивается рациональность страха как нравственной эмоции. «[Страху] обучали влиятельные люди в церквях и университетах», говорит К. Робин, имея в виду само собой разумеющуюся (для Гоббса) тотальность властвования государства над человеческим страхом. Страх собственной смерти, из которого люди прибегли к заключению общественного договора, хоть и являлся сильной мотивацией в пользу установления социального контракта, все же не оказался чем-то универсальным и вечным. Во все времена находились люди, сопротивлявшиеся ему своей храбростью и благородством. И потому К. Робин говорит об очевидной необходимости, возникающей у суверена, к генерированию, универсализации и воспроизводству страха в создаваемых им институтах.

Здесь же на ум может прийти концепция дисциплинарной власти М. Фуко, выраженная им в «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (Фуко 1999). Школа, тюрьма, армия и больница представлялись для Фуко коренными институтами государства — именно они являлись инструментами поддержания и воспроизводства государственного присутствия в обществе. Ближе к этому видению лежит и восприятие К. Робинем механизмов управления страхом в концепции Гоббса. Именно ему, страху, было суждено скреплять граждан воедино и формировать «подлинный *civitas*» (народную общность), о котором говорил Т. Гоббс (Робин 2007, 45).

Второй способ помыслить страх связан с теми его качествами, по Гоббсу, которые К. Робин называет «театрализованными». «Политический страх зависел от иллюзии, в которой опасность усиливалась и даже преувеличивалась государством» (Робин 2007, 45). Как можно понять, этот вид страха также сопряжен с *государственной монополией* на него. Отличие суверена (в трактовке К. Робина) состоит в том, что он способен регулировать страхи граждан, показывая последним *чего* им бояться *следует*, а *чего* — *нет*. Этот надзор за общественными страхами, действительно, предполагает некоторую «театрализацию» политики в смысле предоставления государству возможности выгодной подсветки отдельных элементов, к которым по тем или иным причинам стоит привлечь внимание граждан.

Итак, как мы выяснили вслед за К. Робинсом, данная типология страха относится исследователем к страхам *политическим*, а значит, (по Гоббсу) *контролируемым* и *опосредуемым* государством (Гоббс 1989, 287-288). Это следует понимать в том смысле, что указанные трактовки страха принадлежат к телу Левиафана и возможны лишь в контексте нахождения подвластных в *государственном состоянии*. Таким образом *политический страх* может быть увиден как страх *латентный*, скрытый и существующий как бы на фоне всей общественной и государственной жизни человека. Он принимает *внутренний* характер и обнаруживается прежде всего в страхе людей перед Левиафаном. Более того, он приводит сам организм Левиафана в движение, выражаясь в исполнении людьми своей части общественного договора: подчинении законам и ведении социальной жизни. Политический страх у Гоббса, по мысли К. Робина, есть инструмент государства, направленный на поддержание общественного договора. Это и есть тот самый страх каждого перед каждым, перелившийся в государственном состоянии в страх перед сувереном.

Однако, у Т. Гоббса может быть замечена еще одна трактовка страха. И далее тезис автора будет разворачиваться в том контексте, что именно этот страх относится к *догосударственному* (естественному) состоянию человека. В этом определении сам Гоббс дает основания полагать, что это именно тот страх, истоки которого зависят уже непосредственно от людей, а не от государства. Этот страх сам Т. Гоббс определяет, как *панический ужас*:

«Страх без представления о том, почему и отчего, называется паническим ужасом (panic terror). (...) Первый, в ком возник этот страх, имеет представление о его величине, остальные же бегут, увлекаемые примером, причем каждый предполагает, что его сотоварищ знает почему. Таким образом, эта страсть возникает не в одном человеке, а в толпе»
(Гоббс 2020, 55).

В данной цитате можно найти три указания на то, что панический ужас, как его описывает Гоббс, имеет выход и отношение скорее к *естественному*, нежели государственному состоянию человека. *Во-первых*, в самом определении содержится указание на то, что панический ужас заставляет толпу бежать, стремясь (возможно, и не вполне осознанно) *самостоятельно* (без помощи Левиафана) и *бесконтрольно* спасти свою жизнь. Мы также можем говорить о невозможности сокрытия такого страха. В этом смысле он является полной антитезой к уже упомянутой латентности и «фоновости», свойственным страхам политическим.

Во-вторых, у Гоббса имеется указание на *неизвестность*, присущую паническому ужасу. Толпа бежит, не сознавая от чего. В случае с политическим страхом это не так: людям свойственно все же понимать, *чего* конкретно они страшатся (Левиафана и угроз, регулируемых им). Опираясь на иллюстрацию К. Робина, можно вспомнить о таких примерах, как «Страх черных американцев перед

полицией или, (...) страх перед своим правительством среди советских диссидентов и (...) борцов с апартеидом» (Робин 2007, 12).

Наконец, *в-третьих*, панический ужас представляется страхом перед *разрушением привычной и безопасной гражданской жизни*, которую Гоббс описывает как основу государственного состояния индивидов. Панический ужас возникает в толпе и возникает в ней спонтанно. Он присущ массе, улицезревшей нечто необъяснимое, неясное и столь же ужасающее, сколь неожиданное. У исследователей есть причины полагать, что это был именно тот страх, который парил в воздухе Нижнего Манхэттена 11 сентября 2001 г. (Boscarino 2003, 199–209). Попав в тот день на миллионы телеэкранов и газетных заголовков, панический ужас стал достоянием всего американского общества.

Тезис автора о том, что в гоббсианской модели содержится понимание страха не только как чего-то «устойчивого и постоянного» (Scheffler 2006, 6) (как в случае с видением политического страха у К. Робина), может быть поддержан статьей другого современного философа — С. Шеффлера. В своей работе, написанной через 5 лет после обрушения башен-близнецов, ученый также подчеркивает особую роль страха «без представления о том, почему и отчего». На важность этого концепта для понимания событий 11 сентября исследователь выходит через два следующих его аспекта.

Первая часть аргументации С. Шеффлера говорит нам о том, что Гоббс оказался необычайно точен в своем определении механики распространения панического страха. Исследователь указывает, что, хотя терроризируемые все же зачастую «*понимают, чего они боятся*», страх террористических атак тем не менее попадает под гоббсианское определение панического ужаса. Для доказательства этого вспомним о второй части определения Гоббса: «*(...) первый, в ком возник этот страх, имеет представление о его величине, остальные же бегут, увлекаемые примером*». Суть страха терроризма, замечаемая здесь Шеффлером, состоит в его «заразности» (infectiousness) — молниеносном распространении от одного «носителя» к другому:

«Однако, терроризм по-прежнему извлекает выгоду из заразительности страха, так как тот факт, что что-то напугало одного человека, вполне может напугать и последующего [человека]. Так, всеобщая боязнь различных людей способна оказывать кумулятивный и усиливающий эффект в распространении страха»
(Scheffler 2006, 7)¹.

Второе подкрепление теории Т. Гоббса С. Шеффлером содержится в самой цели (как он ее мыслит) террористических атак. Террористы в своих актах пытаются утратить не конкретные группы и категории населения (как это производит Левиафан, использующий политический страх в целях поддержания гражданского

¹ Перевод авт.

порядка). Вовсе нет. Сама суть терроризма как феномена современной политической реальности направлена на максимальную рандомизацию жертв. Что действительно важно, так это общий курс террористов на «дестабилизацию и деградацию (или угрозу дестабилизировать и деградировать) существующий общественный порядок» (Scheffler 2006, 5)¹. Террористические организации сосредотачивают свои силы на компрометации Левиафана в глазах граждан, на зарождении в мирных жителях (noncombatants) сомнений в привычных им институтах. Шеффлер видит в этом интенцию обрушить (или, как минимум, пошатнуть) всю выстроенную Левиафаном «социальную фабрику» (social order). И именно тот характер неуверенности в гражданских институтах, закладываемый террористическими атаками в мирных жителей, ассоциируется С. Шеффлером с еще одной имплементацией гоббсианского панического ужаса.

В статье ученого присутствует важное для текущей работы разделение, которое с целью резюмирования необходимо еще раз подчеркнуть. Оно заключается в противопоставлении *государственного террора* (state terror) и *терроризма* (terrorism). И если *последний* стремится посредством создаваемого страха дестабилизировать общественный порядок, то *первый* — напротив — «использует привлечение или угрозу привлечения насилия в целях создания страха, направленного на поддержание общественного порядка» (Scheffler 2006, 11)². Именно на этом делении С. Шеффлера зиждется дихотомия, выдвинутая автором и заключающаяся в противопоставлении страха *политического* (присущего state terror) и *панического* (относящегося к проявлениям терроризма).

Обозначенные подкрепления С. Шеффлера (во многом совпадающие с позицией автора) дают нам основания суммировать следующее:

а.) использование К. Робинсом концепции *политического* страха в отрыве от концепции страха *панического* значительно сужает нашу способность помыслить международный терроризм как многостороннее явление;

б.) выявляемые выше эффекты *панического* страха относятся не к политическому, а скорее к *дополнительному* состоянию человека. Ужас, испытываемый людьми под влиянием террора, являет собой нечто естественное и хтоническое. Вместе с тем, он есть молниеносно распространяющийся ужас перед явлением, претендующим на слом всей достигнутой системы социального порядка (Scheffler 2006, 7). Так, людей ввергает в страх сама возможность крушения системы, установленной общественным договором. А вместе с тем — и общепринятых институтов, существующей гражданской безопасности, законов, а также веры людей в государственный порядок.

Панический страх в этом смысле является результатом глубокой внутренней пораженности от запечатленного глобального события или зрелища. Далее автор попытается дополнить взгляд С. Шеффлера доказательством гипотезы о том, что проявление народом панического ужаса будет являться частью и характеристикой

¹ Перевод авт.

² Перевод авт.

отхода к естественному состоянию в рамках теории Гоббса. И если так, то в рамках той же теории, такой возврат к естественному состоянию может ассоциироваться с возможностью пересмотра общественного договора. Иными словами, мы можем предположить, что по выходу из состояния этого панического (естественного) страха, людям будет свойственно стремиться неким образом обезопасить себя от такого состояния в будущем. И проявлением этого стремления в таком случае станет *переподписание* (с вероятным ограничением собственных свобод) общественного договора.

Итак, мы можем обобщить, отметив, что в гоббсианской модели может быть выделен страх двух видов: *политический* и *панический*. В следующей главе будет предпринята попытка ответа на вопрос о том, почему *терроризм* вызывает у граждан панический страх. анализа того, *что* будет происходить с политическим телом социального контракта в соприкосновении с обществом, погружившимся в состоянии гоббсианского панического ужаса. Как уже было отмечено в исследовательском вопросе, все тезисы будут разворачиваться в контексте событий 11 сентября.

II. Международный терроризм. Происхождение и следствия панического страха

В текущей главе автор попытается обозначить причину того, почему страх перед терроризмом способен привести людей к отречению от части собственных свобод. Так как сам феномен впадения граждан в паническое состояние рассматривается нами в контексте террористических атак 11 сентября, необходимо будет установить гоббсианский взгляд на проблему мирового терроризма и выдвигаемую философом конфигурацию международных отношений. Далее мы будем опираться на предоставленную Т. Гоббсом теорию как на базу, необходимую для прояснения феномена отказа народом США от части свобод, дарованных ему Конституцией. Речь идет о вступлении в силу буквально через месяц после произошедших терактов «Патриотического акта» («The USA Patriot Act»), значительно ограничившего права и свободы граждан¹.

Видение Т. Гоббсом отношений, царящих на международной арене, во многом совпадает с выдвинутой им же концепцией государства, со следующей глобальной разницей: в международных отношениях естественное состояние так и не было преодолено (Гоббс 2020, 123–125). Это означает, что положение вражды всех против всех является превалирующим и вполне натуральным состоянием для международных акторов.

Также, ввиду невозможности выработки в международной среде формализованных и обязательных к подчинению законов, среди государств царит естественная анархия. Состояние вражды всех против всех, по Гоббсу, снимает вопрос представлений о справедливом и несправедливом.

¹ The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty. — Текст : электронный // US Department of Justice : [сайт]. — URL: <https://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 21.12.2021).

«(...) Короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств (...), что является состоянием войны»
(Гоббс 2020, 124).

Эта цитата часто использовалась интерпретаторами Т. Гоббса для описания реалий холодной войны и доказательства того, что даже если регулярных боевых столкновений между акторами не происходит, это вовсе не означает, что война между ними не ведется. В статье еще одного американского исследователя терроризма, Д. Уильямса, предлагается модель, по мнению автора, способная помочь нам ответить на главный для текущего раздела работы вопрос. В рамках данной модели конструируется ситуация, позволяющая (пусть и временно) снять состояние анархии в международной среде. Единственным возможным решением в рамках теории политического неореализма, предтечей которого является Т. Гоббс, станет установление гегемона:

«Если одно государство оказывается значительно сильнее остальных, оно может де-факто стать гоббсианским сувереном, прокладывая путь к миру и стабильности»
(Williams 2009, 97)¹

В восприятии Д. Уильямса, во времена холодной войны статус гегемона был поделен между СССР и США, но после падения советского государства эта роль принадлежала только США. По взгляду ученого, наличие гегемона должно было бы означать избавление международного сообщества от войн и нестабильности. Однако, угроза международного самоубийственного терроризма (international suicide terrorism) и террористические атаки на актуального гегемона воссоздали гоббсианское состояние войны в том смысле, что установление суверена было провалено (Williams 2009, 97).

Уильямс подчеркивает, что война США с международным терроризмом, принявшая в итоге конвенциональный характер², является вполне закономерным сценарием развития событий. Обе стороны после терактов 11 сентября позволили расценивать свои дальнейшие действия, буквально, в качестве военных. Об этом одновременно свидетельствуют приведенные в статье заявления Дж. Буша и О. бен Ладена. Однако, Д. Уильямс подчеркивает, что существует значимая причина, по которой «в принципе не может существовать суверенной силы, способной встать

¹ Перевод авт.

² Текст обращения к нации президента США Джорджа Буша. — Текст : электронный // Радио Свобода : [сайт]. — URL: <https://www.svoboda.org/a/24216802.html> (дата обращения: 21.12.2021).

над террористами, внушая в них трепет» (Williams 2009, 97)¹. Эта причина выводится им как «*асимметрия страха*» (the asymmetry of fear) (Williams 2009, 100).

Выход на это значимое и для нашей работы понятие позволяет исследователю приблизиться к пониманию причин того, почему США в итоге оказались «неудавшимся гегемоном» (failed hegemon), а международное сообщество возвратилось к своему естественному состоянию. Как мы уже узнали, страх собственной (жестокой и бесславной) смерти является одной из сильнейших мотиваций во всей теории Т. Гоббса. Именно он приводит людей к заключению общественного договора и признанию необходимости установления суверена. Отличие организаторов терактов 11 сентября заключалось в отсутствии в них такого страха.

Мы знаем Т. Гоббса как радикального материалиста, закрепившего *симметричность* и *универсальность* распределения страха между сторонами. Тем не менее, следуя за аргументацией Уильямса, мы понимаем, что гоббсианский тезис об универсальности страха теряет свою силу в эпоху международного терроризма (Williams 2009, 92). Террористам не свойственно страшиться собственной смерти и, более того, зачастую они жаждут принести свою жизнь в жертву ради цели устрашения.

В том смысле, что в террористов невозможно вселить страх смерти, их также невозможно заставить признать над собой волю властвующего суверена, или, если речь идет о международной сфере, гегемона. Именно это неравномерное (ассимметричное) распределение страха дает основания полагать, что весь производимый террористами ужас ложится лишь на одну сторону — на сторону жертв их актов. Таков, по мысли автора, генезис панического страха в контексте произошедших в Америке террористических атак.

Итак, после изложения логической линии Д. Уильямса, тезис автора предстает следующим образом. Эффект панического устрашения от террористических актов, в сочетании с искренним непониманием народом-жертвой причин «*почему и отчего*», приводит граждан к одному лишь стремлению — обезопасить себя от подобной *уязвимости* в будущем. И так как восстание против Левиафана народом, охваченным паническим страхом, всерьез не рассматривается, единственным оставшимся выходом в рамках концепции Т. Гоббса становится передача гражданами еще большего количества свобод суверену. Именно это и произошло в США 26-го октября 2001 г. с принятием известного «Патриотического акта» (The USA Patriot Act)², значительно расширившего полномочия федеральных властей и правоохранительных органов в системах наблюдения, прослушке телефонных линий и контроле банковских операций граждан³.

¹ Перевод авт.

² The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty. — Текст: электронный // US Department of Justice: [сайт]. — URL: <https://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 21.12.2021).

³ Siobhan, Kattago. The Specter of Fear Europe after the Paris attacks / Kattago Siobhan. — Текст: электронный // Public Seminar : [сайт]. — URL: <https://publicseminar.org/2015/11/the-specter-of-fear/> (дата обращения: 21.12.2021).

Как мы попытались обосновать, опираясь в текущей главе на изыскания Д. Уиллиса, террористы способны «наносить» народу-жертве панический страх, так как сами они не испытывают страха за свою жизнь вовсе. Указанная «асимметрия» приводит к диспропорциональному распределению страхов в ситуации с терроризмом. Народ-жертва террористических атак в такой конфигурации будет с высокой долей вероятности готов пожертвовать некоторой частью собственных конституционных свобод ради уклонения от подобных катастроф в будущем.

Заключение

В исследовательском вопросе, поставленном автором в самом начале работы, содержится премиса о том, что у Т. Гоббса может быть вычитана достаточно самобытная и многомерная модель страха. Как было выяснено в ходе первой главы, не все исследователи гоббсианского подхода к изучению феномена политического страха принимают во внимание концепцию *панического ужаса*, определяемую самим Гоббсом достаточно явно. На примере событий 11 сентября автором была произведена попытка выявления и иллюстрации напряжения, возникающего между понятиями страха *политического* (опосредуемого государством и принадлежащему к *государственному террору*) и страха *панического* (являющего собой нечто хаотичное и относящееся к последствиям *терроризма*). Таким образом, мы столкнулись с еще одним важным для понимания всей картины произошедших терактов противопоставлением. Оно заметно между понятиями *террора* (государственного — т.е. нацеленного на поддержание общественного договора) и *терроризма* (происходящего от негосударственных акторов, стремящихся к разрушению государственных и гражданских структур).

Как было также показано, панический ужас имеет *асимметричное* распределение в том смысле, что он производится теми, кто страха не испытывает вовсе — идеологическими террористами. В подобных акторах отсутствует страх смерти — один из важнейших китов, на которых стоит вся политическая философия Т. Гоббса, говорящая нам об *универсальности* распределении страха. Эта некоторая уязвимость тезиса философа, выявленная Д. Уиллисом из контекста эпохи международного терроризма, трактуется автором так, что весь страх в ситуации терактов обрушивается на одну лишь сторону — на сторону устрашаемых жертв. Именно этот эффект склоняет последних к необходимости обезопасить себя путем передачи еще большей части своих свобод в руки действующего Левиафана.

Наконец, произведенная работа не может не наталкивать на мысли об актуальности и свежести философии Т. Гоббса в XXI веке. Многие тезисы этого английского теоретика обретают совершенно иной окрас в эпоху, проживаемую мировым сообществом на протяжении последних двадцати лет, минувших с терактов 11 сентября.

Библиография

Гоббс, Т. Избранные сочинения в двух томах. Том 1. — М.: Мысль, 1989. — 623 с.

Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. — СПб: Азбука, 2020. — 701 с.

Робин, К. Страх. История политической идеи / К. Робин. — М.: Издательский дом "Территория будущего", 2007. — 368 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: "Ad Marginem", 1999. — 479 с.

Boscarino, J. A. Fear of Terrorism in New York After the September 11 Terrorist Attacks: Implications for Emergency Mental Health and Preparedness / J. A. Boscarino, C. R. Figley, R. E. Adams. — // International Journal of Emergency Mental Health. — 2003. — № 5. — P. 199–209.

Scheffler, S. Is Terrorism Morally Distinctive? / S. Scheffler. — // The Journal of Political Philosophy. — 2006. — № 1. — P. 1–17.

Williams, D. L. Hobbes and Terrorism / D. L. Williams. — // Critical Review: A Journal of Politics and Society. — 2009. — № 21. — P. 91–108.

Текст обращения к нации президента США Джорджа Буша. — Текст: электронный // Радио Свобода: [сайт]. — URL: <https://www.svoboda.org/a/24216802.html> (дата обращения: 21.12.2021).

Siobhan, Kattago The Specter of Fear Europe after the Paris attacks / Kattago Siobhan. — Текст: электронный // Public Seminar: [сайт]. — URL: <https://publicseminar.org/2015/11/the-specter-of-fear/> (дата обращения: 21.12.2021).

The U. S. Constitution. — Текст: электронный // National Constitution Center: [сайт]. — URL: <https://constitutioncenter.org/interactive-constitution/full-text> (дата обращения: 21.12.2021).

The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty. — Текст: электронный // US Department of Justice: [сайт]. — URL: <https://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm> (дата обращения: 21.12.2021).

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ИСТОЧНИК ГОББСИАНСКОГО ПАНИЧЕСКОГО СТРАХА»

*Шаблинский Антон Ильич**

Эссе отличает скрупулёзная и бережная работа с понятийным аппаратом Гоббса. Проблема сформулирована ясно и остро.

Читателю может показаться нерешенным вопрос о том, какой интерпретации понятия «естественное состояние» придерживается автор. Ответ на этот вопрос поможет в свою очередь прояснить более насущный для данного текста вопрос: является ли панический страх характеристикой гражданского состояния или естественного? С одной стороны, автор вслед за Шеффлером замечает, что «Ужас, испытываемый людьми под влиянием террора, являет собой нечто естественное и хтоническое. Вместе с тем, он есть молниеносно распространяющийся ужас перед явлением, претендующим на слом всей достигнутой системы социального порядка. Так, людей ввергает в страх сама возможность крушения системы, установленной общественным договором.» С другой стороны, обещает доказать, что «проявление народом панического ужаса будет являться частью и характеристикой отхода к естественному состоянию в рамках теории Гоббса». В заключительном разделе автор скорее воспроизводит крайний тезис еще раз уже в контексте естественного состояния между государствами, однако не объясняет, почему же панический ужас характерен только для естественного состояния: «В восприятии Д. Уильямса, во времена холодной войны статус гегемона был поделен между СССР и США, но после падения советского государства эта роль принадлежала только США. По взгляду ученого, наличие гегемона должно было бы означать избавление международного сообщества от войн и нестабильности. Однако, угроза международного самоубийственного терроризма (international suicide terrorism) и террористические атаки на актуального гегемона воссоздали гоббсианское состояние войны в том смысле, что установление суверена было провалено». Иными словами, автор постулирует, что панический ужас перед международным терроризмом повлек переход в естественное состояние. Однако именно это и необходимо было доказать.

* К.пол.н., доцент кафедры наук об обществе и человеке ОАНО «МВШСЭН»

Не очень понятно, зачем в принципе автору доказывать, что панический ужас возможен только в естественном состоянии. Чтобы объяснить передачу гражданами новых свобод Левиафану нам не обязательно конструировать переход в естественное состояние и заключение нового общественного договора. Можно было бы показать, что гражданское состояние всегда примыкает к состоянию естественному (об этом подробно пишет А.Ф. Филиппов). Это примыкание можно увидеть в наличии в гражданском состоянии элемента, характерного обычно для естественного состояния, того самого панического ужаса перед "крушением системы, установленной общественным договором".

НАКАЗАНИЕ ПРИ ИВАНЕ IV И ПЕТРЕ I: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ, ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

*Юлия Лысенок**

mss2100196@universitas.ru

Иван Грозный и Пётр I считаются ярчайшими фигурами в истории России. Их преобразования, действия и решения коренным образом меняли государственный аппарат, внешнюю и внутреннюю политику и жизнь людей. Пётр Алексеевич восхищался Иваном Грозным и так говорил о нём: «Этот Государь мой предшественник и пример. Я всегда принимал его за образец в храбрости; но не мог еще с ним сравняться. Только глупцы, которые не знают обстоятельств его времени, свойств его народа и великих его заслуг, называют его тираном» (Анисимов 2009). Во многом оба правителя действительно стали первыми: Иван Грозный — первый русский царь, а Пётр Алексеевич — первый русский император.

В некоторых сферах Пётр I повторял политику Ивана IV. Они оба стремились создать централизованную и сильную монархию, не доверяя дворянству. Оба известны своей жестокостью. Предметом моего интереса в данном эссе станут казни, пытки и уголовные наказания в периоды правления Ивана Грозного и Петра Великого. Есть ли сходства и различия в наказаниях XVI и XVIII веков? Так же популярна остаётся казнь при Петре I? Меняется ли отношение к телу наказуемого? Какие новшества в уголовном процессе вводятся при Петре I, чем это обусловлено и почему этого не было при Иване IV? Некоторые из этих вопросов неизбежно отсылают нас к Мишелю Фуко и его труду «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (Фуко 1999), так что многие аспекты мы будем рассматривать через призму концепции французского философа.

Рассмотрим пытки и казни при Иване Грозном. А.Л. Юрганов в работе «Опричнина и страшный суд» (1997) приводит примеры наказаний, которые

* 2 курс, бакалавриат, Современный медиатекст. Работа написана на 2 курсе, дисциплина: История России.

использовали опричники Ивана IV. Все они отличаются изощренностью и жестокостью. Например, гнев государев в 1570 году обрушился на жителей Новгорода. Иван Грозный созвал новгородцев якобы для обсуждения важных дел и велел им собраться на мосту. Когда люди оказались на нём, оттуда их сбросили в реку. В целом Иван Грозный питал тягу к наказаниям и казням, связанными с водой: считается, что Иван Грозный первым стал заживо варить в котлах людей, которых подозревали в измене. Типичными наказаниями того времени были рассечение тела, повешение, отрубание головы, четвертование. Важны были акт страдания наказуемого и трансляция этого мучения публике: толпа, словно находясь на театральном представлении, наблюдала, как несчастный корчится от адских мук. Задача палача состояла в том, чтобы продлить страдания, поэтому действовали они с хирургической точностью, стремясь не повредить жизненно важные органы. Калечение людей было нормальной практикой. Членовредительство (в частности, усечение рук) было одним из видов наказаний, зафиксированных в Судебнике 1550 года¹.

Если исходить из концепции Фуко, то в системе наказаний при Иване Грозном мы видим несколько важных черт. Во-первых, это театральность. Игра на публику, показательная порка, изощренность методов — всё это служит устрашению и показывает толпе, наблюдающей за казнью, что против царя идти — дело гиблое. Преобладают именно физические страдания, а тело не используется как эффективный инструмент: искалеченные люди, подвергшиеся, например, отсечениям конечностей, для государства XVI века не приносят ощутимой пользы и лишь служат неким примером, что может произойти в случае непослушания. В казни и пытке читается стремление к отмщению телу преступника.

Ивану Грозному свойственно придавать пыткам и казням религиозный смысл. Немец Альберт Шлихтинг описывал то, как царь любил развлекаться: зашивать человека в медвежью шкуру, а потом натравливать на него собак, устраивая охоту на провинившегося (Шлихтинг 1935). А.Л. Юрганов связывает эту забаву с «символическим соотношением грехов человеческих с животными» (Юрганов 1997). Казни, связанные с водой, также приобретают для Ивана Грозного религиозный смысл очищения и иногда адского наказания.

При Петре I телесные практики, связанные с преступлением, меняются. Во-первых, в XVIII веке, пишет Евгений Анисимов в книге «Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. Монография» (2019), понятия «государь» и «государство» отчетливо разделяются. Это принципиально отличается от восприятия государства при Иване Васильевиче. «Всё Московское государство представлялось огромной “вотчиной” государя», — пишет Михаил Кром в работе «Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков» (2018). При Иване Грозном развивается идея общего блага, но тогда она была в зачаточном состоянии: появляется выражение «дело государево и земское», но используется оно достаточно

¹ Судебник 1550 года // Хронос: сайт. — URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1550sudeb.php> (дата обращения: 16.12.2022).

редко. Мысль об общем благе складывается позднее, при Петре Алексеевиче. Если при Иване Грозном за неисполнением сложившихся представлений о государстве преступление осмысляется как действие против государя, то при Петре I это шаг также против России, отделенной от личности императора, это предательство идеи общественного блага. При Иване Грозном преступление поражает точно личность царя, а при Петре Алексеевиче осмысляется как действие, способное навредить каждому члену общества.

Всё это приводит к тому, что в XVIII веке появляется необходимость в расширении уголовного и процессуального законодательства. Появляются Устав воинский¹ 1716 года и «Краткое изображение процессов или судебных тяжёб»² 1715 года. Если от правителя идейно отделяется государство, то необходимо уточнить преступления, которые совершаются конкретно против государства. Появляются понятия «интересы государственные» и «интересы государственные и всего народа» (Анисимов 2019). Не стоит думать, что при Иване Грозном не было понимания политических преступлений. Они также существовали и карались, но осмыслились как «неповиновение светским властям» и «превращались в тяжкий грех богоотступничества» (Кромм 2018). При Петре I это становится грехом отступничества от государства и общества. Пётр Алексеевич расширяет список политических преступлений. Помимо государственной измены, самыми важными преступлениями, пишет Е. Анисимов, считались «покушения на жизнь и здоровье государя в форме физических, а также магических действий или умысла к этим действиям» (Анисимов 2019). Интересно, что часто образ Ивана Грозного связан с подозрительностью и верой в мистику, а Петра — со спокойной и твердой рассудительностью. Однако Пётр опасался магического влияния на себя и карал за порчи и сглазы. Поэтому и «непригожие речи»³ относили к преступлению, ведь слову приписывали магическую силу.

Смертная казнь при Иване Грозном была одним из наиболее часто используемых наказаний. При Петре I данный вид наказания никуда не исчез. В Уставе воинском было отмечено, что к смертной казни следует прибегать в 123 случаях. Чаще всего она использовалась за мятеж, убийство, измену, казнокрадство и коррупцию. Однако при Петре Алексеевиче развивается принципиально важное явление — каторга. Подневольный труд определяет вектор использования тела преступников в XVIII веке и далее. Указ от 24 ноября 1699 года впервые в России определил каторгу на весельных судах как меру наказания. В нём сказано: «бить вместо смерти кнутом без пощады и послать в ссылку в Азов с женами и детьми, и быть им на каторгах

¹ Пётр I. Устав воинский. 1716 г. // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/Ystav1716.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

² Краткое изображение процессов или судебных тяжёб // НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде: сайт. — URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/kip> (дата обращения: 16.12.2022).

³ На каком языке говорили преступники XVIII века // Arzamas: сайт. — URL: <https://arzamas.academy/materials/786> (дата обращения: 16.12.2022).

в работе»¹. Дальнейшее использование труда заключённых вместо их убийства и членовредительства определилось строительством Петербурга. Петру I была нужна рабочая сила, чтобы создать столь желаемый и важный для него порт, и заключённые стали теми, кому предстояло возводить детище Петра. «Нужда есть, дабы несколько тысяч воров приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути», — писал Пётр Алексеевич князю Ромодановскому в сентябре 1703 года². В 1706 году появляется Каторжный двор. Это принципиально важно: появляется подчиненная государству структура, которая легитимно использует труд заключённых в качестве гребцов и работников Галерной верфи.

Обращаясь к Фуко, мы видим, что в России при Петре I происходят изменения, в целом типичные для тюремных преобразований начала XVIII века. Иван IV наказывал тело, а при Петре Алексеевиче государство начинает контролировать акт преступления и стремится его предотвратить. Телу больше не мстит государь. Вина преступника теперь осознается как вред обществу, поэтому требует иного наказания, чем это было ранее. Смертная казнь постепенно становится неактуальной: мёртвый человек — неэффективный человек. Он не сможет возместить обществу те потери, которые произошли в результате совершенного им преступления. Появляется необходимость использовать тело более продуктивно. Кроме того, при Петре I строятся порты и города (Петербург, Бийск, Таганрог и другие), ощущается острая необходимость в рабочей силе, и самый лёгкий и быстрый способ её получить — это труд заключённых.

Но если дискурс отходит от страданий телесных и делает их несколько неэффективными, то на какой рычаг теперь начинает давить государство? «Если не тело, то душа. Искупление, которое некогда терзало тело, должно быть заменено наказанием, действующим в глубине, — на сердце, мысли, волю, наклонности» (Фуко 1999), — пишет Фуко. Страдания телесные переходят в страдания душевные. Каторга как место продуктивного использования тела заключённого приносит ему душевные страдания. По Виктору Франклу (2015), в условиях концлагеря, а в случае, который мы рассматриваем, каторги, человек может потерять нацеленность на будущее; как следствие он опускается духовно и по-человечески и в конце концов теряет опору. Франкл вспоминает слова Фридриха Ницше: «У кого есть “Зачем?”, тот выдержит любое “Как?”». Каторга за ряд преступлений (не за все) при Петре I, согласно Указу от 5 февраля 1705 года, — это работы до конца жизни («... и ссылать на каторгу в вечную работу»)³. Человек осознает безвыходность положения, не имеет цели

¹ О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам, 1699 // Вeneвский уезд : сайт. — URL: <https://www.veneva.ru/lib/1699-ukaz.html> (дата обращения: 16.12.2022).

² Заключенные на галерах. Как жили каторжники в XVIII веке // Аргументы и Факты Санкт-Петербург : сайт. — URL: https://spb.aif.ru/society/people/zaklyuchennye_na_galerah_kak_zhili_katorzhniki_v_xviii_veke (дата обращения: 16.12.2022).

³ Преступления против общественного порядка и спокойствия при Петре I. Указ 1705 года О нечинении смертной казни преступникам кроме бунтовщиков и смертоубийц // Библиотекарь.Ру : сайт. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-13-pravo-i-sud-pri-petre-1/11.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

в будущем и морально подавлен. Это работает и как механизм предотвращения преступления: смертная казнь — это быстрое лишение жизни, и мучителен в нём лишь факт ожидания, которое может быть не таким уж долгим, а каторга — это неопределенность, мучения, не имеющие конца и итога. Даже сейчас в интервью пожизненные заключенные тюрем в России сообщают журналистам, что предпочли бы заменить своё наказание на смертную казнь¹, ибо долгосрочное существование в жестоких условиях (теперь представим, какие условия были у каторжных рабочих при Петре I) лишает всякой цели в будущем и делает настоящее блеклой чередой бессмысленных событий, ведущих ровным счетом к ничему. Кроме того, унижение души производилось и таким способом, как клеймение преступников. Официально оно было введено Указом 3 мая 1691 года: кто был освобожден от смертной казни, тот клеймили буквой «В» («для того, буде впредь кто из тех воров из ссылки сбежит, а объявится в Москве, было бы потому познать» (Размахов 2019)). Это морально унижает человека, выделяя его из толпы в негативном ключе, надевая на него ярлык и бремя быть вне общества.

Тем не менее, не стоит думать, что Пётр совсем отошёл от того формата проведения казней, который существовал в XVI веке и нацелился на гуманизм в лучшем его проявлении. Когда Петр I ввёл каторгу, он руководствовался не гуманизмом, а прагматизмом. Петру нужны были рабочие руки, поэтому часть заключённых избежала смертного приговора. Остальной части была уготована иная участь. Публичные казни при Петре Алексеевича не только не исчезли, но «Петр усилил жестокость и театральность публичных казней», пишет Нэнси Коллманн в работе «Преступление и наказание в России раннего Нового времени» (2016). При Петре I впервые упоминается колесование, одна из наиболее мучительных практик пытки и казни. Зрелищные казни имели две цели: напугать толпу жестокими мучениями, дабы предотвратить преступления, и продемонстрировать власть государя. В Генеральном регламенте 1720 года написано: «... дабы всяк, смотря на то, от таких погрешений и преступлений себя мог охранять»². Становится важен символизм: Коллманн пишет, что в 1718 году во время чумы было приказано воздвигнуть виселицы. Они играли роль устрашения и символического предупреждения: «угрожали немедленным повешением всем, кто не соблюдал карантин» (Коллманн 2016).

В рамках раскрываемой мною темы было бы интересно обратить внимание на практику доносов при Иване IV и Петре I. Существовали и даже процветали они при обоих правителях. Альберт Шлихтинг в «Кратком сказании о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича» пишет: «Именно москвитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычай взаимно обвинять и клеветать друг на друга пред тираном и пытать

¹ Приговорённые в Чёрный дельфин. ИК-6. 2 серия. Приговорённые пожизненно | Криминальная Россия // Youtube : сайт. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=URaudwq9AUw> (дата обращения: 16.12.2022).

² Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой. А тирану все это любо, и он никого не слушает охотнее, как доносчиков и клеветников, не заботясь, лживы они или правдивы»¹. Иван Грозный прислушивался к доносчикам, и кара государя обрушивалась на жертву доноса. Доносительством, с одной стороны, было заниматься весьма выгодно: это способ войти в круг доверия царя, приблизиться к нему и иметь от этого привилегии. С другой стороны, тот, кто доносит, вскоре и сам может стать жертвой доноса со стороны врагов и завистников.

Пётр I сделал решительные шаги в вопросе извета. Указ от 23 октября 1713 года устанавливает поощрение за доносительство: «... и кто на такого злодея подлинно донесет, и тому, за такую его службу, богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будет; а буде достоин будет, дается ему и чин его»². При Петре Алексеевиче появляются фискалы, «символ подсматривания и гнусного доносительства», пишет Е. Анисимов (2009). Действия фискалов регламентировались, были введены наказания за ложные доносы, злоупотребители среди фискалов казнили (например, случай генерал-фискала А. Нестерова), но, естественно, с доносов они получали материальные поощрения, что делало их работу весьма продуктивной. Тогда же появляется интересная практика намеренного ложного доносительства с целью привлечения внимания к делу, его пересмотру. Доносы делились на устные и письменные, причём к первым относились даже публичные выкрики в толпе с желанием донести извет и другие похожие практики. Пётр I регламентирует сферу доносительства, запуская процесс контроля за обществом не только сверху, но и снизу. Извет поощряется финансово, с его помощью можно добиться своих личных целей. В целом этот механизм схож с тем, который действовал при Иване Грозном, только он становится сложнее, более разветвленным и всё-таки проверяется на истинность или ложность. Ситуация с изветами подсвечивает некоторую схожесть черт личности Петра I и Ивана Грозного в вопросах доверия. Грозный с детства познал одиночество и безразличие (всем известная история о том, как бояре относились к малолетнему Ивану: забывали кормить, плохо одевали и так далее), что развило в нем подозрительность. Пётр, выросший в вечной борьбе Милославских и Нарышкиных, а во взрослой жизни столкнувшийся с предательством родного сына царевича Алексея Петровича, был мнительным и недоверчивым. Это определяет особое отношение правителей к практике доносительства, поощрение изветов и веру в необходимость этого явления. Доносы — удобный инструмент давления на каждого члена общества. По сути, это зачатки паноптикума в обществе: индивид ощущает, что любой член общества (собеседник; человек, проходящий мимо и случайно услышавший разговор; незнакомец, узнавший слухи; родственник или партнер) следит за каждым сказанным словом. Повсюду надзиратели, готовые

¹ Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича / А. Шлихтинг // Восточная литература: сайт. — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Schlichting/frameset.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

² Указ Петра Первого о донесении на преступников от 23 октября 1713 // История России до 1917 года: сайт. — URL: <http://russiahistory.ru/ukaz-petra-pervogo-o-donesenii-na-prestupnikov-ot-23-oktyabrya-1713/> (дата обращения: 16.12.2022).

донести о любой фразе, которая может быть использована против человека и отправит его на каторгу или вовсе лишит жизни. При высокой степени доноительства правдива поговорка из «Ослов» Плавта: «человек человеку волк»¹. Осознавая, что любой человек, даже самый близкий, может стать доносчиком, в голове у каждого рождается надзиратель, который тщательно фильтрует, что следует или не следует говорить и делать.

Действия и постановления Тайной канцелярии, созданной в 1718 году, иногда доходили до абсурда. Ведомство, как пишет Александр Каменский, было создано в первую очередь для расследования дела о предательстве царевича Алексея Петровича, но просуществовало вплоть до 1726 года². Пётр тонко чувствовал, какие гайки стоит закручивать для спокойствия и стабильного развития государства, но иногда перебарщивал с мнительностью. Анисимов в курсе «Закон и порядок России XVIII века»³ приводит примеры необычайных государственных преступлений: ошибка при написании титула государя, неснимание шапки при чтении указа, брань императорского портрета, непитие за здоровье государя и многое другое. Тотальное устрашение народа, навязывание ему страха сказать хоть одно лишнее слово или совершить опасное действие были достигнуты, но цена этого — множество людей, которых били кнутом, которым вырывали ноздри и совершали ещё множество жесточайших действий за поступки, по сути, безобидные.

Таким образом, сопоставляя политику Ивана Грозного и Петра I в вопросах наказаний, пыток, казней и в целом уголовного процесса, мы видим как ряд сходств, так и различия, определяющие эволюцию данной системы. Оба правителя используют смертную казнь, доносы, театрализованные кровавые представления, однако Петру удаётся сделать шаг в сторону продуктивного использования тела заключённого путем введения каторги. Меняется идейное содержание наказания: Иван Грозный казнит преступников в контексте их греха перед богом и государем, а Пётр Алексеевич наказывает в контексте вины перед обществом и государством. Если в XVI веке за каждой казнью ощущается фигура царя, который лично одобряет и даже инициирует наказание, то при Петре I власть всё более обезличивается. Уголовная, административная и процессуальная сферы регламентируются, число ведомств, отвечающих за вопросы расследования и наказания, растёт, и только в особых случаях (например, казни стрельцов в 1698 году) важно личное присутствие правителя. Это работает на устрашение толпы: появляясь на казнях не так часто, но посещая самые жестокие и массовые, правитель ещё больше возносится над народом, и его фигура отныне вызывает больше душевных стеснений у людей. В конце концов, вслед за телом человеческая душа становится уязвимой перед методами, используемыми государством для подчинения и устрашения общества

¹ Плавт Т.М. Ослы // Руконт: сайт. — URL: <https://rucont.ru/efd/9280> (дата обращения: 16.12.2022).

² Сквернословие при чтении указа и недоносительство: чем занималась Тайная канцелярия? // МИР24: сайт. — URL: <https://mir24.tv/articles/16433307/skvernoslovie-pri-chtenii-ukaza-i-nedonositelstvo-chem-zanimalas-tainaya-kanceljariya> (дата обращения: 16.12.2022).

³ Закон и порядок в России XVIII века // Arzamas: сайт. — URL: <https://arzamas.academy/courses/26> (дата обращения: 16.12.2022).

и предотвращения преступления. А получив контроль над душами и страхами людей, государство становится мощным, но пугающим и жестоким механизмом.

Библиография

Анисимов Е.В. Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. Монография / Е. Анисимов. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 424 с.

Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы / Е.В. Анисимов. — СПб: Питер, 2009. — 600 с.

Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Ш. Коллманн. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 616 с.

Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков / М.М. Кром. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 256 с.

Размахов К.Е. Клеймение преступников в Российском государстве как полицейская мера / К.Е. Размахов // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. Сборник научных трудов межвузовской конференции. под. ред. К. Е. Размахова. — М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019.

Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере / В. Франкл. — М.: Альпина нон-фикшн, 2015. — 239 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.

Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного / А. Шлихтинг. — Л.: изд. Академии наук СССР, 1935. — 97 с.

Юрганов А.Л. Опричнина и страшный суд / А.Л. Юрганов // Отечественная история. — 1997. — № 3.

Генеральный регламент 28 февраля 1720 г. // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. — URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

Заключенные на галерах. Как жили каторжники в XVIII веке // Аргументы и Факты Санкт-Петербург: сайт. — URL: https://spb.aif.ru/society/people/zaklyuchennye_na_galerah_kak_zhili_katorzhniki_v_xviii_veke (дата обращения: 16.12.2022).

Закон и порядок в России XVIII века // Arzamas: сайт. — URL: <https://arzamas.academy/courses/26> (дата обращения: 16.12.2022).

Краткое изображение процессов или судебных тяжб // НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде: сайт. — URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/kip> (дата обращения: 16.12.2022).

На каком языке говорили преступники XVIII века // Arzamas: сайт. — URL: <https://arzamas.academy/materials/786> (дата обращения: 16.12.2022).

О наказании посадских людей за взятки с выбранных ими людей к таможенным и кабацким сборам, 1699 // Веневский уезд: сайт. — URL: <https://www.veneva.ru/lib/1699-ukaz.html> (дата обращения: 16.12.2022).

Пётр I. Устав воинский. 1716 г. // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. — URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Ystav1716.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

Плавт Т.М. Ослы // Руконт: сайт. — URL: <https://rucont.ru/efd/9280> (дата обращения: 16.12.2022).

Преступления против общественного порядка и спокойствия при Петре 1. Указ 1705 года О нечинении смертной казни преступникам кроме бунтовщиков и смертоубийц // Библиотекарь.Ру: сайт. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/2-8-99-13-pravo-i-sud-pri-petre-1/11.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

Приговорённые в Чёрный дельфин. ИК-6. 2 серия. Приговорённые пожизненно | Криминальная Россия // Youtube : сайт. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=URaudwq9AUw> (дата обращения: 16.12.2022).

Сквернословие при чтении указа и недоносительство: чем занималась Тайная канцелярия? // МИР24: сайт. — URL: <https://mir24.tv/articles/16433307/skvernoslovie-pri-chtenii-ukaza-i-nedonositelstvo-chem-zanimalas-tainaya-kancelyariya> (дата обращения: 16.12.2022).

Судебник 1550 года // Хронос: сайт. — URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1550sudeb.php> (дата обращения: 16.12.2022).

Указ Петра Первого о донесении на преступников от 23 октября 1713 // История России до 1917 года: сайт. — URL: <http://russiahistory.ru/ukaz-petra-pervogo-o-donesenii-na-prestupnikov-ot-23-oktyabrya-1713/> (дата обращения: 16.12.2022).

Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича / А. Шлихтинг // Восточная литература: сайт. — URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus10/Schlichting/frametext.htm> (дата обращения: 16.12.2022).

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «НАКАЗАНИЕ ПРИ ИВАНЕ IV И ПЕТРЕ I: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ, ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ»

*Жарков Василий Павлович**

Статья опирается на широкий круг релевантный круг источников и хорошее знание основных работ историографии. Оптика М. Фуко задает хороший методологический путь к раскрытию темы.

Работа содержит добросовестно отобранные факты, а выводы носят нетривиальный и интересный характер. Использование работ М. Фуко как методологической рамки исследования обеспечивает его новизну. С этой точки зрения работа вносит определенный вклад в исследование проблемы.

Среди замечаний к статье Ю.Д. Лысенко можно отметить следующие:

1. На странице 2 авторка пишет:

В некоторых сферах Пётр I повторял политику Ивана IV. Они оба стремились создать централизованную и сильную монархию, не доверяя дворянству.

На самом деле это утверждение не вполне корректно и не демонстрирует глубокого понимания исторического контекста. Недоверие Ивана IV и Петра I вызывало не дворянство, а боярство — аристократия. Дворянство же напротив в значительной степени выступало опорой того и другого. Опричное войско Ивана Грозного состояло в первую очередь из служилых людей нижних чинов, именно дворянства. Опираясь на этих преданных лично себе людей, первый русский царь объявил войну "земщине" и в первую очередь аристократии — представителям фамилий бывших удельных князей и наиболее знатных бояр. Что же касается эпохи петровских реформ, то в этот период только завершилось формирование "российского шляхетства", объединившего боярскую аристократию и дворянство в единое дворянское сословие. Противоборство Нарышкиных и Милославских сильно травмировало Петра в детстве (как во многом Ивана травмировала борьба Глинских и Бельских) и он поставил своей целью полностью подчинить служилое сословие абсолютной царской власти. Отмена Местничества и введение Табели о рангах

* к.и.н., доцент кафедры наук о человеке ОАНО МВШСЭН

параллельно со слиянием статуса поместья и вотчины привело к образованию единого дворянского сословия. Лояльность этого сословия, как показали последующие события, не была абсолютной. После смерти Петра I Россия вступила в столетие дворцовых переворотов. Его внук и правнук были убиты в результате придворных заговоров. Однако к самому Петру I это не имеет отношения. При нем произошло окончательное слияние боярства и нижних чинов служилых людей в единое дворянское сословие, которое первый русский император сделал главной опорой своей власти. В результате петровских реформ дворянство превратилось в "чуждую расу" (Бердяев) по отношению к остальным слоям населения, что выражалось в одежде, обычаях и даже языке.

2. В начале статьи хотелось бы большего обоснования актуальности исследования с точки зрения академической повестки. С какими большими проблемами связан исследовательский вопрос? Что дает нам авторский ответ на него с точки зрения исследования истории? Очевидно, речь должна идти о проблеме государственного строя России в контексте методологии М. Фуко. Авторке стоит специально оговорить это в начале своего текста.

3. Стоит сделать вычитку текста на предмет стилистических погрешностей и некорректных формулировок. Например, вряд ли стоит использовать слово "коррупция" наряду с казнокрадством и взяточничеством как понятиями, релевантными описываемой эпохе. Мне кажется, несколько фамильярным использовать имя Петр Алексеевич в статье. Лучше писать чуть более нейтрально: Петр I или царь Петр. Его сравнительного визави можно называть Иван IV, Иван Грозный или царь Иван.

В целом работа Ю.Д. Лысенок может быть рекомендована к публикации при условии исправления указанных недочетов.

ASHES TO ASHES

ЭВОЛЮЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕМАЦИИ В КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕРКОВНЫХ ОБРЯДОВ В РАМКАХ ТЕОРИИ М. ДУГЛАС

*Анна Гришкина**

mss2100155@universitas.ru

Вступление

Мэри Дуглас является одним из самых значимых антропологов прошедшего столетия. Ее работы развивают идеи Эмиля Дюркгейма. «Первые логические категории были социальными категориями; первые классы вещей были классами людей, в которые эти вещи были объединены. Именно потому, что люди были объединены в группы и думали о себе в форме групп, в своих идеях они объединяли другие вещи. Центром первой схемы природы является не индивид, а общество» (Durkheim and Mauss 1963, 82–87) — эта цитата из работы Дюркгейма и Мосса находится и в ее книги «Natural symbols» (Douglas 2003), именно там она предлагает иную трактовку символических систем, связанных с их отношением к среде, которая представлена сплоченностью или разобщенностью социальной группы. На примере данной модели я хочу проанализировать такой ритуальный обряд, как кремация, вернее изменение ее положения в системе классификаций христианской церкви Древней Руси, а после раскола ортодоксальной.

В данной работе я хочу: первое, рассмотреть почему кремация была изначально табуирована, но со временем изменила свое положение? Какие факторы повлияли на изменение положения кремации? Второе — найти «естественную» (Douglas 2003, 32–33) закономерность между этими изменениями.

* 2 курс, бакалавриат, *Современная социальная теория*. Работа написана на 2 курсе, дисциплина: Социальная антропология и этнографические методы исследований.

I

Для начала нужно упомянуть о необходимости и пользе погребальных обрядов. Люди всегда желали контролировать все аспекты своей жизни из-за страха перед неизвестностью (Дэвис 2022, 480). Смерть есть то, что не может быть проконтролировано человеком. Согласно Дэвису, погребальные обряды — это некий инструмент общества, позволяющий и в таком не поддающемся контролю процессе, как смерть, найти что-то, что можно контролировать: как следует обращаться с телом покойного, на какой день хоронить, как хоронить (Дэвис 2022, 11-61). Кремация, предание тела огню, является обрядом погребения многих культур. Она встречается и в христианстве. В самой Библии сказано: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Библия, Н.З, Бытие 2. Стих 7). Кремацию использовали и древние христиане, например, римляне, и в ответвлениях католицизма, кремация является одним из способов погребения. Однако, когда христианство становится основной религией древней Руси, обряд кремации для русской христианской, после раскола ортодоксальной, церкви, табуируется (Curgier 1999). Для определения причин табуирования я взяла работу Мари Дуглас «Чистота и опасность» (2000). В данной работе она так определяет нечистые (табуированные) предметы: «Нечисты те виды, которые неполностью отвечают принадлежности к определенному классу, или те, сам класс которых не укладывается в общее устройство миропорядка» (Дуглас 2000, 91). Она пишет, что в определении «нечистого» бесспорно важную роль играют побочные влияния того или иного действия, например, как в случае запрета употребления свинины у иудеев и мусульман: она быстро портилась в условиях климата, поэтому была запрещена. Однако, это лишь «побочные преимущества» (Дуглас 2000, 58), которые не могут быть полным объяснением запрета. Если рассматривать кремацию с этой точки зрения, то, ее запрет мог быть связан не с отсутствием принадлежности кремации к какому-либо классу, а с тем, что сам класс язычников перестал считаться чем-то «святым». Дуглас дает такое определение «святому»: «Быть святым — значит быть цельным, быть единым; святость — это единство, сплоченность, совершенство и индивида, и вида» (Дуглас 2000, 88). Язычество перестало считаться «святым», а, следовательно, и всё, что относилось к нему, ритуалы, атрибуты и постройки: «Первым шагом в этом направлении стало разрушение статуй языческих богов» (Froianov, Dvornichenko and Krivosheev 1990, 12–24). Быть язычником стало опасным из-за давления государства, которое пыталось насильно внедрить новую веру. Кроме того, историки выделяют одной из причин крещения — «отсутствие единства» между народами Руси (Черникова 2012, 45-50). Принятия христианства могло объединить индивидов разных племен, соответствие «святости», а наличие обрядов «бывшей» религии могло угрожать «миропорядку», то есть единству.

Однако, индивиды, живущие на территориях древней Руси, уже были носителями религии, которая объединяла их в племена, но, что кроме внешнего фактора изменило их верование? В работе «Natural symbols» (2003) Мари Дуглас выдвигает теорию «grid

— group». Дуглас говорит о двух возможных способах взаимодействия индивидов в рамках социальных измерений: «Один из них — порядок, классификация, символическая система. Другая — это давление, переживание того, что у вас нет другого выбора, кроме как согласиться с подавляющими требованиями других людей» (Douglas 2003). Именно это ложится в основу модели grid-group, типологии сознания разных обществ. Group это «опыт ограниченных социальных единиц» (Silverman 1971, 1293), а Grid «относится к правилам, которые соотносят одного человека с другими на основе эгоцентризма» (Silverman 1971, 1293). То есть Group это социальная плотность сообщества, его рамки. Особенности высокого group является высокая степень взаимодействия индивидов между собой внутри группы. Grid фокусируется на возможностях индивида контролировать происходящее внутри самого сообщества. Нужно отметить, что Дуглас давала несколько определений Grid, поэтому я постараюсь использовать особенности определения, данного как в «Natural symbols», так и в «Cultural Bias» (Douglas 2011). Высокий Grid отличается четким распределением ролей и обязанностей, а также четкими определениями, правилами внутри класса. Часто объясняя тип сознания общества с высоким Grid и высоким group в пример приводится армия. Через данную модель я попытаюсь интерпретировать изменения общественного сознания, которые могли повлиять на положение кремации. Как я писала выше, кремация была табуирована в ортодоксальном христианстве, так как общество перестало относиться к язычеству, как к нечту «святому», а, следовательно, и обрядам язычества. Я предполагаю, что это произошло в связи с изменениями социальной структуры группы «язычники». До прихода христианства язычники имели высокую социальную плотность и высокий контроль внутри групп. Однако, разные племена по-своему трактовали значения разных богов: «В частности, коми-зыряне и коми-пермяки считали верховным божеством — демиургом Ена, ему противостоит у зырян Омоль, у пермяков — Куль» (Семёнов 2009). То есть, они были внутренне структурированы, но при этом язычники, живущие на юге и на севере западной части Руси, отличались друг от друга. Внутри отдельных племен был высокий Grid, но если брать всех язычников, как группу, то выходит, что Grid низкий. Постепенно христианство становилось популярнее, быть не христианином становилось всё опаснее и опаснее, из-за давления государства (Черникова 2012, 45), следовательно, христианство приобретало более высокий group. Кроме того, христианство содержало в себе ряд строгих правил, обрядов, строгую иерархию, то есть усиливало grid, тех, кто относился к группе христиан. Христианство отличалось четким распределением ролей и четким определением «хорошего» и «плохого». Христианство предложило то, что позволило объединить людей, относящихся к разным племенам — единобожие. Единство является отличием «святости» (Дуглас 2000, 90). Однако, кремация считалась «своим» обрядом и у язычников, и у христиан. Получается, если бы церковь позволила проводить обряд кремации, то это снизило бы grid группы «христианства», а значит и «единство» класса.

II

Сегодня российская православная церковь не выступает против обряда кремации, однако напоминает о том, что погребение через землю является традиционным¹. Стоит отметить, что за прошедшие столетия общество претерпело множество культурных и социальных изменений. Дуглас утверждает, что культурные особенности предопределяют многое в поведении и отношениях индивидов. Например, она так говорит об их работе с Вильдавски: «Мы вместе разработали распределение представлений о риске в зависимости от социальных и культурных пристрастий, которое объясняло отношение американцев к технологическому риску лучше, чем типы личности в рамках господствующей парадигмы» (Douglas 2003, 28). Культурные вариации играют большую роль в классификации обрядов, подтверждением этому являются японские католики, которым изначально церковь разрешила кремацию: «Вековой национальный обычай кремации в этой стране делает ее обязательной почти для всех, как христиан, так и нехристиан. После долгих переговоров епископы в Японии добились уступки, согласно которой священники и члены религиозных орденов и конгрегаций обоих полов подлежат погребению» (McDonald 1971, 136). Что отражает связь культуры и определения «ниши» для каждого ритуала. Христианская, православная, церковь прошла через большие трудности в 20 веке. Ранее всеми похоронными обрядами занималась именно церковь, но с приходом советов всё изменилось: «Советское государство, придерживаясь идей секуляризации и примата светскости, было нацелено на разрушение влияния Церкви: Церковь не должна иметь доходов, не должна владеть землей, недвижимостью и обрядами жизненного цикла, а, следовательно, и самими гражданами — живыми или мертвыми» (Соколова 2020, 212). Роль ортодоксальной церкви постепенно начало выполнять само государство. Group класса «ортодоксального христианства» начал снижаться, так как теперь индивиды могли выйти из группы без какой-либо угрозы, так же grid изменил свое положение, так как индивиды могли использовать разные ритуалы. Нужно отметить, что и советский гражданин отличался от гражданина имперской России. Расширение человеческих прав и свобод, а также новая идеология могли повлиять на взгляды индивидов, а также церкви, как социального института. Сегодня церковь смягчила свое отношение не только к обряду кремации, но и, например, к венчанию. Многие люди относят себя к христианам, но при этом могут редко бывать в церкви и не соблюдают церковные обряды и посты. Более того, некоторые индивиды, относящие себя к православным, могут не иметь близких контактов со всей группой индивидов даже своего города. То есть и Group, и Grid христианства сегодня тоже ниже, чем был в дореволюционном периоде. Однако, церковь не откажется от индивида, если тот предпочтет кремирование или не будет соблюдать пост, то есть социальный контроль снижается: каждый в праве выбирать свой обряд погребения, что опять же, следуя теории Дуглас, свидетельствует

¹ О христианском погребении усопших // Патриархия.ru. 05.05.2015. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067729.html> (дата обращения: 10.01.2023).

о изменении Grid в классе «ортодоксального христианства». Стоит упомянуть и тот факт, что в период прихода к власти Советов и после, советское государство придерживалось «советского атеизма» (Смолкин 2021), что, возвращаясь к «Чистоте и опасности», снижало «святость» церковных атрибутов и обрядов и позволяло вернуться кремации. В этом случае я так же, как и в изменении grid-group, вижу схожесть в снижении Grid и изменении положения кремации.

Заключение

Модель grid-group Дуглас направлена на поиск закономерностей между культурно — социальными изменениями. Как пишет автор: «С одной стороны, каждая символическая система развивается автономно по своим собственным правилам. С другой стороны, культурная среда добавляет свои отличия. С другой стороны, социальные структуры добавляют еще целый ряд вариаций» (Douglas 2003, 32), однако Дуглас также утверждает, что нельзя сводить всё к культурным особенностям, нужно искать «естественные» объяснения и закономерности. Под «естественным» автор подразумевает логическое объяснение (Douglas 2003), и именно это я попыталась найти в кейсе с изменением положения кремации.

В данной работе я попробовала объяснить причины табуирования кремации через термин «святости», используя теорию «Чистоты и опасности», а также проанализировать через модель grid-group причины изменения положения кремации в системе классификации в начале христианской, а затем ортодоксальной церкви. Так, государство и в табуировании, и в возвращении кремации, как погребального обряда, в жизнь общества сыграло значимую роль. Принимая те или иные законы государство поднимало или снижало grid группы язычников, а затем христиан, что в начале позволило христианству войти в общество и привнести изменения в классификации обрядов, а затем позволило кремации вновь стать используемым обрядом. Нужно также отметить, что это лишь одна из попыток интерпретаций причин изменения отношения церкви к обряду кремации. Более того, ортодоксальное христианство смогло подстроить под себя множество особенностей языческой культуры, о чем пишут в своей работе Фроянов, Дворниченко и Кривошеев (Frojanov, Dvornichenko and Krivosheev 1990). Что свидетельствует о роли культуры в трактовках общества тех или иных символов, о чем так же упоминает в своих работах Дуглас (Douglas 2003, 32).

Библиография

- Библия. Н.З. Бытие. Глава 2. Стих 7.
- Дуглас, М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / Дуглас М. — Москва: Кучково поле, 2000. — 288 с.
- Дэвис, Д. Смерть, ритуал и вера: риторика погребальных обрядов / Дэвис Д: Пер. с англ. К. Колкуновой. — Москва: Новое литературное обозрение, 2022. — 480 с.

О христианском погребении усопших // Патриархия.ru. 05.05.2015. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4067729.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Семёнов, Ю.В. О язычестве восточных финнов / Семёнов Ю.В // Вестник ЧГУ — 2009. — №3.

Смолкин, В. Свято место пусто не бывает: история советского коммунизма / Смолкин В: Пер. с англ. О.Б. Леонтьевой, науч. ред. М.Ю. Смирновой. — Москва: Новое научное обозрение, 2021. — 552 с.

Соколова, А. Крематориум—храм, или кремация в советском похоронном обряде 1920—х годов / Соколова А. // Вестник антропологии. — 2020. — Т. 49, №1. — 212 с.

Черникова, Т.В. История России: учеб. пособие. Ч.1 Древняя Русь — Эпоха. Екатерины II / Черникова Т.В. под общ. ред. В.И. Уколовой. — МГИМО. МИД России, каф. всемирн. и отеч. истории. 2012. — 460 с.

Currier, J. A. Golubets, gravehouse, and gate: Old Russian traditions and the wooden mortuary architecture in Russia, Siberia, and the North Pacific / Currier, J.A // — Cambridge: Slavic Review, 2000. — Vol. 59, No. 4. — P. 947–958.

Douglas, M. Natural Symbols: Explorations in Cosmology / Douglas M. 3rd ed. L. — New York. Routledge, 2003. — P. 240.

Douglas, M. Cultural Bias / Douglas M. In the Active Voice. — Abingdon: Routledge, 2011. — P. 183–255.

Durkheim, E., Mauss M. Primitive Classification / Durkheim E., Mauss M., translated with an introduction by Rodney Needham. — London: Cohen & West. 1963.

Froianov, I. I., Dvornichenko, A. I., & Krivosheev, I. V. The Introduction of Christianity in Russia and the Pagan Traditions / Froianov, I.I., Dvornichenko, A.I., and Krivosheev, I.V. — Moscow: Soviet Anthropology and Archeology. 1990. — Vol. 29. No 3. — P. 12–24.

McDonald, J. F. Cremation. / John F. McDonald. — Maynooth: The Furrow, 1971. — Vol. 22. No. 3. — P. 136

Silverman, Martin G. Natural Symbols: Exploration in Cosmology, Mary Douglas reviewed by Martin G. Silverman / Silverman, Martin G. — Washington: American Anthropologist. 1971. — Vol. 73. No. 6. — P. 1293–95.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ЭВОЛЮЦИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ КРЕМАЦИИ В КЛАССИФИКАЦИИ ЦЕРКОВНЫХ ОБРЯДОВ В РАМКАХ ТЕОРИИ М. ДУГЛАС»

*Астахова Анастасия Сергеевна**

Выбранная тема эссе представляется крайне интересной и заслуживающей научного осмысления. Концепция Мэри Дуглас выглядит уместно применительно к данной проблематике, однако можно обсудить насколько в данном случае раскрытию идеи эссе способствует именно идея «grid/group», возможно лучше «сработала» бы линия «Чистоты и опасности», упомянутая в тексте тоже, но не завершенная. При таком варианте можно было бы поработать с темой границ тела и границ группы, соотнести как кремация соотносится с идеей границ тела. Насколько язычество подразумевают более свободные границы (как групповые, так и символические?). Кроме того, само понятие «язычество» - крайне емкое, тоже возможно требуется какое-то уточнение понятия. Но в процессе разворачивания аргументации автору как будто не хватило данных, поэтому промежуточные (и как следствие — и итоговые) выводы кажутся «повисшими в воздухе». Непонятно как определяется grid язычества или язычников. Что значит «святость» язычества. В работе есть ссылки на тексты по истории религии, но не всегда понятно, выводы работы действительно опираются на данные тексты или на какие-то более общие впечатления автора. В таком случае может быть уместно для иллюстрации показать какие-то цитаты. Рецензент может ошибаться, но показалось, что в разных фрагментах автор как будто по-разному трактует понятие grid. Местами оно становится как будто синонимом «статуса» группы или религии.

Работа нуждается в существенной доработке — необходимо либо пересмотреть выводы и их обоснованность, либо усилить аргументацию за счет данных историков и антропологов.

* И.о.декана Философско-социологического факультета Института общественных наук РАНХиГС, кандидат социологических наук

ЯПОНСКАЯ КОММЕМОРАЦИЯ БОМБАРДИРОВКИ ХИРОСИМЫ НА ПРИМЕРЕ МАНГИ КЕЙДЗИ НАКАДЗАВЫ «ЖЕРТВЫ ЧЕРНОГО ДОЖДЯ»

*Петр Шаповалов**

mss1901036@universitas.ru

Введение

С завершением Второй мировой войны в 1945 году люди, пережившие её, пытались осмыслить произошедшее. Для этого им требовался некий способ записи и сохранения воспоминаний, которые, впоследствии, можно было передать потомкам. Для стран Западной Европы и Советского союза такими инструментами стали книги, фотографии, стихотворения и многие другие формы памяти.

В Японии пользовались похожими способами. Так, например, в 1961 году был опубликован Документ Хиросима-Нагасаки, состоящий из фотографий сделанных Томацу Сёмэем в первые дни после бомбардировки (Matheson 2018, 84). Другим известным кейсом может послужить фильм «Годзилла» 1954 года выпуска. Сюжет картины завязан на том, как из морских глубин появилось огромное чудовище, начавшее уничтожать город. Из-за своих исполинских размеров, люди ничего не могли с ним поделать. Исследователи данного фильма солидарны во мнении, что «Годзилла» является метафорой атомной бомбы (Noriega 2013, 54–74).

Однако помимо общепринятых способов, в Японии для тех же целей, стали использовать мангу. Почему именно её? Манга, японская разновидность комиксов, являлась дешевым видом развлечения, доступный большим слоям населения. В 1950-ых, один том можно было арендовать на два дня всего за десять йен, что при

* 4 курс, бакалавриат, Мировая политика. Работа написана на 4 курсе, дисциплина: Управление Культурным Разнообразием.

нынешнем курсе равняется 5 рублям. Для японцев, разоренных войной, это было очень дешево, что и позволило ей завоевать свою популярность (Norris 2009, 241–243).

Важность манги как способа коммеморации отмечали и сами художники манги, мангаки. Один из них, автор «Босоногого Гэна» Кейдзи Накадзава, в одном из своих интервью отмечал, что манга в послевоенный период была единственным видом развлечения. Также он указывал на популярность комиксов у широкой аудитории. Кейдзи Накадзава говорил, что в популярности с мангой ничего не сравнится, поэтому задача мангак — рассказывать о том, о чём они сами не могут молчать¹.

Манга, будучи самой популярной частью массовой культуры в Японии, является подходящим материалом для анализа реакции и последовавшей коммеморации (памяти) людей на Вторую мировую войну и, в особенности, на бомбардировку Хиросимы. Изучив её, можно выделить различные социальные проблемы, появившиеся в Японии в тот период.

Цель эссе — на примере манги Кейдзи Накадзавы «Жертвы Черного Дождя» рассмотреть, какие нарративы выделяет автор и систематизировать их.

Манга о бомбардировке Хиросимы до Кейдзи Накадзавы

Перед тем как начать разговор о манге Кейдзи Накадзавы, необходимо дать краткую характеристику написанным ранее графическим романам, посвященным бомбардировке Хиросимы. Первая манга, в которой можно проследить данный нарратив, появилась только в 1951 году. Называлась она «Pikadon nii-san» (Старший брат Пикадон). По формату это был стрип, то есть, каждая глава представляла собой короткую историю на два-три фрейма (кадра). Сюжет был завязан вокруг юмористических скетчей, связанных с подростком по прозвищу «Старший брат Пикадон». Сами истории никоим образом не касались событий атомной бомбардировки; единственным референсом к ним являлось имя главного героя — «Пикадон» (Ichiki 2011, 36–37). Это слово является ономотопеей: «Пика» используется для обозначения чего-то яркого, сверкающего, а «Дон» подражало звуку падающей бомбы. Таким прозвищем Японцы окрестили сброшенные атомные бомбы.

После заключения Сан-Францисского мирного договора и его ратификации в 1952 году населению Японии была раскрыта информация касательно бомбардировки Хиросимы и Нагасаки². Одновременно с этим, произошли инциденты, связанные с оставленными радиоактивными отходами, как например, в 1954 году, когда японские рыбаки обнаружили одну из таких зон. В результате, начались протесты, поскольку жители боялись, что рыба в море теперь отравлена. Население Японии стало рассматривать атомное вооружение в негативном ключе, так как оно непосредственно могло угрожать их повседневной жизни (Ichiki 2011, 37).

¹ The Comics Journal. Keiji Nakazawa Interview. 05.01.2013. URL: <https://www.tcj.com/keiji-nakazawa-interview/> (reference date: 4.12.2022).

² Atomic Heritage Foundation. Survivors of Hiroshima. 27.08.2017. URL: <https://www.atomicheritage.org/history/survivors-hiroshima-and-nagasaki> (reference date: 1.12.2022).

Естественно, такой нарратив появился и в манге. Мангака Каору Ханано в своей работе «Bikini: Shino-Hai, or The Deadly Fallout in Bikini» изобразил как раз этот сюжет.

Однако по-настоящему популярными в тот период стали графические романы, в которых жертвы бомбардировки изображены несчастными и заслуживающими сочувствия и жалости людьми. В особенности такой образ культивировался в манге жанра «сёдзё». Работы, выполненные в таком стиле, ориентированы на девушек-подростков в возрасте от 14 до 18 лет. Характерными чертами данного жанра являются романтическая составляющая истории, гиперболизированный рисунок, акцент в котором сделан на глаза, а также обильное количество декоративных элементов на фреймах, например, цветков.

Приведем, в качестве примера, несколько популярных работ. В 1965 году Риёко Икеда нарисовала мангу «Yukio-kun» (Юкио), в которой изображена любовь между девушкой и молодым человеком, страдающим лейкемией, являющаяся следствием большой дозы радиации. «Ai no Hitomi» (Взгляд любви), другая манга, нарисованная в данный период, мало чем отличается от предыдущей. Главные герои: Ёкко и Кендзи, в детстве дали обещание, что в будущем они поженятся. Однако повзрослев, оказалось, что Ёкко передалась радиация от пережившего бомбардировку отца и она умрет через один месяц. (С медицинской точки зрения такое невозможно; это является фантазией автора. Однако по воспоминаниям японцев, живших в то время можно узнать, что такие предрассудки действительно существовали. Например, Кейдзи Накадзава рассказывал об этом в одном из своих интервью¹). Тем не менее возлюбленные всё равно женятся, хотя Ёкко и оказывается на больничной койке.

По мнению Масаси Итики, исследовательницы манги, в таких графических романах отсутствует какой-либо социальный контекст; атомная бомбардировка и её последствия используется только в качестве литературного приема, позволяющего усилить сопереживание к героям. Ядерное оружие в сёдзё манге оказывается всего лишь очередным стихийным бедствием, как, например, пожар или тайфун. Человеческая природа данного явления же вычеркивается из контекста (Ichiki 2011, 40).

Жертвы Черного Дождя

Анализ манги Кейдзи Наказавы невозможно без обсуждения его биографии. В своих работах он вдохновлялся событиями, произошедшими с ним в реальности, а его «магнум опус» - манга «Босоногий Гэн», по словам автора, является автобиографией². Ниже будет приведена небольшая биографическая сводка.

Родился Кейдзи Наказава в 1939 году в городе Хиросима. Всего, в их семье, было 5 детей. Отец Кейдзи был художником, работающим в традиционном японском стиле

¹ The Comics Journal. Keiji Nakazawa Interview. 5.01.2013. URL: <https://www.tcj.com/keiji-nakazawa-interview/> (reference date: 4.12.2022).

² Ibid.

«нихонга». В период войны, он был частью нелегальной театральной труппы. Отец всегда придерживался антивоенной позиции, за что его арестовали и посадили на полтора года в тюрьму. По словам мангаки, именно отец и стал тем человеком, что привил ему антивоенные взгляды¹. Интересно то, что изначально Кейдзи был сторонником войны, однако повзрослев, изменил своё мировоззрение. Когда автору было 7, на Хиросиму и Нагасаки были сброшены ядерные бомбы. Из всей семьи выжили только он и его мать. Свою жизнь и переживания в тот период, мангака подробно описал в «Босоногом Гене».

После смерти матери в 1966, Кейдзи нарисовал «Жертвы черного дождя» — свою первую известную работу. Это была манга-антология, включавшая в себя 8 небольших историй. Сюжет каждой из них вращался вокруг атомной бомбардировки Хиросимы и её последствий. В качестве героев выступают люди, пережившие эту трагедию. Например, в первом рассказе, мангака рассказывает историю Дзина, японца, жертвы атомной бомбардировки. По профессии он киллер, однако убивает только американцев. В 5 главе «Kuroi kawa no nagareni» (Плывя по черной реке) главной героиней является Юрико. На жизнь для себя и своего сына она зарабатывает проституцией. Однако от других работниц она отличается тем, что интимная связь у неё имеется только с американцами. По мере продвижения сюжета оказывается, что Юрико заражена сифилисом, а любовью занимается в качестве мести за сброс атомной бомбы (см. приложение 4).

В своих интервью Кейдзи Накадзава рассказывал, что, сначала, редакторы, прочитавшие рукопись, отказывались печатать её, так как боялись прессинга ЦРУ или возбуждения уголовного дела со стороны США². Однако мангаке удалось опубликовать её в 1968 в «Manga Punch» — журнале, специализирующемся на манге со «взрослым» содержанием.

Одним из нескольких основных сюжетов, продвигаемым Кейдзи Накадзавой в своей работе стало антизападничество и, в частности, антиамериканизм. В манге он представлен в трёх вариациях: как наживание американцев на жителях Японии, через неуважение к жертвам ядерных бомбардировок, и через Комитет по исследованию пострадавших при атомной бомбардировке (Atomic Bomb Casualty Commission). Рассмотрим каждый из них по порядку.

Все американцы и жители западных стран представлены в манге с негативной точки зрения. В одной из историй появляется американец-бизнесмен, заработавший свои деньги на обмане жителей Японии. Также, в некоторых главах, жители Западных стран изображены как пьяницы, домогающиеся до японских женщин. Из-за этого персонажи манги относятся к Западу очень негативно. Например, главный герой первой главы, Дзин, рассказывал, что занимается убийством американцев по нескольким причинам: во-первых, из-за их лицемерия, позволяющее им осуществлять сброс бомб на мирные города, и в то же время осуждать преступный режим Гитлера (см. приложение 1). Во-вторых, его мотивацией является принцип

¹ Ibid.

² Ibid.

«око за око» — Дзин хочет мести, поэтому убивает каждого человека, причастного к бомбардировке (см. приложение 2). В целом, месть является важным мотивом для персонажей, созданными Кейдзи Накадзавой. Как уже было сказано выше, героиня 5 главы, Юрико, занималась проституцией также в качестве мести Америке.

Попытаемся реконструировать причину такого отношения Накадзавы к Западным странам и США, в частности. В тот период, Японцы считали, что именно Америка являлась главной причиной их бед. Бомба была сброшена американскими войсками, сама Япония до заключения Сан-Францисского мирного договора находилась в американской оккупации, а военные базы до сих пор существуют на островах Окинавы. Однако интересно то, что несмотря на все конфликты в прошлом, у Японцев сформировался положительный образ страны. Граждане относятся к Америке дружелюбно, а саму страну считают демократичной. Это показывают и опросы общественного мнения: если в Америке только 7 процентов опрошенных оценивают состояние демократии как «здоровую и функционирующую», то в Японии число таких людей достигает 26 процентов¹.

Другой вариацией антиамериканизма, представленный автором, является неуважение к жертвам бомбардировки. В манге есть сцена, в которой один из главных героев приходит к мемориалу, воздвигнутому в память о жертвах. Одновременно с ним туда подошла экскурсия с иностранными туристами. В манге они изображены невоспитанными людьми. Например, одним из них плюнул на мемориал, а остальные смеялись над японским наименованием атомной бомбы «пикадон». Главный герой не выдерживает и обвиняет их в лицемерии, убийстве, в моральном разложении и геноциде. В конце его речи, американцы не стали смеяться над ним, а замолчали (см. приложение 1). Возможно мангака хотел таким образом, через сожаление туристов, показать раскаяние за поступки граждан своей страны.

Третий способ, используемый Кейдзи Накадзавой для демонстрации антиамериканизма стало очернение «Комитета по исследованию пострадавших при атомной бомбардировке». Это заведение, в котором занимались изучением длительного воздействия радиации на человеческий организм. Оно было открыто в 1946 по поручению президента США Гарри Трумэна.

В манге данное учреждение показано в негативном свете, как место, в котором американские ученые проводят опыты на выживших, как «на морских свинках» (см. приложение 3). По заверениям одного из главных героев, побывавшем в том месте, людей там разрезают на операционном столе, а за это они получали только немного еды. Об экспериментах над людьми говорится и в 4 части, где протагонистом является дедушка, попавший в больницу на лечение. Интересно, что в опытах он обвиняет не только Америку, но и Японию. Однако в реальности, едва ли эти обвинения можно назвать весомыми. Несмотря на то, что финансировала центр Америка (у Японии в послевоенные годы просто не было на это денег), сотрудниками были

¹ The Chicago Council on Global Affairs. Japanese More Confident than Americans in US Power. 14.04.2022. URL: <https://globalaffairs.org/commentary-and-analysis/blogs/japanese-more-confident-americans-us-power> (reference date: 4.12.2022).

представители обеих стран — сразу после открытия там работало 60 американских специалистов и 90 японских¹. К тому же, большинство административного персонала были японцами².

Следующим нарративом, получившим своё отражение в манге стало недоверие или, скорее, недовольство японцев своим правительством. Об этом мангака пишет и рисует довольно часто. В целом, можно проследить несколько линий критики: во-первых, это война. Герои Накадзавы критикуют руководство страны за участие в войне, что схоже с позицией самого автора. Также правительство критикуют за отсутствие помощи пострадавшим во время бомбардировки. Главные герои жалуются, что они не могут получить квалифицированную медицинскую помощь, и даже попасть в больницу. Один из героев утверждает, что чиновники из Министерства Здоровья и Благополучия не делают различий между обычными больными и попавшими под бомбардировку. (см. приложение 5.)

Стоит также упомянуть художественный стиль манги. В отличие от авторов, что не изображали сброс бомб и последствия данного решения, а только использовали эти образы, Кейдзи Накадзава стал первым, кто изобразил саму бомбардировку. В графическом романе есть фреймы с изображением мертвых; людей, с обгоревшей кожей; попавших под завалы жителей, и многие другие сцены. (см. приложение 6, 7.) Хотя, назвать реалистичным такие рисунки нельзя, мангака скорее творил в гротескном стиле.

Другим, немаловажным нарративом, получившим распространение в манге стал феномен «Хибакуся». Этот термин дословно с японского переводится как «человек, попавший под бомбардировку», либо «человек, подвергшийся воздействию радиации». Всё зависит от использованных в слове кандзи. Как понятно из названия, так называли людей, переживших атомную бомбардировку и продолживших затем жить как обычные люди. Однако из-за воздействия радиации на организм, выжившие умирали в раннем возрасте, в основном от рака или лейкемии. Особенность радиации такова, что и их дети, родившиеся после бомбардировки, также часто заболели. Поэтому, использовать данное наименование для них является корректным. На 2020 год в Японии в живых осталось примерно около 136.000 хибакуся³.

Практически в каждой главе манги есть сюжет, посвященный взаимоотношению хибакуся с рядовыми жителями Японии. Обычно, в них граждане выставляются как дискриминирующий социум. В одной из глав с героиней разорвали помолвку после того, как жених узнал, что её отец был хибакуся. В другой части, брат и сестра подверглись порицанию и ostracism из-за их прошлого. Интересно то, что в некоторых главах, хибакуся показаны как люди, которые старались вызвать жалость у обычных граждан. Примером такого может стать уже выше упомянутый дедушка

¹ Proceedings of the National Academy of Sciences. The Atomic Bomb Casualty Commission in retrospect. 12.05.1998. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.95.10.5426> (reference date: 3.12.2022)

² Ibid.

³ NHK World-Japan. Last hibakusha fight to keep memories alive. 20.09.2020. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1295/> (reference date: 2.12.2022).

из четвёртой части манги. Поначалу он не вызывает сожаления, так как другие персонажи, как и сам читатель считают, что он симулирует болезнь.

Последним важным нарративом, выделяемым Кейдзи Накадзавой стала, так называемая «ядерная аллергия» (Nuclear allergy). В целом, этим термином обозначают страх Японии и японцев, в частности, перед ядерной энергией и оружием¹. Несмотря на то, что с момента бомбардировки прошло больше 70 лет этот страх никуда не исчез. Например, после аварии на атомной электростанции Фукусима—1 в 2011 году, Япония отключила все свои АЭС².

В манге этот сюжет представлен через безразличие обычных граждан к произошедшей катастрофе, либо через негативное отношение к жертвам бомбардировки. В графическом романе есть момент, когда одну из героинь допрашивает полиция. Когда речь зашла о бомбардировке следователь сказал, что атомная бомба — это яркий свет, вызывающий грибовидные облака и уничтожающие города в мгновение. Однако он ничего не знал про радиацию и то, какие заболевания она вызывает.

Заключение

В эссе были рассмотрены и типологизированы нарративы, представленные в манге Кейдзи Накадзавы «Жертвы Черного Дождя». Это комикс, посвященный событиям атомной бомбардировки Хиросимы, а также её последствиям для людей, переживших её. В работе Накадзавы можно выделить такие сюжеты, как антизападничество, недоверие к собственному правительству, появление феномена «Хибакуся». Антизападничество представлено в трех разных вариациях: изображение жителей Западных стран в негативном свете, неуважение к жертвам бомбардировки и очернение «Комитета по исследованию пострадавших при атомной бомбардировке».

Библиография

- Накадзава, Кейдзи. Жертвы Черного Дождя. — Брянск: AltGraph, 2017. — 232 с.
- Ichiki, M. Embracing the victimhood: a history of A—bomb manga in Japan // Japs. — № 3, 2011. — P. 35–52.
- Matheson, N. Hiroshima–Nagasaki Remembered Through the Body: Haptic visibility and the skin of the photograph // Photographies. — № 1, 2018. — P. 73–93.
- Noriega, C. A. Godzilla and the Japanese nightmare: When Them! is US / Hibakusha Cinema. — Routledge, 2013. — P. 54–74.

¹ Wilson Center. The Origins of Japan's 'Nuclear Allergy'. 28.01.2019. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/the-origins-japans-nuclear-allergy> (reference date: 4.12.2022).

² Forbes. Shutting Down All Of Japan's Nuclear Plants After Fukushima Was A Bad Idea. 31.10.2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/jamesconca/2019/10/31/shutting-down-japans-nuclear-plants-after-fukushima-was-a-bad-idea/?sh=301b3f2d19a4> (reference date: 2.12.2022).

Norris, C. J. Manga, anime and visual art culture. / The Cambridge Companion to Modern Japanese Culture. — Melbourne: Cambridge University Press, 2009. — P. 236–260.

Atomic Heritage Foundation. Survivors of Hiroshima. 27.08.2017. URL: <https://www.atomicheritage.org/history/survivors—hiroshima—and—nagasaki> (reference date: 1.12.2022).

Forbes. Shutting Down All Of Japan's Nuclear Plants After Fukushima Was A Bad Idea. 31.10.2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/jamesconca/2019/10/31/shutting-down-japans-nuclear-plants-after-fukushima-was-a-bad-idea/?sh=301b3f2d19a4> (reference date: 2.12.2022).

NHK World—Japan. Last hibakusha fight to keep memories alive. 20.09.2020. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/1295/> (reference date: 2.12.2022).

Proceedings of the National Academy of Sciences. The Atomic Bomb Casualty Commission in retrospect. 12.05.1998. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.95.10.5426> (reference date: 3.12.2022).

The Chicago Council on Global Affairs. Japanese More Confident than Americans in US Power. 14.04.2022. Электронный ресурс. URL: <https://globalaffairs.org/commentary-and-analysis/blogs/japanese-more-confident-americans-us-power> (reference date: 4.12.2022).

The Comics Journal. Keiji Nakazawa Interview. 5.01.2013. URL: <https://www.tcj.com/keiji-nakazawa-interview/> (reference date: 4.12.2022).

Wilson Center. The Origins of Japan's 'Nuclear Allergy'. 28.01.2019. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/the-origins-japans-nuclear-allergy> (reference date: 4.12.2022).

Приложение

Янки — уничижительное прозвище американцев.

Приложение 1. Жертвы черного дождя, 2017. С. 15.

АВСС (Atomic Bomb Casualty Commission) — Комиссия жертв атомной бомбардировки.

26

Приложение 2. Жертвы черного дождя, 2017. С. 26.

122

Приложение 3. Жертвы черного дождя, 2017. С. 122.

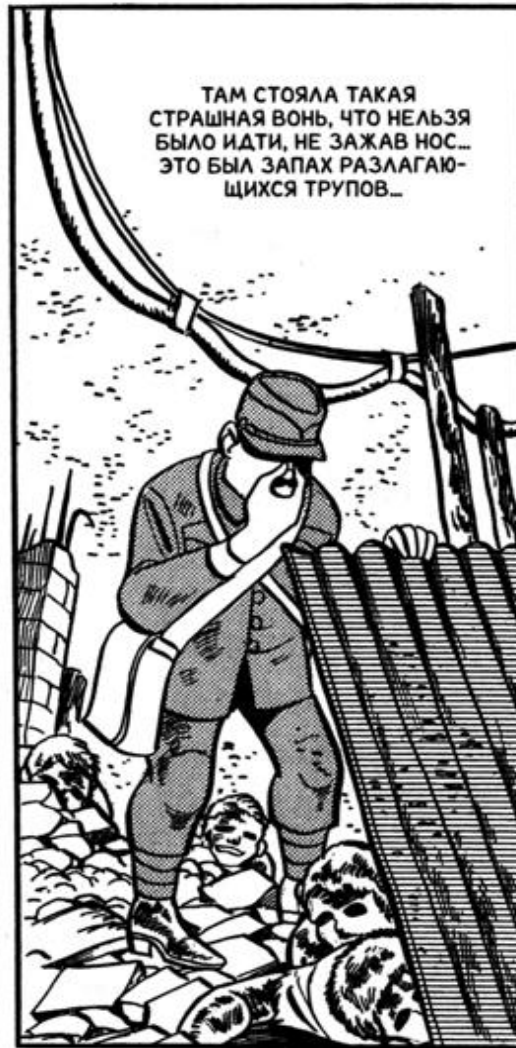

Мон — мелкая японская монета, использовавшаяся в обращении до 1871 года.

20

Приложение 5. Жертвы черного дождя, 2017. С. 20.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ЯПОНСКАЯ КОММЕМОРАЦИЯ БОМБАРДИРОВКИ ХИРОСИМЫ НА ПРИМЕРЕ МАНГИ КЭЙДЗИ НАКАДЗАВЫ «ЖЕРТВЫ ЧЕРНОГО ДОЖДЯ»

*Пучков Яков Михайлович**

Использование литературы и изобразительного искусства в качестве коммеморативных практик имеет довольно широкое распространение в мире. Вряд ли в этом есть какая-то загадка — во все времена люди осмыслили происходящие в окружающей их действительности события, используя художественные приёмы и инструменты, не только чтобы запечатлеть их в истории, но и чтобы поделиться друг с другом своими чувствами, эмоциями, переживаниями. Комиксы и японские комиксы «манга», в частности, не являются здесь исключением. Известный жанр японской драматургии дзидайгэки, посвящённый художественной интерпретации истории, представлен также и произведениями манга — так называемые, рэкиси-манга (историческая манга). В этих произведениях декорациями для сюжетного повествования и жизни персонажей выступают реальные исторические события, отражённые с той или иной степенью достоверности, но неизбежно окрашенные в понятную смысловую палитру.

Настоящая работа посвящена нарративному анализу известной манга Кэйдзи Накадзава «Жертвы Чёрного Дождя». В своём эссе автор пытается выяснить, какие смысловые траектории для интерпретации событий бомбардировки Хиросимы намечает знаменитый японский мангака в своём произведении. Исследование явно написано человеком, хорошо разбирающемся не только в историческом контексте тех событий, что отражены в манга, но и в истории самой манга как современного культурного феномена. Разумеется, мы здесь говорим не о классической манга Хокусая, а о современной послевоенной манга — это совершенно разные вещи, хоть и связанные друг с другом сложными историко-культурными отношениями.

* Преподаватель кафедры наук об обществе и человеке факультета гуманитарных наук МВШСЭН, MA in Political Science & International Relations

Любопытно, кстати, что в оригинальном названии этой манга на японском языке слово «жертва» не используется: 黒い雨にうたれて (курой амэ ни утарэтэ) дословно означает «избитые (побитые) чёрным дождём». Страдательный залог глагола утеу (бить, ударять), с одной стороны, подчёркивает, собственно, страдания тех, кто попал под этот «чёрный дождь», а с другой стороны, является словесной игрой с другим японским глаголом фуру, который в активной форме используется в значении «идти» для осадков вроде снега и дождя, а в пассивной форме (амэ ни фуруарэру) означает «попасть под дождь (промокнуть под дождём)». Никогда не перестаю удивляться, какой одновременно лаконичной и красноречивой может быть грамматика японского языка.

Но вернёмся к рецензируемой работе. Во введении, которое (на мой вкус) немного затянуто и требует чёткой внутренней рубрикации, автор, по большей части, пишет о том, как в 1950-х–1960-х гг. японское общество начало использовать искусство для коммеморации бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, и почему вообще для этого начала использоваться манга. При этом автор уделяет не так много внимания (как хотелось бы) непосредственно своему исследованию и его месту в рамках изучения японских комиксов манга. Следует также отметить, что причина популярности японской манга в послевоенное время и её превращения в супер-феномен современной массовой культуры кроется не только в её дешевизне и доступности, как пишет автор. Традиция «книжек с картинками» имеет давнюю историю в китайской и японской культурах, и связана она преимущественно с визуальностью как основой письменности, литературы и искусства в целом. Лишь на рубеже XIX–XX вв., когда вестернизация масштабно затронула японское общество и в Японию проникли западные комиксы со всеми их композиционными и художественными особенностями, древняя традиция визуального искусства начала свою длительную трансформацию в то, что мы знаем сегодня как манга.

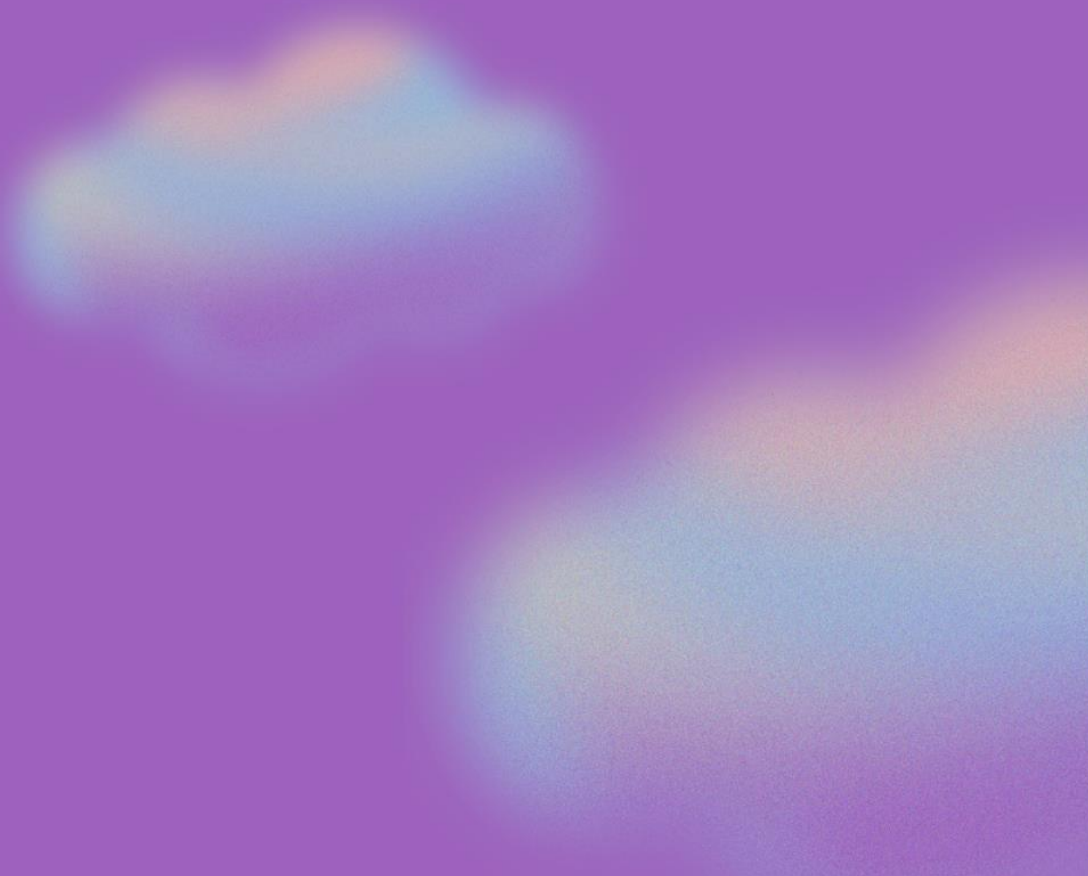
Далее автор переходит к описанию того места, которое занимает манга «Жертвы Чёрного Дождя» среди других произведений по схожей тематике. Очень важным, как мне кажется, моментом здесь является то, что комиксы манга о бомбардировках претерпели изменения: из лёгких юмористических скетчей, не имеющих с трагедией августа 1945 г. ничего общего, кроме мимолётной отсылки в названии, они превратились в полноценные драматические произведения, в которых события бомбардировок могут иметь как первостепенное сюжетообразующее значение, так и служить простым фоном для изображения жизни персонажей. Причины таких изменений, с одной стороны, политические (Сан-Францисский мирный договор, виктимизация Японией своего политического образа), но с другой стороны — глубоко социальные: проблема хибакуся, проблема вины, проблема экологических последствий и т. д. Автор пишет об этом как бы вскользь, но я считаю эти особенности достойными особого акцента.

Анализируя непосредственно саму манга «Жертвы Чёрного Дождя», автор выделяет несколько групп нарративов, которые прослеживаются в произведении:

антиамериканизм, проблема хибакуся, проблема использования мирного атома и т. д. Автор не только описывает каждый из нарративов, подчёркивая художественные и смысловые детали, имеющие принципиальное значение для позиции художника и рефлексии над бомбардировками, но и объясняет, почему они имеют место в произведении. Они вырастают из глубоких проблем японского общества: дискриминация и иерархия, боль от поражения в войне и оккупации, постколониальные проблемы. Полагаю, это самая сильная часть работы, поскольку автор, очевидно, очень внимательно изучил не одну манга о бомбардировках и уже встречал нечто похожее в других комиксах.

Конечно, данной работе тесно в жанре учебного эссе и, полагаю, она является лишь частью более масштабного исследования по этой теме. Я бы порекомендовал автору не стесняться использовать прекрасные отечественные востоковедческие работы по проблематике манга (Ю. А. Магера, Е. Л. Катасонова, Е. С. Штейнер) — это позволит расширить и углубить авторский подход к пониманию и объяснению коммеморативных практик японской манга в отношении исторических событий и бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, в частности.

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО

«NOMOS DES INTERNETS»: РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО НАЦИОНАЛИЗМА. СЛУЧАЙ КИТАЯ

*Максим Никитин**

mxn@universitas.ru

Введение

Территориальную целостность зачастую рассматривают в качестве одного из базовых элементов для воображения национальной идентичности. Общее место, язык и культура создают мифологемы о единстве нации. Однако бурные технологические изменения с началом нового тысячелетия, в особенности в коммуникативной среде, подталкивают к новому подходу в вопросе о воображении наций. Не будет преувеличением сказать, что больше нельзя считать самым собой разумеющимся, что люди, которые идентифицируют себя с определенной нацией, проживают в одном и том же пространстве. Также невозможно предполагать, что культурная гомогенизация происходит на уровне нации лишь через средства массовой информации в её привычном понимании.

Бенедикт Андерсон определяет нацию как «воображаемое политическое сообщество, воображаемое как изначально ограниченное и суверенное» (Anderson 2006, 6). В частности, Андерсон утверждает, что печатные СМИ сыграли важную роль в создании национализма и национального государства на Западе (Anderson 2006, 36). Это стало классическим допущением в конструктивистской теории национализма. Коммуникативные практики поддерживают построение нации и национализма. С развитием интернета и социальных сетей происходят перемены в этих практиках, трансформируя «публичную сферу» (говоря языком Хабермаса). Интернет с его не территориальным характером и новая коммуникативная среда меняют представление о поддержании чувства коллективной национальной идентичности. Вполне разумным кажется разговор о развитии цифрового национализма.

* Выпускник программы *Мировая политика*. Работа написана на 4 курсе, дисциплина: Масс-медиа и мировая политика.

Высокая мобильность и оперативное распространение коммуникационных и информационных технологий способствуют созданию новых условий для управления коллективной идентификацией. Для освещения вопроса цифрового национализма в рамках настоящего эссе предлагается обратиться к опыту Китая — страны, которая в наши дни играет значимую роль в формировании мирового политического ландшафта. Китай можно рассматривать как «возвращающуюся» державу, которая как раз с началом нового тысячелетия начала выходить из «тени изоляции, либо навязанной другими, либо навязанной самой себе, и вернулась на авансцену» (Ху 2007, 17). Для выхода из «тени изоляции» в Китае было создано своё интернет-пространство, в котором используются особые регистры управления, способствующие организации, мобилизации и формированию представлений о «великой китайской цивилизации». Почти каждый житель Поднебесной пользуется исключительно китайскими социальными сетями. В частности, приложение WeChat служит не только средством общения, получения новостей, но и осуществления ежедневных «бытовых» практик (например, в приложение внедрен кошелек для оплаты всевозможного спектра услуг). В Китае также распространена собственная поисковая система 百度 [Baidu] (аналог Google), которая состоит из особых алгоритмов, способствующих формированию коллективного сознания. Как это виртуальное пространство влияет на формирование национализма — будет описано в основной части работы.

Вышеописанная дискуссия подводит нас к двухчастному формату работы. В первом разделе мы постараемся ответить на следующий исследовательский вопрос: могла ли новая коммуникативная среда внести существенный вклад в изменение понимания национализма? Если да, то какую роль в этом сыграло распространение цифровых платформ? Во втором же разделе обратимся к примеру Китая и постараемся проследить, как проявляется цифровой национализм в этом «воображаемом сообществе».

Цифровой национализм: характеристики качественных изменений

Между государством и обществом находится публичная сфера — «сеть для обмена информацией и точками зрения» (Habermas 1996, 360). Публичная сфера — это важный компонент социально-политической организации, поскольку это пространство, где люди собираются вместе как граждане и выражают свои взгляды, чтобы влиять на политические институты общества (Castells 2008). Хабермас формулировал теорию вокруг исторических контекстов английского и французского развития девятнадцатого века. Материальное же выражение публичной сферы меняется в зависимости от контекста, истории и развития технологий. Средства массовой информации стали основным компонентом публичной сферы в индустриальном обществе (Castells 2008, 79). Поскольку эссе затрагивает аспект интернета с последующим развитием социальных сетей, то стоит фундировать следующий тезис. Если коммуникационные сети любого рода формируют публичную сферу, то, по мнению М. Кастельса, наше общество, является сетевым, которое

организует свою публичную сферу на основе сетей медиакоммуникаций (Castells 2008). Такая констелляция сулит нам последующее раскрытие предмета цифрового национализма.

Как было отмечено ранее, Андерсон определял национализм как чувство принадлежности к воображаемому сообществу (Anderson 2006). Интерпретируя его слова, можно сказать, что большинство членов сообщества не знают друг друга, однако они верят, что они «живут по образу общения» (Anderson 2006, 6). Благодаря развитию коммуникационных технологий интернет играет значительную роль в формировании чувства национализма (Eriksen 2007). Интернет может не только предоставлять пользователям свободный доступ к информации и общению, но и «позволять отдельным лицам создавать специальные микро- и даже макросообщества, которые могут либо преодолевать, либо укреплять национальные границы» (Conversi 2012, 1360). Это, более того, приводит к возникновению виртуальных сообществ (Conversi 2012).

Теперь же отметим качественные изменения цифрового национализма от его привычного «банального» понимания. Во-первых, цифровые коммуникационные инфраструктуры могут способствовать бóльшей фрагментации и поляризации членов сообщества (Mihelj and Jiménez-Martínez 2020, 339). Ключевым будет тот аспект, что это может привести к развитию локализма, который подчеркивает важность «своего» места, корней как ключевого критерия национальной принадлежности (Eriksen 2007). Иными словами, интернет-пространство делает возможным подпитывание сантиментов свой/чужой, когда, например, жители отдельных стран пользуются определёнными социальными сетями и поисковыми системами, продвигают хэштегами реакции на происходящие события. Важной движущей силой этой поляризации можно отметить более глубокое и эмоциональное взаимодействие индивида с чувством коллективной идентичности (Mihelj and Jiménez-Martínez 2020, 340). И хотя такие эмоциональные инвестиции могут иметь положительные последствия в силу того, что они могут способствовать поощрению участия в общественных дебатах, они в то же время потенциально могут способствовать и разобщению (Mihelj and Jiménez-Martínez 2020).

Во-вторых, интернет и как следствие цифровой национализм могут быть триггерами фрагментации общественных дебатов посредством создания алгоритмами «пузырей фильтров» (Flaxman, et al. 2016), в рамках которых люди выборочно подвергаются воздействию взглядов, которые соответствуют их существующим установкам и убеждениям. Идеи для них же, в свою очередь, могут быть переданы влиятельными акторами, определяющими повестку и принимающие политико-экономические решения. Благодаря этим алгоритмам у пользователей формируется своя картина восприятия событий, которая переносится из пространства виртуального в реальное через поддержание коллективного сплочения.

Мне кажется, что здесь можно вспомнить тезис Карла Шмитта о необходимости разделения политического пространства на «друзей» и «врагов», достигающем степени экзистенциального противостояния (Schmitt 2007). Из этого следует система,

которая способна поддерживать баланс сил, находящихся в состоянии тлеющей вражды национальных государств. Интернет-пространство может становиться проекцией идеологических установок, например, коммунистической партии Китая (раз в рамках эссе мы обращаемся к этому государству). Техники цифровой секьюритизации предоставляют партии всё новые возможности для контроля, по крайней мере, морального поведения, с одной стороны, а, с другой стороны, продвижению идей коллективной идентичности и мифа о «великой китайской цивилизации» (Tobin 2020, 4).

И, в-третьих, стоит отметить, что распространение цифровых платформ может способствовать усилению влияния коммерческого и потребительского национализма как части рассматриваемого нами цифрового. Происходит ряд явлений: «брендинг нации, потребительский национализм и превращение коллективной идентичности в товар, которые стали играть все более важную роль в воспроизводстве национализма в XXI веке» (Mihelj and Jiménez-Martínez 2020, 341). Цифровая среда играет немаловажную роль в содействии распространению потребительского национализма снизу вверх. Примером могут послужить потребительские бойкоты, направленные на бренды, которые «уличены» в их предполагаемой связи с «враждебными» нациями, или чьи владельцы ведут себя так, как считается оскорбительным для своей нации (Mihelj and Jiménez-Martínez 2020).

Сформулированный теоретический аппарат работы позволяет констатировать развитие феномена цифрового национализма в наши дни. Новая коммуникативная среда повлияла на изменения привычного понимания национализма. Теоретическая логика работы показывает, что интернет и цифровые медиа играют немаловажную роль в продвижении чувства коллективной идентичности и интересов. Для цифрового национализма мы смогли выделить ряд отличительных характеристик: поляризация членов сообщества, фрагментация, а также усиление коммерческого национализма. В следующей части эссе обратимся к опыту Китая для иллюстрации проявлений исследуемого феномена.

Поднебесный цифровой национализм

Общеизвестно, что Китай — родина четырех великих изобретений [四大发明]¹, которые во многом изменили историю человечества. Можно сказать, что два из них — книгопечатание и бумага — это предтеча первой революции в области обработки информации. Сейчас же, будучи самой густонаселенной, а также крупнейшей развивающейся страной в мире, Китай вновь демонстрирует «революцию» в области информационных технологий. Как отмечает Кастельс: «Способность или неспособность общества овладеть технологиями, в особенности технологиями, которые являются стратегически решающими в определённый исторический период, во многом определяет их судьбу» (Castells 1996, 7). В случае с Китаем речь идет о судьбе одной пятой всего человечества.

¹ К четырем великим изобретениям Китая относят компас, порох, бумагу и книгопечатание.

Как было отмечено в разделе выше, интернет с цифровыми медиа играют значительную роль в продвижении национальной идентичности и интересов — и Китай в этом смысле не является исключением. Для руководства КНР, которое осознает, что интернет способствует построению коллективной идентичности, взятие под контроль этого процесса строительства является политическим императивом (Schneider 2018, 3). В Китае сложились особого рода регистры управления (говоря языком Митчелла), в которых идёт сочетание рыночно ориентированных отношений с вмешательствами в личную частную жизнь своего населения в нелиберальном стиле (Митчелл 2016). Для контроля над интернет-пространством в Китае был учрежден специальный орган — управление по вопросам киберпространства Китая (国家互联网信息办公室). В докладе управления за 2021 год декларируется:

«Благодаря значительным достижениям, достигнутым в промышленном и *информационном* развитии Китая, были сделаны серьезные шаги в развитии производства и *киберпространства*. Китай добился *полного охвата* интернет-инфраструктуры; *число пользователей Интернета неуклонно растет*; [...] и национальная *стратегия киберразвития стала историческим достижением*»¹.

Для демонстрации цифрового национализма в китайском пространстве рассмотрим знаковые события (как представляется автору эссе) из исторического контекста страны, которые показывают проявления чувств коллективной идентичности.

Свидетельства национализма возможно проследить посредством китайской поисковой системы Baidu. В рамках анализа было решено ввести в поиске слово «*Tiananmen*» (площадь Тяньаньмэнь в Пекине), поскольку в 1989 году на площади проходила серия акций протестов (известная также как «бойня на площади Тяньаньмэнь»). Это довольно острый и шепетильный вопрос, в особенности на материковом Китае, который формируют чувства коллективной идентичности. При поиске слова в Google и Baidu (см. приложение 1) вышли разные результаты. Поиск одного слова «*Tiananmen*» через Google сразу же предоставляет ссылки на события 1989 года, а также общую информацию о площади (см. приложение 1, рис.1). При нажатии на «картинки» (см. приложение 1, рис.2) поисковая система выдает в первых рядах фотографии именно с акций протестов.

Поиск через Baidu выдает абсолютно другую информацию. В первых ссылках пользователям предоставляется общая информация о площади, о её значении при праздновании национального праздника «день образования КНР». Отдельно стоит отметить, что 8 ссылка перенаправляет на статью на английском языке, которая звучит как «*Tiananmen massacre a myth|From Overseas Press*» [бойня Тяньаньмэнь — миф], при том, что все ссылки до этого выходили на китайском. При переходе на «картинки» система выдает фотографии лишь самой площади. Поскольку язык — важный элемент в построении сообщества (Anderson 2006; Castells 2010),

¹ China Internet Network Information Center. The 47th Statistical Report on China's Internet Development / CNNIC, February 2021. URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202104/P020210420557302172744.pdf> (reference date: 10.05.2022)

то примечательно следующее наблюдение: в Baidu информация предоставляется на упрощенном китайском алфавите (普通话, стандартизированный вид китайского языка), который доминирует именно в материковом Китае, а не на традиционном алфавите, который используется в Гонконге, Тайване и среди китайской диаспоры за рубежом.

Из этого можно сделать вывод, что разные поисковые системы имеют отличные предубеждения относительно одних и тех же исторических событий и формируют внутри сообществ определенные представления, которые влияют на чувства коллективной идентичности. События на площади Тяньаньмэнь стали иллюстрацией к этому тезису.

Китай — страна, которая первая столкнулась с пандемией коронавируса. Интересным, кажется, рассмотреть, как жители Китая реагировали на вспышку пандемии, какие сентименты преобладали в интернете. В проведенном Джао Сяюю дискурс-исследовании было выявлено, что с января по март 2020 года в китайской сети *Zhihu* вопросы, который включали хэштег 新冠 [коронавирус] можно разделить на четыре категории: «обсуждение действий китайских властей, сравнение их с другими странами, обсуждение внешней провокации и варианты будущего развития Китая» (Zhao 2020, 282). Примечательно, что такого рода сравнения сопровождалась критикой иностранных лидеров. Здесь же уместно привести следующий пример. В конце марта 2020 года президент Трамп на одном из брифингов заявил, что «в Америке от эпидемии погибнет 100 тысяч человек, и это хороший результат, показывающий активную работу правительства»¹. В Китае данное заявление было воспринято китайцами как поражение главного геополитического соперника. В социальной сети Weibo (гибрид Facebook и Twitter на китайский манер), появились тысячи публикаций китайцев, высмеивающих США. Одной из самых популярных записей стала: «Если бы подобное число погибших было зарегистрировано в Китае, сколько людей здесь сказали бы, что мы умирающая страна?»².

Китайцы выражали свою коллективную сплоченность в интернете. Примечательно, что они репрезентировали её с патриотическими высказываниями и чувствами. Столкнувшись с претензиями к Китаю в связи с пандемией (как страна виноватая в её начале), жители Поднебесной использовали патриотический дискурс — «отбросьте иллюзии и приготовьтесь к борьбе» (放弃幻想, 准备斗争) (Zhao 2020).

Китайское интернет-пространство стало воплощением цифрового национализма. Стоит отметить, что жителям материкового Китая зачастую присуще пользоваться исключительно китайскими ресурсами, что не скажешь, например, о жителях

¹ Wertime D. 'Not the World's Number One': Chinese Social Media Piles On the U.S. / Politico, 05/04/2020 URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/05/04/china-america-struggle-disaster-221741> (reference date: 10.05.2022)

² См. записи в социальной сети Weibo URL: <https://s.weibo.com/weibo?q=特朗普称%20死亡人数降到10万算不错> (reference date: 10.05.2022)

Гонконга, которые не ассоциируют себя китайцами (это тема уже для другого эссе). Даже в виртуальном пространстве проявляется локализм.

Заключение

Национализм, конечно, не новый феномен сам по себе. Он с помощью цифровых коммуникационных ресурсов также распространяется среди членов «воображаемых сообществ». Он преобразуется и кристаллизуется с помощью социальных сетей. Более того, национализм в цифровых сферах сложным образом взаимодействует с национализмом вне виртуального пространства «на местах». Это стало возможным благодаря развитию интернет-пространства — нового номоса, который реорганизует привычные социальные отношения, вследствие чего в этом эссе был поднят вопрос развития цифрового национализма.

В теоретической части текста было показано, что интернет имеет весомое значение в продвижении чувства коллективной идентичности. Для цифрового национализма было выделено несколько характеристик, отличных от его привычного обыденного понимания, а именно: поляризация членов сообщества, фрагментация, а также усиление коммерческого национализма (как одна из ипостасей цифрового в рамках настоящего эссе).

Поднебесная за последнее десятилетие значительно модернизировала свое интернет-пространство, поскольку сегодня цифровое неотделимо от реального, оно — продолжение политического в другой плоскости. На конкретных примерах из китайского интернета мы убедились в развитии цифрового национализма, и как он проявляется в поисковых системах и социальных сетях, а также выступает атрибутом формирования чувств коллективной идентичности. Крайне вероятно, что китайское интернет-пространство продолжит качественную переустановку, власти усилят контроль над этой сферой, поскольку это поможет в развитии коллективного мифа о «великой 5000-летней цивилизации».

Библиография

Записи в социальной сети Weibo. – URL: <https://s.weibo.com/weibo?q=特朗普称%20死亡人数降到10万算不错了> (reference date: 10.05.2022)

Митчелл, Д. Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 592 с.

Anderson, B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 2006. — 224 p.

Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society*. Cambridge, 1996. — 594 p.

Castells, M. *The New Public Sphere: Global Civil Society, Communication Networks, and Global Governance* / M. Castells // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. — 2008. — Vol. 616, № 1. — P. 78–93.

Castells, M. *The Power of Identity*. Blackwell Publishing, 2010. — 592 p.

China Internet Network Information Center. The 47th Statistical Report on China's Internet Development / CNNIC, February 2021. — URL: <https://www.cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/202104/P020210420557302172744.pdf> (reference date: 10.05.2022)

Conversi, D. Irresponsible Radicalisation: Diasporas, Globalisation and Long-Distance Nationalism in the Digital Age / D. Conversi // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2012. — Vol. 38, №9. — P. 1357–1379.

Eriksen, T.H. Nationalism and the Internet / T. H. Eriksen // *Nations and Nationalism*. — 2007. — Vol. 13, № 1. — P. 6–7.

Flaxman, S. Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption / S. Flaxman, S. Goel, J. M. Rao // *Public Opinion Quarterly*. — 2016. — Vol. 80, №1. — P. 298–320.

Habermas, J. *Between facts and norms: Contributions to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge, MIT Press. 1996. — 676 p.

Mihelj, S. Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of «new» nationalism / S. Mihelj, C. Jiménez-Martínez // *Nations and Nationalism*. — 2020. — Vol. 27, №2. — P. 331–346.

Schmitt, C. *The Concept of the Political*. The University of Chicago Press, 2007. — 126 p.

Schneider, F. *China's Digital Nationalism*. Oxford University Press, 2018. — 320 p.

Tobin, D. *Securing China's northwest frontier: identity and insecurity in Xinjiang*. Cambridge University Press, 2020. — 288 p.

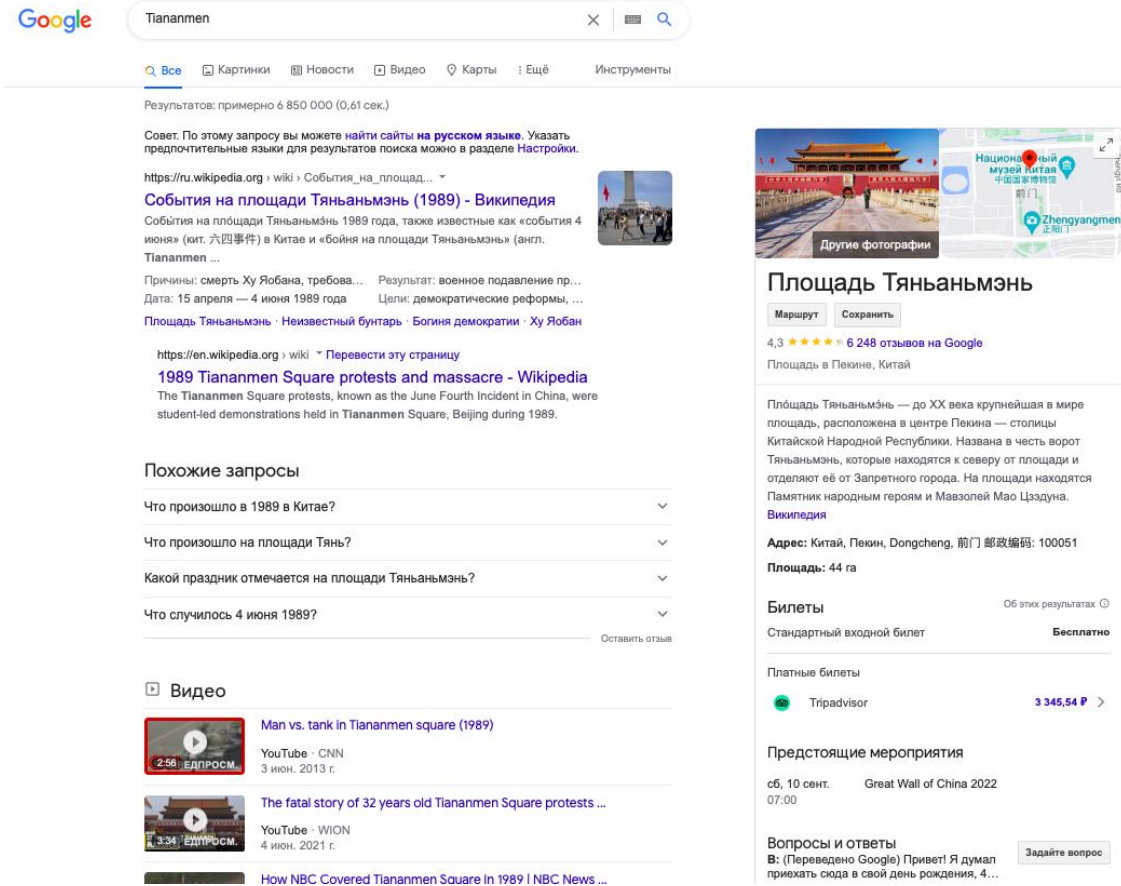
Wertime, D. 'Not the World's Number One': Chinese Social Media Piles On the U.S. / *Politico*. — 05/04/2020. — URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2020/05/04/china-america-struggle-disaster-221741> (reference date: 10.05.2022)

Xu Wu. *Chinese cyber nationalism: evolution, characteristics, and implications*. Lexington Books, 2007. — 280 p.

Zhao, X. A Discourse Analysis of Quotidian Expressions of Nationalism during the COVID-19 Pandemic in Chinese Cyberspace / X. A. Zhao // *Journal of Chinese Political Science*. — 2021. — №21. — P. 277–293.

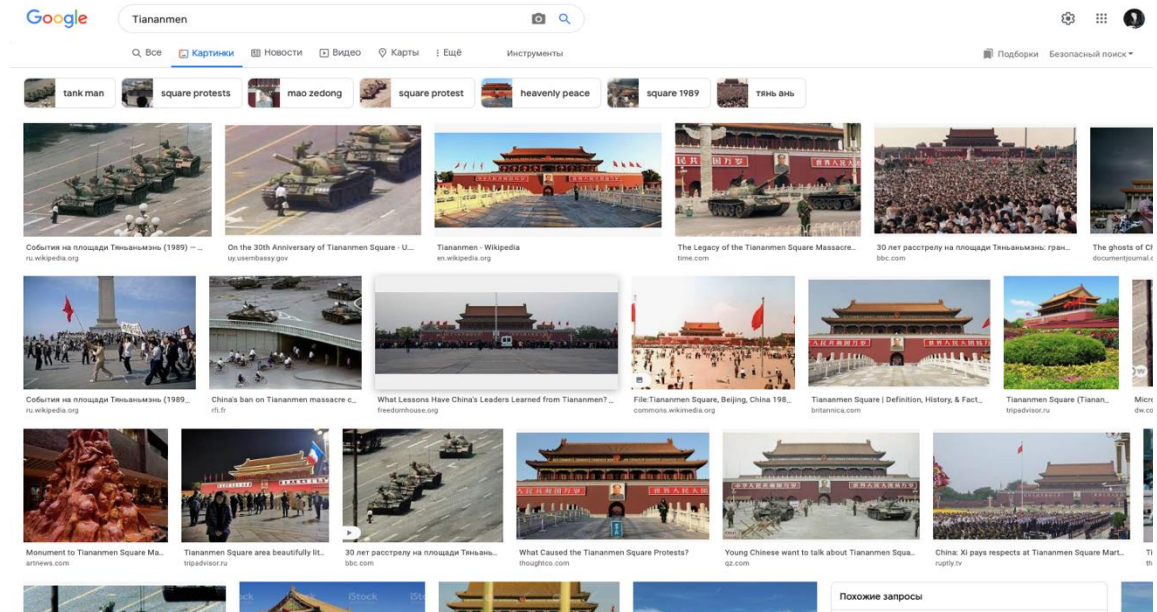
Приложения

Рис. 1

Результаты поискового запроса в Google.

Рис.2

Результаты поискового запроса в Google. Раздел «картинки».

Рис.3

Baidu 百度

Q 网页

百度为您找到相关结果约639,000个

[tiananmen - 百度图片](#)

image.baidu.com

[天安门\(北京市的第一批全国重点文物保护单位\) - 百度百科](#)

天安门 (Tian'anmen), 坐落在中华人民共和国首都北京市的中心、故宫的南端, 与天安门广场以及人民英雄纪念碑、毛主席纪念堂、人民大会堂、中国国家博物馆隔长安街相望, 占地面积4800平方米, 以杰出的建筑艺术和特殊的政治地位为世人所瞩目。天安门是明清两代...

[历史沿革](#) [建筑特点](#) [文物遗存](#) [文物保护](#) [主要景点](#) [更多 >](#)

[天安门广场 - 百度百科](#)

天安门广场位于北京市中心, 南北长880米, 东西宽500米, 面积达44万平方米, 可容纳100万人举行盛大集会。广场内沿北京中轴线由北向南依次矗立着国旗杆、人民英雄纪念碑、毛主席纪念堂和正阳门城楼。广场地面全部由经过特殊工艺技术处理的浅色花岗岩条石铺成, ...

[历史沿革](#) [建筑布局](#) [主要建筑](#) [重大活动](#) [主要事件](#) [更多 >](#)

[国庆快乐, 天安门广场中英文详解](#)

2017年10月1日 The Great Hall of the People at the west side of Tiananmen Square is the seat of State sovereign body, the Standing Committee of the National People's Congress. Occupying...

[搜狗网](#)

[“天安门”事件中一张独一无二的照片 卫视频道 凤凰网](#)

2011年11月10日 核心内容:这是关于1976年“天安门”事件独一无二的一张照片,为了呈现声势浩大的广场全貌,跑乃庸用相机拼接成了这幅珍贵的天安门三百六十度全景照片。4月1日、...

[凤凰卫视](#)

[“东伊运”幕后策划天安门恐怖袭击](#)

【俄塔社北京11月1日电】中共中央政法委书记孟建柱表示,10月28日天安门前发生的恐怖袭击事件是“东突厥斯坦伊斯兰运动”(简称“东伊运”)恐怖组织策划实施的。正在乌兹别克...

[参考消息](#)

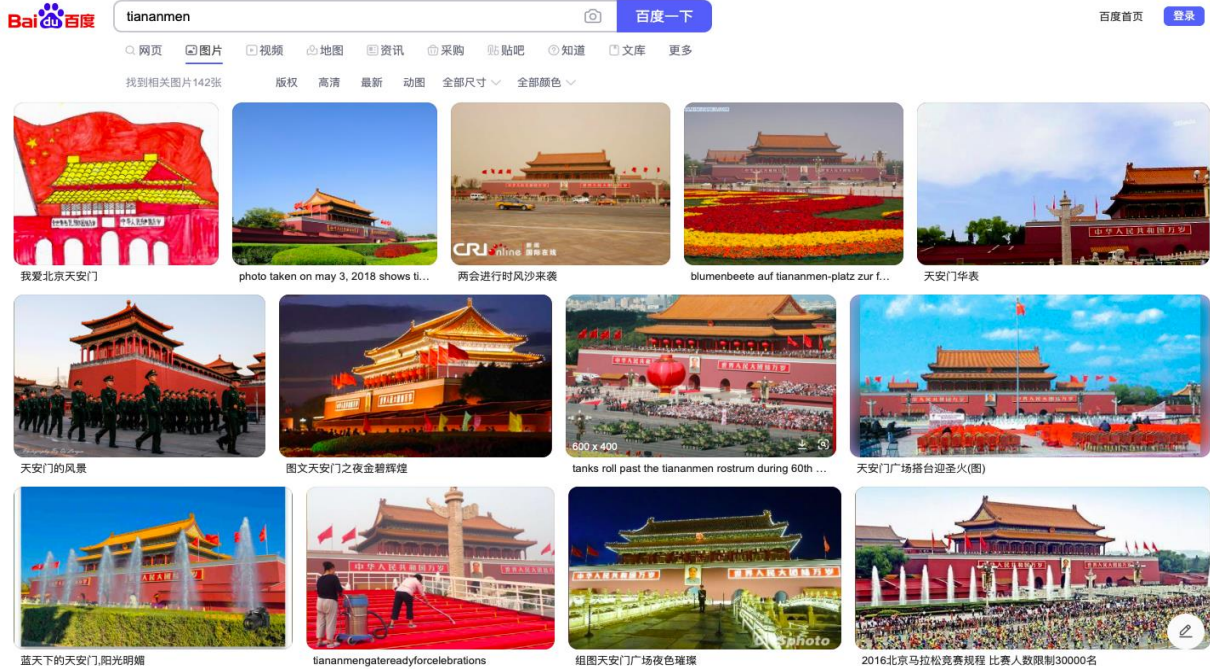
[Tiananmen massacre a myth|From Overseas Press|chinadai...](#)

2011年7月14日 Gregory Clark, a former Australian diplomat who specializes in Chinese affairs, wrote an article in Japan Times recently, saying the Western media f...

[中国日报网](#)

Результаты поискового запроса в Baidu [百度]

Рис.4

Результаты поискового запроса в Baidu [百度]. Раздел «картинки» [图片].

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «NOMOS DES INTERNETS»: РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОГО НАЦИОНАЛИЗМА. СЛУЧАЙ КИТАЯ»

*Волков Антон Сергеевич**

Текст «Nomos des Internets: развитие цифрового национализма: случай Китая» представляет собой исследовательское эссе, в котором рассматривается влияние цифровых коммуникационных технологий на понимание национализма и особенности развития цифрового национализма в Китае. Автор предлагает свое видение «воображаемых сообществ», ссылаясь на изменения, которые происходят в коммуникативной среде в связи с развитием интернета и социальных сетей.

Автор обращается к примеру Китая, его опыту в развитии цифрового национализма и отмечает, что Китай создал свое собственное интернет-пространство, используя специальные регистры управления и различные платформы, такие как WeChat и поисковая система Baidu. Автор указывает, что эти цифровые платформы способствуют организации, мобилизации и формированию представлений о «великой китайской цивилизации». Согласно мнению автора, тот факт, что почти каждый житель Китая пользуется исключительно китайскими социальными сетями и платформами, создает определенное единство и содействует развитию цифрового национализма.

Мнение автора о значительном влиянии популярных китайских цифровых платформ на формирование общественного диалога и представлений о национальной идентичности, является обоснованным и трудно не согласиться с ним. Действительно, эти сервисы играют важную роль в коммуникации и информационном обмене среди китайских пользователей, их популярность и влияние непрерывно растут. Так, например сервис микроблогов Sina Weibo, будучи одной из крупнейших социальных платформ в Китае, предоставляет пользователям возможность выражать свои мнения, делиться новостями, обсуждать актуальные события и создавать онлайн-сообщества. Миллионы пользователей активно участвуют в общении на Sina Weibo, что способствует формированию общественного диалога и обмену идеями. Кроме того, популярные китайские цифровые сервисы обладают значительным потенциалом в формировании представлений о национальной идентичности. Они служат площадкой для распространения национально-ориентированного контента, включая культурные, исторические

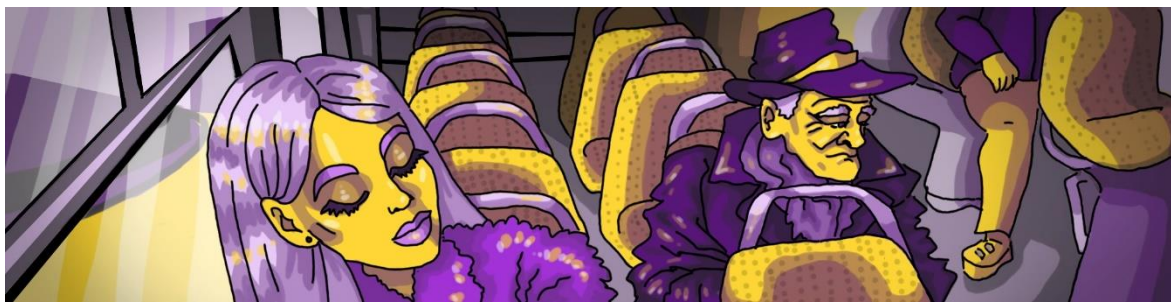
* Старший специалист Департамента цифровых технологий Правительства г. Москвы

и патриотические материалы. В целом вопрос влияния цифровых сервисов на культурную и социальную сферы является значимым и заслуживает внимания при анализе китайского цифрового ландшафта.

В своей работе автор подчеркивает, что национализм не новый феномен, однако развитие интернета и цифровых сфер привело к сложному взаимодействию между национализмом в виртуальном и реальном пространствах. Анализируя пример Китая, автор отмечает модернизацию китайского интернет-пространства и его взаимодействие с реальным политическим контекстом. Автор предполагает, что китайское интернет-пространство будет продолжать эволюционировать, а власти постараются усилить контроль в этой области, чтобы поддерживать миф о «великой 5000-летней цивилизации».

Текст содержит интересные и актуальные исследовательские аспекты, связанные с влиянием цифровых технологий на национализм. Автор хорошо структурирует материал, начиная с введения, представляя ключевые концепции и идеи, затем переходя к основным частям работы и заключению. В целом, текст представляет собой примечательное исследование о влиянии цифровых коммуникационных технологий на процесс построения нации.

Учитывая все рассмотренные аспекты, следует отметить, что проблема, поднятая в данном эссе, обладает важным потенциалом для дальнейших исследований, включая более детальное выявление влияния интернета на формирование национальной идентичности, а также дальнейшее исследование потенциала суверенного интернета Китая в контексте нациостроительства.

«THE MAIN THING IS NOT TO LOSE YOUR FACE»: RESISTANCE TO MODIFICATION THE STATUS OF A FACE AS A MEDIA

*Екатерина Нойкина**
mss1901005@universitas.ru

We ride the bus and look at the face of an elderly man. He has pronounced crow's feet and horizontal wrinkles on his forehead. He seems to have been a positive and smiling person throughout his life. We see a woman whose face is lifted with threads and almost no creases on her lips, and we don't understand why she ended up on public transport. Cynthia Ozick said (actually wrote) in one of her interviews, "After a certain number of years, our faces become our biographies. We get to be responsible for our faces"¹. We, on the other hand, believe that at any given moment in our lives, our face transmits an enormous amount of information about us, creates news hooks, face is a message and a mean of communication at the same time. The face is the media.

In many ways, it seems that presenting the face as media is merely a narrowing of the body-media theme and a focus on a limited number of examples involving a particular body part. However, "Strelka" researchers do not think so. One of the suspended February 28, the institute's project was "Peak Face". It was based on the idea that there was a stage of terraforming during which a large number of living beings appeared with faces and, consequently, the importance of faces in various areas increased over time. Furthermore, the researchers believe that this process has a beginning and an end, and now "It may even be that we are on the precipice of a post-facial phase of the terraforming, where facelessness and alternative media of social cognition (or intelligence) become key agents of reshaping the surface of the Earth"². Thus, we consider the face as an incredibly popular media

* 4 курс, бакалавриат, Современная социальная теория. Работа написана на 3 курсе, дисциплина: Communication in Media, Organization and Civil Society.

¹ Teicholz T. Cynthia Ozick, The Art of Fiction No. 95. URL: <https://www.theparisreview.org/interviews/2693/the-art-of-fiction-no-95-cynthia-ozick> (reference date: 10.05.2022).

² THE TERRAFORMING RESEARCH: PEAK FACE. URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=350007479978965> (reference date: 10.05.2022).

in a continuous process of development and deformation. And it would be interesting to analyse what is happening to this media at the moment.

If we look at the events of the present day, two parallel and opposing processes seem to be taking place: imputation and taking away face. And it is not at all clear why people are resisting the state's attempt to help them save their face.

On the one hand, technology is trying to take away from a person his own face. Tiktok changes users' faces without notification, discreetly adjusting them to conventional beauty standards¹. Based on previously analyzed faces and StyleGAN generative neural networks, AI creates faces that never existed². Thus, the owner of the face can no longer be exclusively human, the face may no longer have an owner at all (we can say that artists started creating ownerless faces, but now it has taken on a mass format and the AI can no longer be called the owner of its creations).

In addition, deepfake technologies are actively developing, allowing not only to "photoshop" a person's face into someone else's body, to dispose of their "property", but also to replace a person's face with someone else's or deform it, to "correct" the signals being sent (as in the case of the video of Nancy Pelosi "drunk"³). These operations pose risks for the media we are used to, erasing identity and authorship, albeit digitally. It is no longer only in films (like "Face/Off", 1997) that this becomes possible. Then try to prove what exactly you did or did not do a specific action.

On the other hand, we are surrounded by various banking systems with biometrics, FacePay underground access, FaceID on the phone. And while the above are voluntary functions that can be turned off, many government initiatives are gaining momentum and beginning to become compulsory. One example is the iris scanning in a refugee camp in 2002, in the border crossings between Afghanistan and Pakistan⁴, to determine whether they need or have already received humanitarian assistance. In 2016, a similar iris scan payment system was used in a refugee camp in Syria⁵. Cameras on the streets of major cities record

¹ Ohlheiser A. TikTok changed the shape of some people's faces without asking. URL: <https://www.technologyreview.com/2021/06/10/1026074/tiktok-mandatory-beauty-filter-bug/> (reference date: 10.05.2022).

² Stability AI. URL: <https://thispersondoesnotexist.com> (reference date: 10.05.2022).

³ Fever J. 🇺🇸 Nancy Pelosi drunk again ?!! URL: <https://youtu.be/464GNnetz48> (reference date: 10.05.2022).

⁴ Aas K.F. "The body does not lie": Identity, risk and trust in technoculture // Crime, Media, Culture: An International Journal. 2006. № 2(2). С. 143–158.

⁵ Lee J. WFP, UNHCR using iris recognition for Syrian refugee food program in Zaatari. URL: <https://www.biometricupdate.com/201610/wfp-unhcr-using-iris-recognition-for-syrian-refugee-food-program-in-zaatari> (reference date: 10.05.2022).

information about our faces every day and help law enforcement¹, search for missing persons² or protesters³.

At the same time, our face is being taken away from us and imputed to us. It was imposed even before the advent of electronic facial recognition systems: for example, through the passport, in which a photo obliged people to look like themselves in order to be sold beer or allowed to go abroad. It is important for the state to ensure that everyone has just their own face so that no one loses their identity, while understanding the latter in a perverted, bureaucratic way. “The assumption behind the notion of identity loss is that identity is something detached from one's self, having an objective and thing-like quality, like money, for example. Describing as 'identityless' therefore presupposes that they do not have the kind of identity required by state bureaucracy: a stable, objective, unambiguous and thing-like identity”⁴. In this context, a ban on the creation of deepfakes would be a logical action on the part of the state (attempts to regulate this are already underway, one only has to look at Chinese news⁵ or the Russian detentions of artists from the non-violent resistance “Sledui”⁶).

At the same time, people are actively fighting and disagreeing with both trends. With subtraction of the face - through programs that recognize deepfakes. However, there is a risk that deepfakes will become so commonplace that it becomes pointless to verify them. "Orwell feared that the truth would be concealed from us. Huxley feared the truth would be drowned in a sea of irrelevance"⁷.

¹ Knopper S. Why Taylor Swift Is Using Facial Recognition at Concerts. URL: <https://www.rollingstone.com/music/music-news/taylor-swift-facial-recognition-concerts-768741/> (reference date: 10.05.2022).

² Черкесова А. Система распознавания лиц в московском метро помогла найти почти 400 потерявшихся людей. URL: <https://profile.ru/news/society/sistema-raspoznaniya-lic-v-moskovskom-metro-pomogla-najti-pochti-400-poteryavshih-sya-ljudej-969971/> (reference date: 10.05.2022).

³ Powers B. Eyes Over Baltimore: How Police Use Military Technology to Secretly Track You. URL: <https://www.rollingstone.com/culture/culture-features/eyes-over-baltimore-how-police-use-military-technology-to-secretly-track-you-126885/> (reference date: 10.05.2022).

⁴ Aas K.F. “The body does not lie“: Identity, risk and trust in technoculture // Crime, Media, Culture: An International Journal. 2006. № 2(2). С. 143–158.

⁵ Yang Z. China wants deepfake providers to be responsible for their creations. URL: <https://www.protocol.com/bulletins/china-deepfake-regulation> (reference date: 10.05.2022).

⁶ "Follow" — translated from Russian.

⁷ Postman N. Amusing ourselves to death. CITIC Press Corporation, 2015. С. XIX.

With the imputation of an obligatory face - through actions like "Sledui". As part of this action, activists wore abstract drawings on their faces, which were supposed to help them protect themselves from surveillance and state recognition¹. With contrasting elements on unexpected areas of the face, they "deformed" the plane of the face, thereby trying to become unrecognisable to the cameras; in addition, the artists used the make-up as a symbol of outrage at the lack of dialogue between the state and citizens and the introduction of a widespread face recognition system without the approval of the city's inhabitants².

3

The face as part of a plurality.

In the symbiosis of cameras, recognition systems, residents and visitors, and law enforcement, bizarre coded assemblages are created. Coding is what people use in these assemblages to express their own identity. The face, in DeLanda's terms, is then a catalyst for interaction⁴, a certain trigger, fulfilling its expressive role only in the assemblage, because cameras, recognition systems and law enforcement in symbiosis can decipher the resulting code. Decoding then has the opposite effect, increasing the expressive role of faces and complicating the process of deciphering them, thus not only endangering the legitimacy the authorities⁵, but also aiming to destroy the assemblage.

¹ Манифест. URL: https://t.me/follow_channel/53 (reference date: 10.05.2022).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018. Р. 33.

⁵ Ibid. Р. 89.

Assemblage is a constant process of assembly and reassembly. Elements can therefore freely leave it without destroying the essence of the assemblage, in this sense DeLanda's logic is very well suited to the described phenomenon.

But despite the possibility of exit, in a sense it is an imposed assemblage, entry into which may not depend on the desires of human individuals¹, and some elements of which, such as cameras, play a material role, that is, participate in forcing other elements into submission² and perhaps even into becoming an element of the assemblage.

"The demonstrative punishment of a disobedient offender is necessary for the authorities, and in this respect it can be said to play an expressive role"³, which is why, although the painted faces of the "Sledui" activists did not formally violate the law, they were charged with Article 20.2 Part 5 of the Administrative Code of the Russian Federation ("Violation of the established procedure for the organisation or holding of a meeting, rally, demonstration, procession or picket")⁴. The activists also wrote the following in a post with official confirmation of the detention: "The situation showed that, according to the authorities, our faces and the drawings on them *do not belong to us*"⁵. In this case, the artists were guided by the logic that if they do not have the ability to dispose of the face, then they do not own it, the face is trying to be stolen. It seems important to illuminate what the feeling of the situation is from within this assemblage and to give voice to its elements, because "in any case decisions will be made [by people] based on [personal] beliefs about a range of issues", and these beliefs will be the material components of the assemblage⁶. This allows us to make the following movement: to accept people's attitudes and conceptualise imputation and face-stealing as two non-contradictory actions aimed at "re-recruitment" of faces, changing their expressive role into a material one. Within the existing assemblage we get an endless confrontation, a constantly changing assemblage, a constant attempt to change the role of the face by various elements of the assemblage. And the notion of state settlement as an action perceived by people in the logic of face selection.

Coercion is always met with resistance; assemblage is no exception. Apart from stealing faces, artists explain their actions by their reluctance to become a subject of surveillance: "We do not notice that we become a subject of state surveillance. While we are looking for a mate in the crowd, the cameras are looking for us. But mate and warden are not the same thing. When did we allow the state to monitor and follow us everywhere? Why was the decision made about us without us?"⁷ This seems to be a fairly persistent and

¹ Klosowski T. Facial Recognition Is Everywhere. Here's What We Can Do About It. URL: <https://www.nytimes.com/wirecutter/blog/how-facial-recognition-works/#privacy-tips> (reference date: 10.05.2022).

² Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018. P. 85.

³ Ibid. P. 89. Translated from Russian.

⁴ Сегодня днем мы.... URL: https://t.me/follow_channel/103 (reference date: 10.05.2022).

⁵ Ibid. Translation from Russian and italics by the author of the essay.

⁶ Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018. P. 99.

⁷ Ненашева К. "СЛЕДУЙ": НЕ ДАДИМ УКРАСТЬ НАШИ ЛИЦА. URL: [https://www.facebook.com/katrin.nenasheva/posts/2498978547023231?_xts__\[0\]=68.ARC0YSLdC4V4DE2-D3CxDxRBe1P0J01bpMgoBKSzOgDo3fwvhKKPffJLlGvVrawqAkjaBB0jqFBX6VjDyIzIqAgJbDkhOfCms8KaPsHC](https://www.facebook.com/katrin.nenasheva/posts/2498978547023231?_xts__[0]=68.ARC0YSLdC4V4DE2-D3CxDxRBe1P0J01bpMgoBKSzOgDo3fwvhKKPffJLlGvVrawqAkjaBB0jqFBX6VjDyIzIqAgJbDkhOfCms8KaPsHC)

frequent attitude of reluctance to become someone who is objectified and studied without the permission. It is as if there is always a potential danger behind this obtaining data about oneself. The state then acts as the goat that has learned to count to ten¹ and is feared by all the animals around it, activists call for a return to a “contractual relationship based on voluntary submission”².

I want to finish with these photos from my personal archive with an amazing number of cameras per few metres of space. Moscow Metro, 13 March 2022. No one will lose face.

Bibliography

Aas K.F. “The body does not lie“: Identity, risk and trust in technoculture // *Crime, Media, Culture: An International Journal*. 2006. № 2(2). С. 143–158.

Fever J. 🍷 Nancy Pelosi drunk again?!. URL: <https://youtu.be/464GNnetz48> (reference date: 10.05.2022).

Klosowski T. Facial Recognition Is Everywhere. Here’s What We Can Do About It. URL: <https://www.nytimes.com/wirecutter/blog/how-facial-recognition-works/#privacy-tips> (reference date: 10.05.2022).

[WNqosDyjIB3JrmlvwXICe1GaSrBd8iVOjSIYqTTg_EHFaVcQxrIK_6Y8onsp_7q0xtYroHwU1nNI4JL9VbhoJWkrj_JJpj0Nb1xV1-8_D](https://www.nytimes.com/wirecutter/blog/how-facial-recognition-works/#privacy-tips) (reference date: 10.05.2022).

¹ мой любимый сюжет.... URL: <https://t.me/wiresandswamps/375> (reference date: 10.05.2022).

² Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамблежей и социальная сложность. Пермь, 2018. Р. 89.

Lee J. WFP, UNHCR using iris recognition for Syrian refugee food program in Zaatari. URL: <https://www.biometricupdate.com/201610/wfp-unhcr-using-iris-recognition-for-syrian-refugee-food-program-in-zaatari> (reference date: 10.05.2022).

Ohlheiser A. TikTok changed the shape of some people's faces without asking. URL: <https://www.technologyreview.com/2021/06/10/1026074/tiktok-mandatory-beauty-filter-bug/> (reference date: 10.05.2022).

Postman N. Amusing ourselves to death. - Tucson, AZ, U.S.A.: Book Deals, 2015

Stability AI. URL: <https://thispersondoesnotexist.com> (reference date: 10.05.2022).

Yang Z. China wants deepfake providers to be responsible for their creations. URL: <https://www.protocol.com/bulletins/china-deepfake-regulation> (reference date: 10.05.2022).

Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. — 170 pp.

Манифест. URL: https://t.me/follow_channel/53 (reference date: 10.05.2022).

мой любимый сюжет.... URL: <https://t.me/wiresandswamps/375> (reference date: 10.05.2022).

Ненашева К. "СЛЕДУЙ": НЕ ДАДИМ УКРАСТЬ НАШИ ЛИЦА. URL: [https://www.facebook.com/katrin.nenasheva/posts/2498978547023231?_xts__\[0\]=68.ARC0YSLdC4V4DE2-D3CxDxRBe1P0J01bpMgoBKszOgDo3fwvhKKPffJLfGVrawqAkjaBB0jqFBX6VjDyIzIqAgJbDkhQfCms8KaPsHCWNqosDyjIB3JrmlvwXlCe1GaSrBd8iVOjSIYqTTg_EHFaVcQxrIK_6Y8onsp_7q0xtYroHwU1nNI4JL9VbhoJWkrj_JJpj0Nb1xV1-8_D](https://www.facebook.com/katrin.nenasheva/posts/2498978547023231?_xts__[0]=68.ARC0YSLdC4V4DE2-D3CxDxRBe1P0J01bpMgoBKszOgDo3fwvhKKPffJLfGVrawqAkjaBB0jqFBX6VjDyIzIqAgJbDkhQfCms8KaPsHCWNqosDyjIB3JrmlvwXlCe1GaSrBd8iVOjSIYqTTg_EHFaVcQxrIK_6Y8onsp_7q0xtYroHwU1nNI4JL9VbhoJWkrj_JJpj0Nb1xV1-8_D) (reference date: 10.05.2022).

Сегодня днем мы.... URL: https://t.me/follow_channel/103 (reference date: 10.05.2022).

Черкесова А. Система распознавания лиц в московском метро помогла найти почти 400 потерявшихся людей. URL: <https://profile.ru/news/society/sistema-raspoznaniya-lic-v-moskovskom-metro-pomogla-najti-pochti-400-poteryavshihsyajudej-969971/> (reference date: 10.05.2022).

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «THE MAIN THING IS NOT TO LOSE YOUR FACE»: RESISTANCE TO MODIFICATION THE STATUS OF A FACE AS A MEDIA»

*Nils Klowait**

The essay raises a number of interesting points about identity and embodiment, responsibility, agency, sovereignty. Our language about identity and action has a human-body-bias: we talk about ‘at-hand’ resources for interaction, we express a lapse in our public dramaturgy as ‘losing face’. Yet, neither of these phenomena are tied to the body in a straightforward way. A handless person can have at-hand resources, and I can think of a range of ways to lose face without invoking the immortal spirit of Nicolas Cage. Yet, as the paper points out, this connection between a body and (the managed) identity can be variously embedded into a socio-technological landscape, can be subject to classification by machines and powers, powerful machines, machineries of power. A ‘face’ can be made to circulate by becoming, for example, a set of characteristics meaningful to a computer vision system. An observer of any kind has some influence over whether a ‘face’ is given or given off. A system can penetrate into surfaces we hitherto considered a backstage, and attempt to reconfigure the conditions of our face work. This is obvious when we discover we were Zoom-screensharing the wrong window, or when our old thumbs-ups (embodiment again!) on old articles are re-classified as relevant public events. Or when YouTube videos can suddenly be analyzed to display the YouTuber’s heart rate. But whether a ‘face’ is a ‘face’ or a face is also an at-hand resource for face-havers: we can face off against classification systems trying to circulate a face beyond a comfortable confine. We can draw on our face, and we can even de-‘face’ a face by disconnecting it as a component of identity and impression management. In virtual reality, for instance, people change faces like clothes, and may inhabit a new body as a metacommentary on an event. A ‘face’ becomes a face, but a gait might also become a ‘gait’. The connection between a set of graspable (!) phenomena and variously-empowered systems of classification are contingent, subject to struggle. The article highlights a space where this kind of struggle is being waged right now, and sets out a number of intersecting planes on which differently-ontologied entities are trying to establish a connection between bodies, identities, and actions.

* Research Associate Faculty of Mechanical Engineering, Department of Technology and Diversity, Paderborn University, Germany

ДИАЛОГИ

ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗРЫВА МЕЖДУ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И ПРАКТИКОЙ В СФЕРЕ МЕНЕДЖМЕНТА

*Евгения Левина**

mss2213094@universitas.ru

Введение

В научной литературе уже не первый год идут обсуждения разрыва между академическими исследованиями в сфере организационной психологии и практикой управления организационными процессами. Отсутствие связей между учеными и менеджерами негативно сказывается на обеих отраслях. Компании, занятые погоней за эффективностью, внедряют огромное количество новых подходов и используют новаторские методики, которые не подкреплены никакими данными об их успешности, что может приводить к потере бизнесом денег. Академическая среда сосредоточена на строгости проводимых исследований, а не на их применимости на практике, из-за чего наука все больше отрывается от реальных проблем индустрии.

Очевидным решением было бы объединение усилий ученых и практиков для взаимного обогащения деятельности друг друга. Однако, большинство менеджеров, принимая управленческие решения, основываются на персональном опыте, рекомендациях из книг-бестселлеров или советах консультантов, не имеющих под

* 1 курс, профпереподготовка, Психология и экономика принятия управленческих решений. Работа написана на 1 курсе профпереподготовки, дисциплина: Организационная психология.

собой научной базы, а ученые вынуждены больше думать о публикации своих исследований в рецензируемых журналах, чем об их прикладной ценности.

Сократить разрыв между исследованиями и практикой могло бы использование доказательного подхода к менеджменту, основным принципом которого является внедрение тех путей решения проблем, чья эффективность была доказана научными исследованиями. Данный подход имеет большое число преимуществ, но это не значит, что транзит от традиционного менеджмента к доказательному является простой задачей.

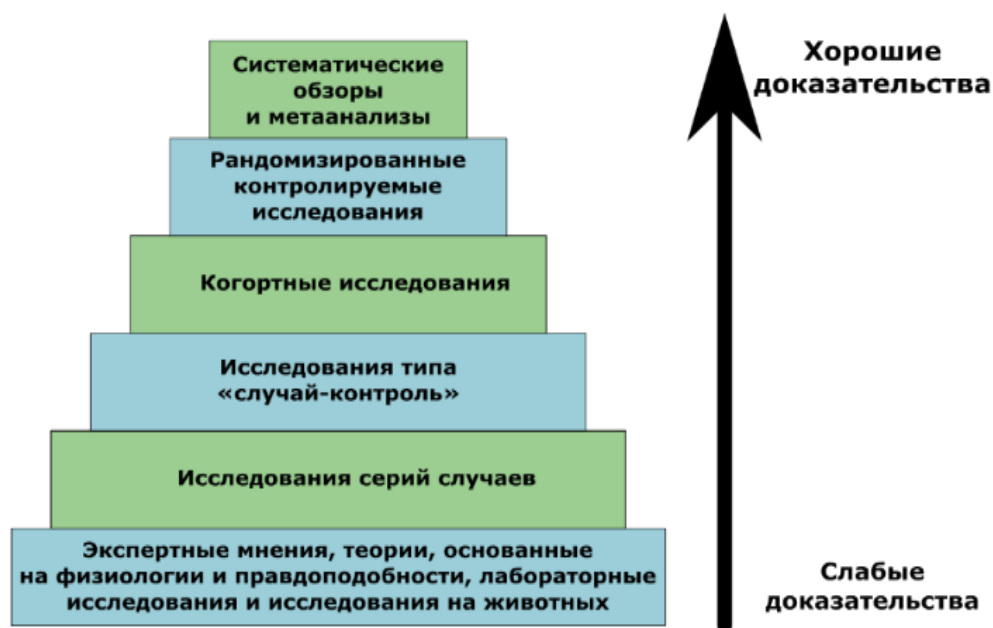
Цель данной работы заключается в попытке продемонстрировать, как внедрение доказательной практики в менеджменте позволит сократить разрыв между наукой и индустрией, какие факторы могут способствовать этому процессу, а какие наоборот мешать.

Основы доказательного подхода в менеджменте

Доказательный подход — это концепция, в рамках которой считается, что принятие решений в любой сфере необходимо основывать на лучших из доступных на данный момент научных данных. Впервые разговор о необходимости использования доказательного подхода к практике был начат в медицине в 90-ые годы, тогда же были и заложены и основные принципы доказательной медицины: для принятия любого клинического решения необходимо найти лучшую доступную на данный момент информацию по вопросу, критически оценить валидность этой информации и ее клиническую полезность для решения поставленной задачи, по результатам этой оценки применить выделенные принципы и оценить их эффективность (Rosenberg and Sackett 1995). С тех пор использование доказательного подхода не только стало стандартом оказания медицинских услуг, но и распространилось на такие сферы как образование, менеджмент, юриспруденция, государственная политика и т. д.

Краеугольным камнем доказательного подхода является информация, но далеко не все ее источники можно считать надежными, из-за чего приверженцам доказательной практики было необходимо разработать классификацию относительного качества данных. В медицине распределение надежности данных происходит согласно системе, называющейся Иерархия доказательств (свидетельств), в которой оценивается, в первую очередь, свобода от предвзятости того исследования, в ходе которого эти данные были получены.

**Рисунок — Уровни убедительности доказательств по типам исследований
(Szajewska 2018)**

Взяв этот принцип за основу, для исследований по менеджменту можно сделать аналогичную систему оценивания (Barends 2015).

Уровни надежности	Дизайны исследований	Выводы
A+	Систематические обзоры исследований уровня А	Показано, что...
A	Систематические обзоры исследований уровня В Рандомизированные контролируемые испытания	
B	Систематические обзоры исследований уровня С Нерандомизированные контролируемые исследования Когортные исследования Исследования «случай-контроль»	Есть вероятность того, что...
C	Нерандомизированные контролируемые исследования без предтеста	Есть признаки того, что...

	Неконтролируемые исследования с предтестом	
D	Неконтролируемые исследования без предтеста Поперечное исследования Метод индивидуального случая	
D-	Мнения экспертов	Эксперты считают, что...

Таблица — Уровни надежности доказательств по типам исследований в сфере менеджмента

Систематические обзоры проводятся с целью выявить как можно большее количество опубликованных на заданную тему научных исследований или описаний успешных результатов практикующих специалистов, проанализировать валидность и авторитетность полученных из каждого источника данных и на основании этого провести критический обзор наиболее выверенной и всеобъемлющей информации по данному вопросу. Отличие систематического обзора от литературного заключается в методичном подходе к оцениванию всех доступных результатов исследований, в то время как литературные обзоры часто строятся на основании тех работ, которые совпадают с мировоззрением автора обзора, и не дают оценку результатам исследований, а лишь суммируют их суть.

Задачей мета-анализа является использование методов статистики с целью объединения исходных количественных данных или результатов нескольких научных работ. Далеко не всегда для проведения исследования удастся найти достаточно большую выборку респондентов, что в результате может повлиять на некорректность полученной информации и сделанных из нее выводов. Такой метод позволяет не только увеличить объем изучаемой выборки, но и повысить ее разнообразие, что ведет к получению статистически более значимых результатов. Проведение мета-анализа может выявлять систематические ошибки, объяснять разницу в выводах разных работ, позволяет суммировать результаты исследований, если по теме постоянно появляются новые данные, облегчая таким образом поиск информации. Часто мета-анализ проводится в рамках систематического обзора.

Рандомизированное контролируемое испытание (РКИ) — это экспериментальный научный метод, при котором для изучения влияния какого-либо фактора всегда используется две группы: экспериментальная (подвергающаяся воздействию) и контрольная (не подвергающаяся воздействию), причем участники обеих групп набираются случайным образом из подходящих кандидатов. Для еще большего повышения объективности таких исследований информация

о распределении участников по группам может скрываться от них самих, технического персонала и даже тех, кто анализирует полученные данные, с целью снижения влияния человеческого фактора и эффекта плацебо, в таком случае исследования называются слепыми. РКИ являются стандартом проведения экспериментальных исследований в медицине, однако, не всегда применимы в социальных науках¹.

В когортных исследованиях проводят лонгитюдное наблюдение за группой людей, объединенных общими характеристиками, у которых на определенных интервалах времени измеряют набор заданных параметров. Полученные данные затем анализируются с помощью методов статистики для установления причинно-следственных связей.

Исследования «случай-контроль» также, как и когортные, позволяют обнаруживать казуальные связи, однако, их задача состоит в выявлении причин уже состоявшихся событий. Для этого сравнивают между собой группу людей, обладающих изучаемой характеристикой (например, страдающих депрессией), и контрольную группу, у которой такой характеристики нет. Результатом подобного исследования будет соотношение шансов проявления изучаемого исхода и факторов, которые могут на него влиять.

Исследования методом поперечных срезов собирают значения набора параметров в популяции в конкретный момент времени, на основании анализа которых затем можно устанавливать корреляции, однако причины проявления этих корреляций таким методом исследования обнаружить нельзя.

С помощью метода индивидуального случая проводится анализ феномена на единственном конкретном примере. Такой подход позволяет всесторонне и нюансировано рассмотреть изучаемую ситуацию, обращая также внимание на контекст происходящих процессов.

Для сбора данных, которые затем можно анализировать с помощью статистики, используются различные количественные методы, например, опросники. Предтест вопросов опросника, или аналогичная проверка любого другого метода сбора данных, позволяет удостовериться, что выбранный метод валиден, практичен и чувствителен к измеряемым параметрам. Проведение исследования без предтеста может негативно сказаться на надежности получаемых результатов.

Таким образом, иерархия доказательств — это очень распространенная эвристика для оценивания надежности данных, однако, стоит отметить, что далеко не все из перечисленных типов дизайна исследований широко распространены в научной сфере изучения менеджмента. Более того, в доказательной практике не менее важным фактором для оценивания результатов исследований будет являться их прикладное значение и возможность масштабирования, что, например, не всегда доступно для РКИ, а низкая внутренняя валидность качественных исследований не отменяет того,

¹ Kabeer, N. The human element — why randomised control trials need mixed methods approaches // LSE Impact Blog. 10.06.2019. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2019/06/10/the-human-element-why-randomised-control-trials-need-mixed-methods-approaches/> (reference date: 25.11.2022).

что именно они позволяют отвечать на вопросы «как» и «почему», которые могут оказаться очень важными для практиков при принятии решений. Получается, что для успешного внедрения доказательной практики специалисты должны не только разбираться в своей профессиональной области, но и в нюансах дизайна научных исследований, что представляет собой уже гораздо более сложную задачу.

Дениз Руссо, председатель ученого совета Центра доказательного управления (Center for Evidence-Based Management, СЕВМа), в своей статье об этом подходе к менеджменту (Rousseau 2006), выделяет несколько пунктов, которые могли бы облегчить переход к внедрению доказательной практики:

- помимо обеспечения доступа к информации для продвижения доказано работающих методов, необходимо также создавать практические рекомендации, позволяющие легче применять эти методы в работе;
- создание культуры принятия решений, основывающихся на доказательствах, и стимулирование непосредственного участия практиков в научной деятельности, так как возможность взглянуть на процесс изнутри облегчает понимание особенностей научных исследований;
- поощрение использования доказательного подхода не только на индивидуальном или организационном уровнях, но и на институциональном (например, обучение принципам доказательного подхода в университетах).

Таким образом, путь к доказательному менеджменту лежит через сотрудничество исследователей и практиков.

Сокращение разрыва между исследованиями и практикой

Между наукой и индустрией в сфере управления организационными процессами на данный момент существует разрыв (Burke, Drasgow, Edwards 2004; Rynes, Bartunek, Daft 2001), который негативно влияет и на работу практикующих специалистов, и на возможности расширения академического знания в этой области. Доказательный подход к менеджменту мог бы стать мостом, соединяющим практиков и ученых, поэтому во втором разделе этого эссе я сосредоточусь на тех преимуществах, которые может получить каждая из сторон благодаря сокращению этого разрыва.

Современная наука развивается очень быстро, постоянно появляются новые данные по огромному количеству тем, однако, у практикующих специалистов просто нет времени для изучения этого объема научной литературы, из-за чего информация о новых достижениях и разработках в теме управления до них, скорее всего, либо не доходит, либо доходит спустя несколько лет. Тем не менее, мир в это время не стоит на месте, постоянно происходящие изменения и растущая конкуренция требуют от специалистов быстрой адаптации и инновационных подходов, и в такой ситуации результаты современных исследований в организационной психологии и менеджменте могли бы позволить им легче преодолевать кризисы, связанные с необходимостью изменений и повышения эффективности бизнеса.

В своей профессиональной деятельности специалисты в сфере менеджмента постоянно сталкиваются со многими вопросами, которые не имеют однозначных

ответов, как например: Как выбрать одного из многих кандидатов, претендующих на позицию? Нужно ли выделять время на развитие сотрудников и, если да, то сколько? Какие шаги необходимо сделать, чтобы повысить работоспособность отдела, не увеличивая количество рабочих часов? Несмотря на то, что существующие научные исследования далеко не всегда могут дать прямые ответы на эти или подобные вопросы, являющиеся часто критическими и для самих практиков, и для результатов бизнеса, обращение к доказательному подходу позволяет прикладным специалистам иметь доступ к расширенному набору инструментов, используемых в науке, для самостоятельного поиска ответов.

В век цифровой экономики компании на постоянной основе активно собирают огромные объемы данных, часть которых потенциально может быть использована для научных исследований в организационной психологии и менеджменте. Наиболее перспективными с этой точки зрения будут данные, собираемые HR-отделами. В задачи работников HR-подразделений компаний входит сбор такой информации, как демографические характеристики, должности, эффективность (обычно, в виде рейтингов) и продолжительность работы на текущей позиции, а также карьерный рост сотрудников, если он осуществлялся в рамках одной корпорации, и другие параметры мобильности работников. Помимо этого, HR-отделы также могут предоставлять информацию о взаимоотношениях между коллегами, подчиненными и начальниками и особенностях рабочего процесса. Доступ к этим данным позволил бы ученым уйти от использования выборки удобства, что облегчило бы масштабирование результатов исследований, а также эти данные дали бы возможность учитывать контекст организационных процессов, делая исследования более прикладным, а, значит, более привлекательными для компаний.

Налаживание связей между практиками и учеными не только позволило бы преодолеть методологическую проблему использования удобных выборок или выборок маленького размера в организационной психологии, но и дало бы понимание о том, что сейчас является основными и наиболее срочными задачами для сферы менеджмента. Практикующие специалисты являются лучшими источниками исследовательских вопросов, ведь именно они на ежедневной основе сталкиваются с проблемами, которые научные исследования могли бы помочь преодолеть. Однако, наличие разрыва между практиками и учеными привело к тому, что достаточно большая часть научных работ по менеджменту не решают существующих на практике задач и, соответственно, не несут ценности для реальных компаний (Koskela 2017). Наука ради науки в отрыве от реального мира может привести только к стагнации.

Сотрудничество между академической средой и профессиональной позволяет получать результаты значимые не только с практической стороны, но и с научной: с 2010 года *Academy of Management Journal* ежегодно присваивает звание «лучшая статья»¹ за «расширение теоретического понимания организаций, процесса

¹ Best Published Paper Award // Organization and Management Theory. URL: <https://omt.aom.org/awards/bestpubpaper-award> (reference date: 25.11.2022).

организации и менеджмента», и, в основном, лауреатами этой номинации становились публикации, в которых исследования проводились совместно с реальными компаниями (организации оперировали в таких разнообразных сферах как: исламский банкинг, подбор управленческого персонала, цирковые представления и т. д.). Таким образом, и наука может многое дать бизнесу, и бизнес науке. Продуктивное сотрудничество этих двух отраслей позволило бы решить многие из существующих в них на данный момент проблем.

Препятствия на пути к доказательному менеджменту

Несмотря на все перечисленные в предыдущем разделе преимущества, возникающие при совмещении усилий ученых и практикующих специалистов, доказательный подход к управлению все еще остается недостаточно распространенной практикой, и на то есть несколько веских причин.

Первым и основным барьером внедрения доказательного подхода к менеджменту является фундаментальная разница мировоззрений научных деятелей и прикладных специалистов. В заметке (Bartunek and Rynes 2014), опубликованной приглашенными редакторами, Жан Мари Бартунек и Сарой Линн Райнс, в журнале *Journal of Management* очень подробно обсуждаются сферы, в которых у ученых и практиков расходятся взгляды, среди них они перечисляют:

- разные подходы к решению проблем (различия существуют в логике, допущениях, критериях оценки и, в принципе, системе координат научной и прикладной отрасли);
- временные рамки (горизонт планирования ученых значительно превышает то время, которое отводится на решение проблем в индустрии);
- сложности коммуникации (язык академических исследований необходимо переводить на язык практиков, презентация одних и тех же идей для этих двух групп будет сильно отличаться в силу особенностей принятых форматов и т. д.);
- строгость исследований и их прикладная актуальность (ориентация на параметры, по которым происходит оценка строгости научных исследований, зачастую приводит к тому, что подобные работы практически не имеют прикладного значения);
- интересы и стимулы (карьеры в науке и индустрии оцениваются по слишком разным параметрам, соответственно, задачи занимающихся академическим трудом будут сильно отличаться от задач тех, кто работает в индустрии).

Последний из перечисленных пунктов был подробно рассмотрен в статье (Garman 2011) Эндрю Гармана в *Journal of Business Psychology*. Он красочно описывает карьерный путь человека, заинтересованного и в научной, и в прикладной стороне своей профессиональной сферы, который хорошо иллюстрирует, что в текущих реалиях невозможно заниматься одновременно и академической, и прикладной деятельностью. Научная карьера предполагает глубокое погружение в выбранную область знания, а успех ученого оценивается в полученных грантах

на исследования и статьях, опубликованных в рецензируемых журналах. В то время как работа специалиста в индустрии будет иметь положительную оценку в случае достижения поставленных компанией целей в заданное время. Такое различие в системах оценивания не позволит одному человеку успешно совмещать и ту, и другую деятельность в своей карьере.

Помимо масштабных препятствий, возникающих из-за разницы в подходах и мировоззрении, существуют также и те, которые будут возникать на индивидуальном и организационном уровнях.

Первый вопрос, с которым столкнется специалист, пытающийся выстроить доказательную практику, — это откуда брать надежную информацию. В самом начале этого эссе уже обсуждалась Иерархия доказательств и потенциальные проблемы ее применения людьми с низким уровнем понимания научной методологии, но помимо этого существует проблема того, где публикуется научная информация. Уже давно известно, что практики не читают академические журналы (Cohen 2007), в которых ученые обнародуют результаты своих исследований, потому что целью этих изданий является обмен информацией внутри научного сообщества. А это значит, что для эффективной коммуникации между учеными и практиками необходимо создавать дополнительные информационные ресурсы, которые бы закрывали потребность в донесении результатов научных исследований до индустрии.

Другие проблемы, связанные с нахождением и восприятием информации для построения доказательной практики, были сформулированы Джеффри Пфеффером и Робертом Саттоном в их статье (Pfeffer and Sutton 2006, 62) для *Harvard Business Review*:

- слишком большое количество информации (в сфере менеджмента и бизнеса издаются десятки печатных газет, сотни рецензируемых журналов, тысячи книг и публикуется огромное количество интернет-ресурсов — невообразимый объем для усвоения одним менеджером);
- недостаточное количество информации о «полезности» публикуемых данных (компании могут тратить миллионы долларов на внедрение тех или иных методов и практик, но информации о продуктивности этих изменений слишком мало);
- недобросовестные консультанты (работа консультантов оплачивается вне зависимости от успешности предложенных ими решений, более того, нерешенная до конца проблема — это потенциально новый контракт на оказание консультативных услуг, что может приводить к распространению «плохих» практик);
- игнорирование доказанных методик из-за личной точки зрения (в процессе любой деятельности человек нарабатывает личный опыт, который может противоречить современным доказательным решениям и будет препятствовать их внедрению);

- побочные эффекты перевешивают возможность решить проблему (даже если существует доказано работающее решение, последствия его внедрения могут оказаться хуже, чем если проблему не решать);

- преподнесение информации (формат, в котором информация подается, будет сильно влиять на решение об ее использовании: семинар харизматичного бизнес-тренера или книга-бестселлер гораздо увлекательнее, чем сухая академическая статья, из-за чего многие люди будут предпочитать первый источник информации второму, так как это проще).

Статья Г. В. Семья, В. В. Станилевского, А. А. Газаряна и А. С. Некрасова (Семья, Станилевский, Газарян и др. 2022) также подсвечивает многие из уже перечисленных барьеров на пути внедрения доказательной практики в управлении и дополняет их еще несколькими пунктами, которые могут проявляться на организационном уровне:

- организационная культура (традиционно решения принимаются на основании профессионального опыта и интуиции, переход к доказательной практике может вызывать у многих сотрудников отторжение);

- финансирование исследований (как уже упоминалось, практическая ценность научных работ далеко не всегда является задачей академического сообщества, при этом проведение исследований самими компаниями с точки зрения руководства может рассматриваться, как дорогостоящая авантюра, у которой невозможно прогнозировать ценность полученных результатов);

- методологические (проведение исследований сотрудниками компаний чревато конфликтом интересов, который может приводить к искажению результатов за счет манипуляции данными и нарушению стандартов и этических норм проведения исследований);

- компетентность сотрудников (для работы с научными данными или для проведения исследований бизнесу нужны специалисты с соответствующими навыками, которых на рынке труда не так много, или необходимы программы обучения этим навыкам, которые нужно будет разрабатывать).

Несмотря на обширный список препятствий перехода к доказательной практике в менеджменте, преимущества, обозначенные в предыдущем разделе все же стимулируют интерес к данному подходу.

Факторы развития доказательного менеджмента

Подводя итог сказанного в предыдущих разделах, доказательная практика, обладает неоспоримыми преимуществами и для академического сообщества, и для индустрии. Только совместные усилия, направленные на преодоление существующего между ними разрыва, позволят продолжать переход от традиционного менеджмента к доказательному.

В своей статье Г. В. Семья, В. В. Станилевский, А. А. Газарян и А. С. Некрасов (Семья, Станилевский, Газарян и др. 2022) выделяют следующие драйверы развития доказательного подхода в управлении:

- внедрение принципов доказательного подхода (разработка простых для запоминания инструкций, по которым работники могли бы сверять соответствие своего алгоритма принятия решений принципам доказательной практики);
- практико-ориентированный дизайн исследований (ученым необходимо думать о ценности потенциального исследования не только с позиции оценки его научным сообществом, но и прикладного применения его результатов);
- создание специализированных источников информации (как уже обсуждалось, для налаживания коммуникации между учеными и практиками необходимо создание специализированных баз данных, чьей задачей будет сбор и систематизация существующей информации о доказательных практиках);
- адаптация понятия доказательная практика под нужды бизнеса (доказательный подход является инструментом, и у каждой компании должна быть возможность приспособить его под свои текущие задачи, а не перенимать жесткую структуру в качестве шаблона);
- обучение доказательному подходу (необходимая квалификация сотрудников и руководителей не появится без усилий по внедрению обучения основам доказательного подхода в программы университетов и дополнительного образования).

Вопрос обучения доказательному подходу в России стоит особенно остро, так как исторически сложилось, что высшее образование и программы профессиональной переподготовки реализуются на базе университетов, а научная работа проводится в научно-исследовательских институтах (НИИ). Подобное разделение способствовало отрыву программ ВУЗов от достижений современной науки. Началом процесса решения этой проблемы стал указ президента России в 2008 году о создании категории национальный исследовательский университет (НИУ), в которую попадают ВУЗы, интегрирующие научные исследования и профессиональное обучение. На данный момент в списке НИУ насчитывается 29 учебных заведений, однако, всего в России 497 государственных и 213 негосударственных учреждений высшего образования, что позволяет утверждать, что процесс интеграции науки в практику в России далек от завершения.

Развитию доказательного подхода к менеджменту также способствует распространение информации об успешных кейсах из индустрии. С такой целью в 2013 году Общество индустриальной и организационной психологии (Society for Industrial and Organizational Psychology, SIOP) и Общество управления человеческими ресурсами (Society for Human Resource Management, SHRM) организовали ежегодную премию *Human Resource Management Impact Awards*¹, которую получает проект, оказавший наибольшее влияние на развитие области управления человеческими ресурсами.

На веб-сайте этой премии сообщается, что задача ее проведения в том, чтобы продвигать HR-практики, способствующие успешной деятельности организаций

¹ Human Resource Management Impact Awards // Society for Industrial and Organizational Psychology. URL: <https://www.siop.org/Foundation/Awards/HRM-Impact-Award> (reference date: 25.11.2022).

во всем мире по улучшению рабочей среды. Отдельно подчеркивается важность не только эффективности использованных подходов, но и их доказательность. Среди лауреатов и почетных упоминаний этой награды за прошлые года были такие крупные корпорации, как Pepsico, Merck & Co, P&G, Goldman Sachs и другие глобальные организации.

Существование этой премии с 2013 года и факт того, что ежегодно за ее получение борются гиганты рынка труда, показывает, что интерес к доказательному подходу только растет, и есть надежда, что пример пионеров индустрии будет задавать цель на изменения во всей отрасли менеджмента.

Заключение

В ходе данного эссе были описаны основные принципы доказательного подхода и рассмотрены дизайны исследований, на которые могла бы опираться доказательная практика в менеджменте. Также было проанализировано, как наука и индустрия могут дополнять друг друга, и какие барьеры необходимо преодолеть для сокращения существующего разрыва между учеными и практиками.

На основании анализа информации о перспективах внедрения доказательного менеджмента я пришла к выводу, что первостепенными проблемами, стоящими на пути у этого процесса, являются особенности существующих образовательных программ высшего образования и отсутствие необходимых баз научных данных, которые практики могли бы использовать в своей работе. Однако, опыт внедрения доказательного подхода в медицине, где эти сложности уже во многом преодолены, позволяет надеяться, что и в области управления можно будет найти их эффективное решение.

Не менее важным аспектом, который обсуждался в этом эссе, я считаю вопрос продвижения идей доказательного подхода к менеджменту в массы. Безусловно, с 2006 года, когда только зарождался разговор об использовании доказательной практики управления, уже было проведено много работы по популяризации данного подхода. Однако, и в международной, и в российской среде еще есть потенциал для расширения осведомленности менеджеров различных индустрий о необходимости перехода от традиционного управления к доказательному, и тех преимуществ, которые благодаря этому могут получить их бизнесы.

Библиография

Семья, Г. В. Доказательный подход в управлении: доказательный менеджмент и доказательная политика / Г. В. Семья, В. В.

Станилевский, А. А. Газарян, А. С. Некрасов // Социальная психология и общество. — 2022. — Т. 13, №1. — С. 209–223.

Barends, E. In Search of Evidence. Empirical findings and professionals perspectives / E. Barends. — Amsterdam: VU University Press, 2015. — 266 p.

Bartunek, J. M. Academics and practitioners are alike and unlike: The paradoxes of academic—practitioner relationships / J. M. Bartunek, S. L. Rynes // *Journal of Management*. — 2014. — Vol. 40, №5. — P. 1181–1201.

Burke, M. J. Closing science-practice knowledge gaps: Contributions of psychological research to human resource management / M. J. Burke, F. Drasgow, J. E. Edwards // *Human Resource Management*. — 2004. — Vol. 43, №4. — P. 299–304.

Cohen, D. J. The very separate worlds of academic and practitioner publications in human resource management: Reasons for the divide and concrete solutions for bridging the gap / D. J. Cohen // *Academy of Management Journal*. — 2007. — Vol. 50, №5. — P. 1013–1019.

Garman, A. N. Shooting for the moon: How academicians could make management research even less irrelevant / A. N. Garman // *Journal of Business and Psychology*. — 2011. — Vol. 26, №2. — P. 129–133.

Koskela, L. Why is management research irrelevant / L. Koskela // *Construction management and economics*. — 2017. — Vol. 35, №1—2. — P. 4–23.

Pfeffer, J. Evidence-based management / J. Pfeffer, R. I. Sutton // *Harvard Business Review*. — 2006. — Vol. 84, №1. — P. 62–74.

Rosenberg, W. M. On the need for evidence-based medicine / W. M. Rosenberg, D. L. Sackett // *Journal of Public Health Medicine*. — 1995. — Vol. 17, №3. — P. 330–334.

Rousseau, D. M. Is there such a thing as “evidence-based management”? / D. M. Rousseau // *Academy of management review*. — 2006. — Vol. 32, № 2. P. 256–269.

Rynes, S. L. Across the great divide: Knowledge creation and transfer between practitioners and academics // S. L. Rynes, J. M. Bartunek, R. L. Daft // *Academy of management Journal*. — 2001. — Vol. 44, №2. — P. 340–355.

Szajewska, H. Evidence-Based Medicine and Clinical Research: Both Are Needed, Neither Is Perfect / H. Szajewska // *Annals of Nutrition & Metabolism*. — 2018. — Vol. 72, №3. — P. 13–23.

Best Published Paper Award // *Organization and Management Theory*. — URL: <https://omt.aom.org/awards/bestpubpaper-award> (reference date: 25.11.2022).

Kabeer, N. The human element — why randomised control trials need mixed methods approaches / N. Kabeer // *LSE Impact Blog*. — 10.06.2019. — URL: <https://blogs.lse.ac.uk/impactofsocialsciences/2019/06/10/the-human-element-why-randomised-control-trials-need-mixed-methods-approaches/> (reference date: 25.11.2022).

Human Resource Management Impact Awards // *Society for Industrial and Organizational Psychology*. — URL: <https://www.siop.org/Foundation/Awards/HRM-Impact-Award> (reference date: 25.11.2022).

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «ДОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД, КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗРЫВА МЕЖДУ ИССЛЕДОВАНИЯМИ И ПРАКТИКОЙ В СФЕРЕ МЕНЕДЖМЕНТА»

*Марианна Сачкова**

Представленная к рецензированию работа отвечает всем необходимым требованиям к эссе: структурирование текста (с выделением смысловых частей), присутствует постановка вопроса и формулируется общее заключение в конце, правильно оформлено цитирование, приводится список использованной литературы. Важным достоинством работы следует назвать ярко представленную авторскую позицию. Последовательно раскрывается основная мысль о том, что действительно доказательный подход может способствовать преодолению разобщенности между академической наукой и практикой менеджмента.

Автором хорошо показана актуальность данного подхода не только в сфере менеджмента, но и здравоохранения, образования и др. сфер, высвечена его насущная практическая значимость. Раскрыты особенности доказательного подхода, его научная база, прописаны этапы его применения в рамках различных направлений. Несомненным плюсом эссе является то, что в нем отражены как барьеры, затрудняющие применение концепции, так и факторы развития доказательного менеджмента.

К рекомендациям (так как это, скорее, выявление ограничения, а не недостатка работы) стоит отнести то, что эссе явно бы обогатилось, если бы автор привел конкретный иллюстративный пример использования доказательного подхода в отечественной или зарубежной практике, где было бы показано, как на основе специально спланированного научного исследования были выявлены определенные социально-психологические феномены, факторы, а потом полученные результаты были внедрены в организационный процесс, что повысило его эффективность.

Эссе написано грамотным языком, стиль выдержан по всему тексту, наблюдаются логические переходы между подразделами.

Данную работу можно рекомендовать к опубликованию.

* д. психол. наук, проф. каф. общей психологии РАНХиГС

НОАМ ХОМСКИЙ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИТИКИ

Михаил Белов*

mss2001019@universitas.ru

*меня могут пытаться, но не смогут убить
поэт состоит из букв, как алфавит
Кирилл Парамонов*

Введение

Ноам Хомский в своём революционном произведении «Синтаксические структуры» критикует математические модели объяснения языка, исходя из достаточно привычных интуиций понимания грамматики. В противовес этим моделям Хомский выстраивает собственную теорию грамматики, однако некоторые элементы критики математических моделей кажутся недоведёнными до конца — с Хомским где-то можно поспорить, а где-то расширить его аргументы. Данное эссе рассмотрит критику Хомского и попытается, некоторым образом, конечно, доводя до абсурда (хотя с позиции Хомского любая попытка математического объяснения языка кажется абсурдной) некоторые положения как математических подходов к языку, так и положений критики Хомского, понять, почему эти модели не работают. Этот заранее заявленный результат, как водится, может привести к обратному эффекту — построению консистентной модели, как это было, например, с геометрией Лобачевского.

Постановка проблемы

На страницах своей работы Хомский проводит несколько важных концептуальных различий:

* 3 курс, бакалавриат, Современная социальная теория. Работа написана на 2 курсе, дисциплина: Теория коммуникации: медиа и общество.

(1) грамматически правильные и грамматически неправильные высказывания, образующие совокупность наблюденных высказываний языка (Хомский 1962, 416). При этом грамматика проецирует последнюю на грамматически правильные высказывания, отражая поведение носителя языка (Хомский 1962, 418).

(2) возможные и невозможные высказывания. Это различие по сути утверждает диктат некоторой сформированной лингвистической теории и грамматики над различием грамматически правильного и грамматически неправильного. И хотя сам Хомский говорит о сглаживании границ и приближённости этого различия, которое само по себе является допущением (Хомский 1962, 420), таким образом он не берёт в учёт большое количество грамматически неправильных, но используемых в языке структур, предложений, фраз. Необходимо помнить, что задача современной лингвистики в первую очередь описательная (Амека et al. 2006, 3–4) — необходимо изучать аутентичный разнообразный язык, а не искусственный (Andrews 1993, 24–27). Любое предложение является предложением, даже грамматически неправильное. Таким образом, любое предложение — даже максимально грамматически неверное, является частью языка, согласно определению Хомского же, как «множества предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов» (Хомский 1962, 416). В то же время, далее по тексту Хомский доказывает тезис о том, что «английский язык не является языком с конечным числом состояний» (Хомский 1962, 425), что вызывает некоторое противоречие, если смотреть на эти тезисы без контекста. Необходимый контекст состоит в том, что это конечное число состояний должно быть, по мнению Хомского, всегда грамматически верно, и тогда, если некоторое предложение грамматически неверно, оно не является принадлежащим языку (Хомский 1962, 416). Но перестаёт ли грамматически неправильная последовательность лингвистических единиц быть предложением, ведь язык состоит именно из предложений? Конечно, для такого «фильтра» необходимы некоторые критерии, и о них пойдет речь чуть позже, однако пока что это противоречие в тексте напоминает парадокс настоящего шотландца (Flew 1966, 103–104): всякое предложение является предложением, однако если оно грамматически неверно, оно не является предложением [как частью языка].

Может ли язык быть конечным?

«За» и «против» тезиса Хомского есть несколько аргументов. С одной стороны, в языке можно сконструировать любое предложение, и грамматически неверное в том числе. Допустим, интересуемся языком, в котором грамматика отсутствует и любое сочетание лингвистических единиц является частью языка. Тогда, для того чтобы доказать, что язык обладает конечным числом состояний, необходимо доказать, что некоторое множество последовательных лингвистических единиц является конечным. Допустим, мы знаем конкретное число лингвистических единиц, которые могут быть частью предложения. Эти лингвистические единицы могут быть не только

словами, но и символами и иероглифами.¹ Работая с алфавитными и словесно-слоговыми языковыми системами, мы не рассматриваем в данном случае морфемы, но рассматриваем слова как части предложения, так как в известном смысле морфема не является частью предложения. В таком случае, число возможных предложений в языке описывается следующей формулой:

$$S_L = \sum_{i=1}^m n^i = \frac{n(n^m - 1)}{n - 1},$$

где m — количество лингвистических единиц в самом длинном предложении в языке;

i — длина каждого предложения от 1 до m ;

n — количество лингвистических единиц в языке;

S — предложение [sentence];

L — язык [language].

На самом деле, эта формула не совсем показывает конечность числа возможных конечных состояний, так как в ней присутствует не вполне ясный параметр m — длина самого длинного предложения, так как исходя из максимально возможной длины предложения мы суммируем все возможные комбинации слов в предложениях длины m и меньше. Если удастся установить максимальную длину предложения в языке, такой язык будет являться языком с конечным числом состояний. Такой оперант как конечность предложений — явление достаточно спорное. С одной стороны, есть вполне конкретные примеры наиболее длинных предложений в различных языках, и раз уж Хомский работает с английским языком и доказывает, что английский не является языком с конечным числом состояний (Хомский 1962, 425), то стоит отметить, что в английском языке самым длинным предложением можно считать роман «Ducks, Newburyport», состоящий из одного предложения с 426 100 словами. Таким образом, в синхроническом аспекте английский язык может быть описан и изучен как сумма всех возможных конечных состояний [предложений], имеющих максимальную длину 426 100 слов и состоящую из некоторого количества уникальных слов². Тем не менее, следующее за данным предложение по длине составляет 111 111 слов³, что исключает огромное количество предложений, которые никогда не были сказаны или написаны, и скорее всего никогда не будут. То есть для приблизительного подсчёта можно заложить некоторый запас количества подобных предложений, которые являются «выбросами», но даже так английский язык является языком с конечным числом состояний.

¹ В этом большая разница работы с алфавитными и идеографическими системами письма, что имеет значение для эмпирического применения изложенных положений, но на уровне абстракции и математизации мы исходим из того, что нам доступен конечный список наиболее первичных лингвистических единиц, которые можно пронумеровать, исключая создание новых единиц путем, например, слияния морфем в ту комбинацию, которая не предусмотрена списком.

² Зависит, конечно, от того, на какой словарь и какие подсчеты мы опираемся.

³ *THIS BOOK IS THE LONGEST SENTENCE EVER WRITTEN AND THEN PUBLISHED* by Dave Cowen.

Другая сторона использования этого параметра состоит в том, что гипотетически не существует лимита слов, который не может быть превышен при конструировании предложения.¹ По мнению Weisler & Milekic (2000), любое высказывание в рамках предложения может быть до бесконечности уточнено, или, например, последовательное отрицание также продуцирует бесконечное предложение; при этом, приводится контраргумент о том, что предложение, которое не может быть понятно или даже воспринято каким-либо носителем языка, не может считаться его частью (Weisler and Milekic 2000, 9). Это смахивает на ошибку Хомского, объявляющего некоторые предложения не-предложениями из-за некоторых независимо от статистического словоупотребления образовавшихся теоретических и грамматических правил, однако Weisler & Milekic (2000) скорее говорят о самой возможности восприятия, воспринимания, донесения предложения как единицы — они говорят о функционировании и существовании предложения как предложения, когда Хомский позволяет себе утверждать, что является предложением, а что — нет, уже после того, как они высказаны, о тех предложениях, о которых мы точно знаем, что они могут быть восприняты, и если не поняты, то услышаны.

Ars Grammatica

Приведённая выше формула по сути является показателем конечных состояний Марковского процесса в языке², описанного Клодом Шенноном через марковские цепи как процесс вероятностного выбора в следующем шаге конструирования предложения (Shannon 1948, 389–396). Эта модель критикуется Хомским за то, что она не может порождать только грамматически правильные предложения (Хомский 1962, 425). Однако мы видим, что можно получить множество возможных предложений, содержащих до m слов в английском языке с использованием n словарного запаса. Допустим, что существуют некоторые грамматические правила — что мешает применить их к предложениям, отсеяв то, что грамматически, в соответствии с некоторыми теоретически выработанными правилами, неверно, словно выполняя функцию учителя начальных классов?³

¹ Так или иначе, при работе с языком, даже если допустить, что количество возможных сконструированных предложений бесконечно, то есть если признать параметр максимальной длины предложения в языке равным бесконечности, то $S(L)$ будет счётной бесконечностью.

² Но без учёта грамматической правильности.

³ Пример-иллюстрация: пускай, мы читаем некоего несуществующего социолога Гудвина, который описывает конверс-аналитический кейс с человеком, который умеет говорить только 5 слов: {I; am; she; is; going}. Этот человек понимает английский язык и знает его, он является носителем английского языка, но в силу некоторых обстоятельств его словарный запас ограничен. Рассмотрим ситуацию, в которой нет никаких грамматических правил и можно составлять предложения любой длины. Наблюдаемый конструирует предложения — можно долго рассуждать об их длине, но смысловой предел достигается при использовании 6 слов. Или, допустим, например, что у него есть физическое ограничение и максимальная длина предложения, которое он может построить, составляет 6 слов. Тогда, по формуле, получается 19 530 возможных комбинаций. Так как наблюдаемый знает грамматику, он может произвести конечное число предложений, очевидно, в разы меньшее, чем 19 530. Мы как аналитики хотим отделить те предложения, которые могут быть сказаны, от тех, которые никогда не будут сказаны наблюдаемым. Естественно, допущение здесь состоит в том, что он не произносит — намеренно или по ошибке, грамматически неверных предложений. Как это сделать? (см. текст далее)

Пусть мы допускаем школьного учителя, или просто носителя языка до отделения в некотором множестве предложений грамматически верных предложений от грамматически неверных. Тогда, получается, что каждый является носителем этой грамматики с правом редактирования и формирования этих правил. Мы приходим к точке теоретической бифуркации:

(1) каждый является носителем грамматики, её редактором и автором, а грамматический аппарат един в каждый момент времени у всех носителей языка

(2) каждый обладает своей грамматикой и мнение школьного учителя или лингвистического эксперта не может диктовать, как надо или не надо говорить. Каждый носитель языка по отдельности не является грамматическим экспертом, который может говорить за всех носителей и за весь язык.

Версия (1) порождает хаос, либо приводит язык к максимально строгим непонятным системам, убивая диахронический аспект. В конечном итоге, на таком языке будет трудно говорить — он будет похож в своей строгости, беспринципности и математичности на, например, ифкуиль. К тому же, эмпирически можно предположить, что эта версия неверна, так как тогда такого явления как диалект не существовало бы.

Некоторая грамматика существует — это факт, который трудно отрицать, но кто определяет её — вопрос, на который достаточно трудно дать ответ, так как язык в первую очередь является практикой во вполне бурдьевистском смысле (Бурдьё, 2005). Мы не знаем точно, почему мы не можем сказать после “the man” слово “come” вместо “comes” (Хомский 1962, 423), но что нам мешает это сделать? Мы не держим в голове никаких грамматических схем — мы просто говорим, и поэтому язык — живой конструкт — структурированная структура со своими правилами, но всё ещё призванная работать как структурирующая структура, не сводимая к набору этих правил (Бурдьё 2001, 100–102). Мы не можем, следовательно, как это предлагает сделать Хомский, не брать в учёт при рассматривании и даже конструировании грамматики порядок статистического приближения (Хомский 1962, 421), и остаётся всё ещё непонятным, откуда и как формулируются некоторые формулы-команды, согласно которым строятся предложения (Хомский 1962, 434) — это серьёзный вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения.¹

Решением проблемы фильтрации могла бы быть некоторая нейросеть, построенная на принципах машинного обучения, которая отслеживает словоупотребление, грамматические структуры и их изменение, при этом исходя из некоторых заданных общих правил языка, которые, на самом деле, и так в этом языке проявляются. Такая нейросеть могла бы оценивать грамматическую

¹ Ещё один такой вопрос — это вопрос о том, что говорение на неродном языке не является практикой в том же смысле, как говорение на родном. Когда мы учимся говорить на иностранном языке, мы действительно имеем в голове правила конструирования предложений, грамматические структуры в эксплицитном виде

правильность не дихотомично, а по некоторым шкалам приближенности к грамматическим структурам — предписанным, употребляемым, etc.

Заключение

Итак, аргументы Хомского порой внутренне достаточно противоречивы, что, однако, не умаляет его тезисов. Однако, резкая критика Хомским математических моделей язык носит под собой не совсем легитимные основания прескриптивизма и игнорирует множество проявлений языка, которые Хомский осознанно вычеркивает, не давая даже шанса на то, чтобы быть рассмотренными, огромному количеству конечных состояний языка. Возможно, если исходить из более математической модели языка, в первую очередь допуская существование некоторых структур, предложений, изменится как взгляд на грамматику, так и сама грамматика; как восприятие языка во всех смыслах, так и понимание языка, сам язык. Математическим моделям как, возможно, даже очевидно неполноценным и интуитивно не принимаемым, стоит давать шанс, так как в силу своей жесткости и логичности, они могут помочь улучшить даже нематематические модели языка, а главное — могут приблизить исследователя к работе с языком как с практикой *per se*, не ставя грамматических или любых других ограничений в возможных проявлениях языка, так как эти ограничения должны быть отрефлексированы и объективированы с точки зрения их императивного и прескриптивного характера¹.

Грамматика — это не совокупность правил, а поле боя, на котором исследователи и разные модели, тонущие в грязи этого поля, пытаются понять, что происходит вокруг них, что происходит с ними, и что такое эта грамматика сама по себе.

Библиография

Бурдые, П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка / П. Бурдые // Отечественные записки. — 2005. — № 2. — с. 146–174.

Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые; пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. — С. 562.

Хомский, Н. Синтаксические структуры = Syntactic Structures / Н. Хомский // Новое в лингвистике. — М., 1962. — Вып. II. — С. 412–527.

Ameka, F. K. *Catching Language: The Standing Challenge of Grammar Writing*. / F. K. Ameka, A. C. Dench, N. Evans. — Paris: M. de Gruyter, 2006 — 662 p.

Andrews, L. *Language Exploration & Awareness: A Resource Book for Teachers*. / L. Andrews. — New York: Longman, 1993 — 204 p.

Flew, A. *God & Philosophy*. / A. Flew. — New York: Harcourt, Brace & World, 1966 — 208 p.

Shannon, C. E. *A mathematical theory of communication*. / C. E. Shannon // *The Bell System Technical Journal*. — 1948. — Vol. 27, № 3. — P. 379–423.

¹ Во вполне бурдыевистском смысле, должно произойти объективирование объективации.

Weisler, S. *Theory of Language*. / S. Weisler, S. P. Milekic. — Cambridge: MIT Press, 2000. — 344 p.

РЕЦЕНЗИЯ К ЭССЕ «НОАМ ХОМСКИЙ И МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ЯЗЫКА. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИТИКИ»

*Тестелец Яков Георгиевич**

Рецензируемое эссе написано живо, ярко и задорно, и, кажется, автор получил немалое удовольствие от его написания. К сожалению, трудно найти в этом тексте какие-то другие достоинства. Автор упоминает только одну работу Хомского 1957 г. в русском переводе 1962 и как будто не знает, что Хомский — донныне активно пишущий автор, причем почти все его работы по философии и теории языка изданы в переводе на русский язык, последняя — книга Хомского и Бервика, изданная в СПб в 2018 г. Текст эссе не показывает и признаков знакомства автора с идеями Хомского из каких-то других источников.

Непонятно, что значит, что «с позиции Хомского любая попытка математического объяснения языка кажется абсурдной». Если под математическим объяснением понимать исследование языка с помощью математических объяснительных моделей, как это делается в физике и других естественных науках, то позиция Хомского всегда состояла именно в том, что такое изучение возможно и необходимо.

Согласно Хомскому, грамматически неверные предложения не являются «частью языка» — ни в первой его теоретической модели 1957 г., с которой попытался ознакомиться автор, ни в последующих. Автор представляет цитату из русского перевода «множества предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов» как определение языка. Но эта цитата определением языка не является. Софизм No True Scotsman, который автор почему-то именуется «парадоксом», не имеет к этому отношения. Хомский сразу же разделяет объяснительную математическую модель и язык как объект исследования, причем их несовпадение, как неполное совпадение предсказаний теоретической модели и множества наблюдаемых фактов является свойством любой научной теории.

Пытаясь обсуждать «конечность» языка, автор, по-видимому, не читал ничего по проблеме рекурсии (см. хоть упомянутую выше монографию Бервика и Хомского, не говоря уже обо всей огромной литературе вопроса).

* Доктор филол. наук, директор Института лингвистики РГГУ, профессор УНЦ лингвистической типологии Института лингвистики РГГУ

Бессмысленно идти дальше по тексту и показывать почти на каждом предложении, что автор не владеет темой.

СВОБОДНОЕ ПИСЬМО

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В СЕРИАЛЕ «ГАННИБАЛ»

*Екатерина Киселева**
mss2102044@universitas.ru

Введение

«Ганнибал» (2013–2015) — это американский сериал, снятый по мотивам романов Томаса Харриса. Сюжет сериала сосредоточен на взаимодействии Ганнибала Лектора (Чесапикского Потрошителя), серийного убийцы и психиатра, со специальным агентом ФБР Уиллом Грэмом. В начале кинокартины Уилл читает лекции в Академии ФБР. Грэм обладает уникальным «даром» - у него яркое воображение (эмпатия), помогающее ему понимать преступников. Когда к Грэму приходит Джек Кроуфорд, начальник отдела поведенческих наук, его спокойная жизнь прекращается — мужчина возвращается к работе в «поле». Уиллу требуется помощь в составлении психологического профиля Потрошителя, Джек обращается к Ганнибалу, который некогда консультировал ФБР. Лектор охотно соглашается оказать эту услугу. Он также становится неофициальным психиатром Грэма. Тем временем Уилл продолжает охотиться на Чесапикского Потрошителя. Он не подозревает, что тот, кого он ищет, и есть Ганнибал. Таким образом завязываются их непростые отношения, которые на протяжении трех сезонов колеблются от ненависти до дружбы и любви.

Брайан Фуллер, сценарист сериала, в своем творении прибегает к использованию мифологических образов, в частности, древнегреческих и индийских. С какой целью сценарист проводит параллель между героями сериала и мифологическими персонажами? Как картина преобразуется с помощью этих мифологических образов? Данным вопросам посвящена моя исследовательская работа. Гипотеза: мифологические образы в сериале «Ганнибал» незаменимы, так как Фуллер, проводя параллель между героями сериала и мифологическими персонажами, объясняет поступки первых. Кроме того, с помощью образов он раскрывает характеры Уилла и Ганнибала, обозначает динамику и природу их отношений, мотивы и внутренний мир.

* 2 курс, бакалавриат, *Современные медиа*. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Язык и культура.

Далее будут представлены моменты из сериала, которые подтвердят незаменимость использования мифологических образов для понимания вселенной «Ганнибала».

Основная часть

№1. Шива.

В индуизме используется понятие **тримурти**, согласно которому Всевышний проявляется в трех формах: Вишну, Брахма, Шива. По одной из версий Брахма, как вторичный Творец вселенной, создает материальные тела. Вишну обеспечивает существование вселенной, а Шива ее разрушает, когда приходит время (Королев 2006, 414). **Шива** — это индуистское божество, созидатель и разрушитель одновременно. У него больше 1000 имен. Согласно легенде, пять пророков явились из пяти лингамов Шивы (символ божественной производящей силы) и открыли людям основы тантрического учения - Лингайята (Королев 2006, 386–387). По мифу, у Шивы был третий глаз, который появился тогда, когда его супруга Парвати игриво прикрыла ему два других. В ту же секунду мир лишился тепла и света, лишь открывшийся глаз спас вселенную от гибели (Королев 2006, 145–147). Шива управлял миром посредством танца тандавы, ритм которого отображал движение целой вселенной. Божество в разное время изображали с двумя, четырьмя, шестью и восемью руками (Королев 2006, 415).

Ганнибал нередко упоминал Шиву. В серии «Ko No Mono» он сказал Уиллу: «Знаешь, иногда я специально бросаю чашку на пол, чтобы она разбилась. Я недоволен, когда она не собирается по кусочкам обратно». Он действовал как разрушитель и созидатель одновременно. Если предположить, что под метафорой чашки Лектор подразумевал акт убийства, то фуллеровское соотношение мужчины с Шивой становится логичным: отнять жизнь — значит ее разрушить, а воссоздать «картину» из останков жертвы, приготовить из них блюдо — значит созидать. Как я уже сказала, Лектор то отнимает жизнь, то возвращает ее. Так, в серии «Takiawase» он решает, стоит ли остаться в живых его пациентке, подкинув монетку (жребий — Божий суд).

В серии «Naka-Choko» Ганнибал беседовал с Уиллом. Они обсуждали смерть Эбигейл, которую вдвоем сильно любили. Мужчины называли девочку своей дочерью, но Ганнибал отнял у нее жизнь. По крайней мере, так думал Уилл. Лектор намекнул Грэму, что может ее вернуть.

Ганнибал: «Уилл, если бы время обернулось вспять, а чашка собралась обратно, Эбигейл бы нашлось место в нашем мире».

Уилл: «Это невозможно».

Ганнибал: «Бог не ведает меры в распутных злодействах, а ирония его бесподобна».

После этих слов мужчины перевели взгляд к окну, а мы увидели Шиву (см. приложение 1). Это сравнение Ганнибала с божеством наделяет Лектора набором

определённых качеств. Он всемогущ, жесток и одновременно добр. Он разрушает и созидает. Лектор определенно не считает себя обычным человеком.

В серии «Ко по Моно» Уилл пытался обхитрить Ганнибала. Будучи в сговоре с ФБР, Грэм подстроил убийство журналистки, чтобы Лектор ему доверился. Вместо ее тела мужчина продемонстрировал поджаренный труп неизвестной женщины, который он ранее позаимствовал в морге. В это время сама журналистка (целая и невредимая) находилась далеко за городом. Ганнибал «попался на крючок». Он поверил в то, что Уилл — преступник. Лектор выкопал труп женщины и соорудил из него статую Шивы для Грэма (см. приложение 2).

Алана: «Этот психопат возвращал фантазии об убийстве, возводя свой образ, или кто-то возводил его».

Уилл: «У него есть покровитель, восхищающийся его разрушениями».

Джек: «И зачем же это делать покровителю?»

Алана: «Это ухаживание».

Мы понимаем, Ганнибал признает в Уилле себе подобного. Лектор — его покровитель, он возводит статую Шивы, чтобы показать Грэму, как сильно его ценит и обожествляет. Таким образом мужчина демонстрирует Уиллу свою привязанность. Ганнибал говорит, что отныне они равны.

№2. Ахиллес и Патрокл, Троя.

В серии «Tomewan» Уилл и Ганнибал находились в доме последнего. Лектор сидел за столом и воссоздавал картину Н.Ге «Ахиллес оплакивает Патрокла» (см. приложение 4). На месте Ахилла и Патрокла Ганнибал изобразил себя с Уиллом (см. приложение 3).

Ганнибал: «Ахиллес, оплакивающий смерть Патрокла. Когда бы его не упоминали в «Илиаде», Патрокла, похоже, определяла его эмпатия».

Уилл: «Он стал Ахиллом на поле боя и умер там за него, облаченный в его доспехи».

Ганнибал: «Верно. Сокрытие и обнаружение личности - тема, присутствующая во всех греческих эпосах».

Уилл: «Так же, как и дружба, проверенная в бою».

Ганнибал: «Ахилл хотел, чтобы все греки умерли, дабы они с Патроком могли завоевать трюю одни. Для их сокрушения потребовалось божественное вмешательство».

Уилл: «Это не разумно. Нас поймают».

Сценарист проводит параллель между Патроком и Уиллом, указывая на способность Грэма понимать других людей, становиться ими. Ахилла же он сравнивает с Ганнибалом, который предлагал Уиллу пойти вдвоем против всего мира. Он планировал сбежать с Грэмом из Балтимора и оставить ФБР. Кроме того, данная параллель многое говорит о характере отношений героев сериала. Как и в «Илиаде», где Гомер не конкретизирует природу связей главных героев, Фуллер решает не ограничивать Уилла и Ганнибала определенными рамками. Он подчеркивает

сам факт их сильной привязанности друг к другу, оставляя право интерпретировать характер отношений героев за зрителями. Стоит вспомнить о чувствах, которые испытал Ахилл при смерти Патрокла. Они послужили стимулом к возвращению мужчины в бой: ранее «обиженный соотечественниками, Ахилл отказывался сражаться против троянцев, но, не задумываясь, кинулся в бой, чтобы отомстить за смерть Патрокла» (Кон 2006, 141). Ганнибал в сериале вел себя подобным образом: он неоднократно умерщвлял тех, кто причинял боль Уиллу. По словам антиковеда Грегори Нэдджи, «что касается Ахилла... в его растущей привязанности, которая драматически описывается на протяжении всей сюжетной линии Илиады, центральное место должно всегда принадлежать Патроклу... Вне всякого сомнения, Патрокл был для Ахилла самым близким (любимым), товарищем по оружию» (Баруткин 2014, 1–2). В «Одиссее» Гомера прах Ахилла похоронили в одной урне с прахом Патрокла, а их тени были неразлучны в Аиде.

В серии «Shiizakana» Ганнибал перевязывал руку Уилла после убийства Рэндалла Тира (см. приложение 6,7). Их схватка (Рендалла и Уилла) была эпичной и долгой. Этот момент напоминает тондо краснофигурного килика (см. приложение 5): Ахилл после боя перевязывает руку раненного в плечо Патрокла.

На протяжении двух сезонов в сериале на заднем плане с Ганнибалом (см. приложение 8) появляется лошадь — это копия древней скульптуры, найденной на севере Индии (см. приложение 9).¹ Трактовать наличие скульптуры можно по-разному: я склоняюсь к тому, что Фуллер намекал на природу Ганнибала. Он троянский конь в ФБР. Согласно мифу, троянцы ввели в крепость коня, а сами, утомленные играми и вином, заснули, ахейцы же вышли из коня, открытого Синомом, убили стражу, впустили своих и захватили Троя (Кун 2010, 292–294). Троянский конь (символ обмана и нечестной игры) указывает на коварство Лектора, на его первоначальную цель присутствия в ФБР.

№3. Асклепий.

Вспомним слова Сократа из диалога Платона «Федон»: «Критон, мы должны Асклепию петуха». Смысл фразы до сих пор не разгадан, существует много трактовок и предположений по этому поводу.

Стоит обратиться к древнегреческой мифологии. Асклепий (Эскулап) — сын Аполлона, бог врачей и врачебного искусства. Его воспитывал Хирон. Асклепий не только исцелял болезни, но и возвращал к жизни мертвых (Кун 2010, 26–27). Так, жертвоприношение Петуха богу врачебного искусства означало выздоровление. В случае с Сократом, предположительно, освобождение души от телесных оков.

В серии «Takiawase» к Ганнибалу приходит наглотававшаяся таблеток пациентка с целью умереть в его кабинете, а не у себя дома. Лектор достает французскую монету «Петух» (см. приложение 10) и подбрасывает ее, чтобы решить, достойна ли Белла

¹ CHUNAR HORSE, SCULPTURE (MW0A) URL: https://www.mnlighting.com/chunar-horse-sculpture/sku-MW0A?_cf_chl_jschl_tk_=nRQz6g5rhYsfYSYBV7de6KMNrDGWPdg3dkrZqX1BYMc-1638721178-0-gaNvcGzNB70.

спасения или нет (см. приложение 11). Когда Ганнибалу выпадает Марианна, а не петух, он откачивает пациентку, возвращая ее к жизни. Так, птица символизирует жертвоприношение, которое на этот раз не было совершено. Параллель между Асклепием и Ганнибалом снова наделяет Лектора сверхсилой. Он решает, кому жить, а кому умереть (как бог).

№4. Фемида.

В серии «Hassun» Ганнибал убил судью, который не одобрил освобождение Уилла Грэма из тюрьмы. Лектор водрузил его мозг и сердце на чаши весов (см. приложение 12). Ганнибал: «Правосудие не только слепо, оно еще безмозгло и бессердечно». Стоит сказать, что Уилл действительно не был виновен в череде убийств, за которые отбывал наказание. Его подставили.

Фемида в древнегреческой мифологии — богиня правосудия. Ее изображают с повязкой на глазах (символизирует беспристрастие), с мечом в руке (ранее был рог, но у римлян получил распространение меч — символ воздаяния) и весами в руках (символ меры и справедливости) (Кун 2010, 10). Фемида взвешивает поступки людей, совершенные ими при жизни. Посмертная судьба человека зависит от того, какая чаша перевесит. Так, изобразив судью в роли Фемиды, Ганнибал его высмеял. Кроме того, он дал ему возможность побыть справедливым хотя бы после смерти.

№5. Сандро Боттичелли.

В серии «Primavera» Ганнибал и Уилл впервые встречаются после долгой разлуки друг с другом. Они находятся во Флоренции, в галерее Уффици. Ганнибал сидит на скамье перед картиной Сандро Боттичелли «Весна» (см. приложение 14) и рисует. Нимфу Хлорис Лектор изображает с лицом Беделии, а Зефира — с лицом Уилла (см. приложение 13). Зефир в древнегреческой мифологии - бог западного ветра (Кун 2010, 588). Используя этот мифологический образ, Фуллер говорит о том, что Уилл преследует Ганнибала. В третьем сезоне Грэм колесит по всей Европе, пытаясь найти сбежавшего Лектора. Он настаивающий, не дающий покоя и передышки ветер. Нимфа Холрида (Беделия) — находящаяся в бегах с Ганнибалом вынужденная спутница.

В серии «The Wrath of the Lamb» Уилл находит Беделию. У них завязывается диалог. Беделия: «Каждый из нас пробирается через Ад. Пилигримы Данте». Уилл с Ганнибалом также не смогли его избежать.

Сериал заканчивается тем, что мужчины вместе убивают Френсиса Долархайда, серийного убийцу. Они, раненые и уставшие, стоят на краю обрыва.

Ганнибал: «Видишь? Это все, чего я когда-либо хотел для тебя, Уилл. Для нас обоих».

Уилл: «Это прекрасно».

Грэм обнимает Лектора за шею и сталкивает их обоих с обрыва (см. приложение 15). Лектор не сопротивляется.

Обратимся к «Божественной комедии» Данте. Сандро Боттичелли в своем произведении «Карта Ада» (см. приложение 16) детально изобразил путь, который

проделали Данте с Вергилием в подземном мире. Перед нами - девять кругов Ада. Если сравнить обрыв и картину Боттичелли, можно сделать вывод: прыжок убийц символизирует спуск в Ад. Ганнибал и Уилл не останутся безнаказанными. Они поплатятся за свои грехи в подземном царстве.

Выводы

Использование мифологических образов в сериале «Ганнибал» играет ключевую роль в раскрытии характеров персонажей. Сравнение Ганнибала с Шивой и Асклепием указывает на отношение Лектора к человеческому роду (он ставит себя выше других). Оно наделяет Ганнибала определенной силой, объясняет те или иные поступки мужчины: Лектор решает, кто достоин жизни, а кто нет; он в течение 40 лет удачно скрывается от ФБР; он созидатель и разрушитель; практически безэмоционален и так далее. Так, Фуллер намекает на «божественную природу» Ганнибала — он необычный человек, поэтому ведет себя иным образом. Сравнение Уилла с Зефиром определяет мужчину как преследователя — он всегда будет гнаться за Ганнибалом, куда бы тот ни отправился.

Благодаря параллели с Ахиллом и Патроком мы можем обозначить природу отношений Уилла и Ганнибала; понять, насколько сильно они зависели друг от друга.

Использование древнегреческих и индийских божеств намекает на концепцию добра и зла, которой придерживался Ганнибал. Для него «добро и зло не имели никакого отношения к богу». То есть божество не являлось олицетворением добра.

Кроме того, мифологические образы в сериале намекают на исход некоторых событий. Так, например, троянский конь в кабинете Лектора указывал на коварство Ганнибала и грядущее предательство ФБР. А падение Уилла и Ганнибала с обрыва символизировало спуск в Ад. Они пилигримы, их ждет наказание. Сравнение судьбы с Фемидой указывало на посмертную судьбу человека; на тот факт, что справедливость все равно восторжествовала бы.

Таким образом, мифологические образы необходимы для понимания вселенной «Ганнибала». Их значение для сериала крайне велико.

Библиография

Ганнибал: сериал по мотивам серии романов Томаса Харриса / автор сценария: Б. Фуллер; производство: «Dino De Laurentiis Company», «Living Dead Guy Productions», «Gaumont International Television». — США, 2013–2015.

Баруткин, Д.Н. Эволюция представлений о воинских союзах в системе общественного развития Древней Греции (Ахилл и Патрокл в «Илиаде» Гомера) / Баруткин Д.Н. // *Via in tempore. История. Политология.* — 2014. — №30. — С. 1–2.

Кон, И.С. Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви / И. С. Кон. — Москва: АСТ, 2006. — 141 с.

Королев, К. М. Индийская мифология: энциклопедия / К. М. Королев. — Москва: Эксмо, 2006.

Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. — Москва: Вече, 2010.

CHUNAR HORSE, SCULPTURE (MW0A) URL:
https://www.mnlighting.com/chunar-horse-sculpture/sku-MW0A?_cf_chl_jschl_tk_=nRQz6g5rhYsfYSYBV7de6KMNrDGWPdg3dkrZqX1BYMc-1638721178-0-gaNycGzNB70.

Приложение 1.

Эпизод из сериала «Ганнибал». Явление Шивы.

Приложение 2.

Эпизод из сериала «Ганнибал». Статуя Шивы из трупа женщины.

Приложение 3.

**Эпизод из сериала «Ганнибал». набросок Ганнибала:
Патрокл и Ахиллес.**

Приложение 4.

Картина Н.Ге «Ахиллес оплакивает Патрокла» (1855 г.).

Приложение 5.

**Тондо краснофигурного килика
«Ахилл перевязывает руку Патрокла»**

Приложение 6.

Эпизод из сериала «Ганнибал». Ганнибал перевязывает руку Уилла.

Приложение 7.

Эпизод из сериала «Ганнибал». Ганнибал перевязывает руку Уилла.

Приложение 8.

Эпизод из сериала «Ганнибал». Троянский конь и Ганнибал.

Приложение 9.

Троянский конь, копия древней скульптур

Приложение 10.**Французская монета «Петух»****Приложение 11.****Эпизод из сериала «Ганнибал». Ганнибал подбрасывает монету «Петух».**

Приложение 12.

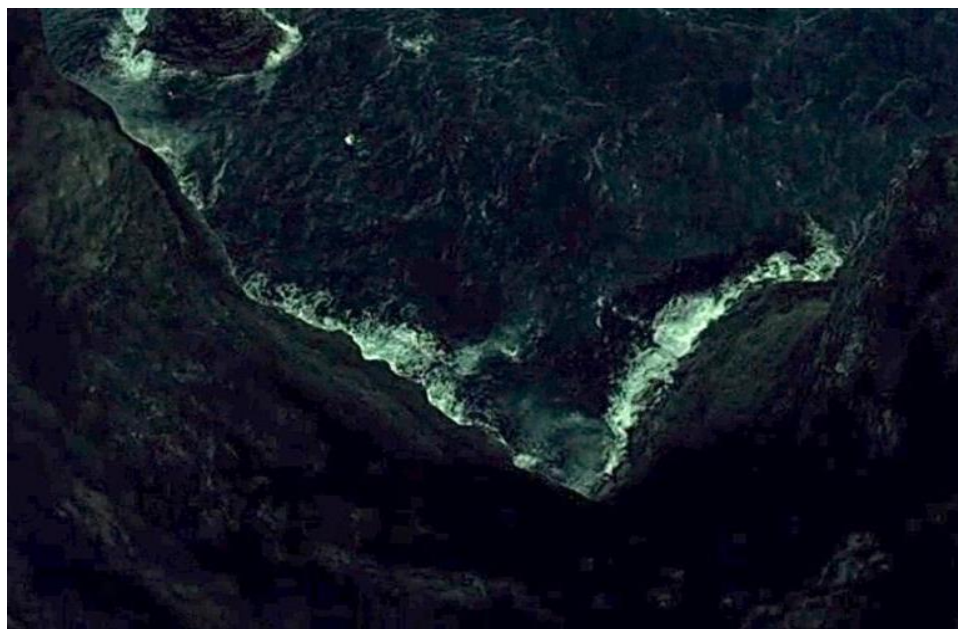

Эпизод из сериала «Ганнибал». Судья в позе Фемиды.

Приложение 13.

Эпизод из сериала «Ганнибал». набросок Ганнибала: Зефир с лицом Уилла, Хлорис с лицом Беделии.

Приложение 14.**Картина Сандро Боттичелли «Весна» (1482 г.).****Приложение 15.****Эпизод из сериала «Ганнибал». Обрыв.**

Приложение 16.**Картина Сандро Боттичелли «Карта Ада» (15 век).**

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В ГОСУДАРСТВЕ

*Артём Касай
 Виктория Гейн
 Дарья Морозова
 Софья Рогова
 Дарья Брушлинская**

mss2200095@universitas.ru

Последний день в государстве Платона: Аристипп | Артём Касай

Да, народ, смотрите на меня! Послушайте, если вы на то способны! Прошел ровно год с тех пор, как они забрали моего единственного сына. С тех пор не было ни дня, чтобы я не горевал по нему и не рыдал! Ах, мой Диомид, я прививал ему чувство справедливости, любовь к учению и труду, и вот чем это обернулось! Несчастьем! Наихудшим, что могло произойти!

Как я и говорил, это случилось год назад: по какому-то неведомому капризу богов, правитель забрел в наш район, когда мы с Диомидом продавали на рынке свои яблоки. Они приглянулись Гектору, и он взял одно с прилавка. Я, конечно, лишь почтено опустил голову, но мой сын решил пресечь такую несправедливость. Он возмутился и требовал вернуть яблоко, будь оно проклято, не понимая, почему я прошу его остановиться. Гектор схватил Диоида за руку, и я стал молиться всем богам, чтобы он пощадил моего сына, но такую кару я не мог и представить: правитель узрел его справедливость и заявил, что чувствует в крови моего сына примесь серебра, а то и золота, и заберет его к стражам на обучение. Никакого выбора ни у меня, ни у Диоида не было.

Наши правители, наши «спасители» и «помощники» вечно говорят про справедливость, так разве это справедливость? Что справедливого в вечном

* 1 курс, бакалавриат, Философия. Политика. Экономика, Современный медиатекст. Работа написана на 1 курсе, дисциплина: Текст. Анализ. Интерпретация.

страдании, разлуке, лжи? Ах, почему я не объяснил Диомиду раньше, что это ложь, что никакой примеси в крови нет, что мы все по природе равны! Эх, бабушка, как смотришь на меня теперь ты из царства Аида, ведь бросил ты власть и почет, чтобы жить свободно, с чистой совестью и в гармонии с природой, возделывая землю и продавая ее плоды. Отдал ты за это и жизнь, когда был пойман. Ох, не допустил бы ты, чтобы в нашем роду снова появились такие тираны-«спасители». Но надеюсь, простишь ты меня, клянусь Зевсом, я этого не хотел. Я старался воспитать сына так же, как меня воспитывал отец, а его ты. Обучал я его наукам и знаниям, которые уже забылись в нашем государстве, ведь признаны они были вредными. Прививал понемногу я ему любовь к настоящей философии, а не к той издевке, которую так кличут теперь. Но я не справился. Напрасно я был назван в твою честь. Прости меня за это.

Мне удалось взглянуть на него лишь один раз, но в его взгляде я уже не видел своего сына, он был холодным, чужим и... снисходительным. Я этого уже не прощу ни себе, ни нашим правителям, нашему государству. Что это за государство, если заботится оно лишь о собственном существовании? Когда вам говорят, что благобно оно для всех вам лгут! Лгут! И как вы этого не видите? Когда же спадет эта пелена? Оно благобно лишь для самого себя. Ни один человек в нем не счастлив. Вы живете в страхе и презрении, а стражи... Им вовсе не лучше, чем собакам. Весь их ум проявляется в согласии с нормами, вся их свобода — свобода выполнять команды. И даже самозванные философы-спасители несчастны: вопреки остаткам рассудка приходится им убеждать себя, что действуют они во благо, что они не тираны и поработители собственного народа, а кормчие и освободители. И даже у них нет истинной свободы. Они правят лишь в строгих рамках, а того, кто решит отклониться от них и царствовать согласно собственному разуму, объявят спятившим. Как можно назвать такое государство, если не пыточной? Только палач в ней плохо справился со своей работой и погубил меня раньше времени. Раскройте же глаза!

Последний день в государстве Платона: Диомид | Дарья Морозова

Был ранний вечер, я, как обычно, занимался гимнастикой, когда услышал громкий звук с улицы. Не раздумывая, я побежал туда, откуда он доносился, не до конца разобрав, откуда именно он, и что значит. Чуть позже я понял, что зовут стражников, а, значит, и меня, поэтому побежал еще быстрее. Казарма быстро стала наполняться людьми — сбежались все: взрослые стражники, ученики. Когда собралось столько народу, что яблоку негде было упасть, вышел наставник и рассказал, что произошло, и почему нас зовут. Из его уст мы узнали, что на площади восстание: какому-то старику взбрело ругать Государство, спасителей. Большинство стражников защищали Платонис на войне, которую развязали наши недруги, и мы остались чуть ли ни одни в городе, именно поэтому охранять его

нужно было нам. Я и небольшая группа стражников бросились по приказу Старшего к дому Спасителя — самого Гектора. Мы бежали навстречу опасности, но будто бы страха в нас не было.

Выбежав на площадь, мы увидели разъяренную и буйствующую толпу. Она растерзала моих братьев, но мне удалось прорваться. Пока я бежал, все события последнего года мелькали перед глазами. Я вспоминал, как Гектор оценил меня, как не хотел отец отдавать меня к стражам, как попал к ним. Эх, тогда он даже не догадывался, что это лучше всего для меня! О боги, как же я благодарен тому дню, когда Гектор подошел к прилавку моего отца. После того дня моя жизнь изменилась, я прозрел, как бы вышел из темноты пещеры и теперь ясно вижу мир, понимаю, как он устроен, и что нужно сделать, чтобы сохранить наше идеальное Государство. После этого вспомнил я о своих мусических и гимнастических упражнениях, как нравятся они мне, как каждый день я жду занятий, как эту любовь к ним привили мне наставники. Именно эти упражнения по-настоящему обогащают душу, создают действительно мудрых людей, заботящихся о Государстве, гражданах и оберегающих их. Мысли роились в моей голове, что я даже не заметил, как вбежал во двор Гектора и бросился к нему.

Гектор стоял посередине комнаты, он явно ждал меня. За этот год Гектор стал мне отцом, я уважал его, ценил и был действительно предан. Встретив меня, он начал разговор, его речь будто была спланирована: он знал, что скажет мне в каждую минуту. При этом Гектор был спокоен и решителен, единственное, о чем я подумал тогда, было: “Клянусь Зевсом, это и есть истина!” — я верил каждому его слову, как своему собственному. После этих слов, решительность наполнила меня, я был готов стоять до последнего, защищая свое Государство.

Гектор не закончил еще говорить, когда я опять услышал грохот. В этот раз это не был звук из казармы, это были вопли обезумевшей толпы во дворе философа. Они также быстро, как и я, ворвались к нему, только вот причины и цели у нас были разные. Я видел, как они забежали в дом, слышал крики людей, рёв восставших. Страх не было: после речи моего учителя я был полон решимости, я даже и рад был защитить свой дом и Гектора, который олицетворял его. После того, как восставшие вбежали в комнату, моим естественным желанием было броситься вперед и спасти Гектора, убив предателей! Я ринулся в бой, но от удара восставшего у меня зазвенело в ушах, отдаленно я услышал лишь скрежет оружия, крики, но потом громко и четко: глухой стон, удар тела о пол. Я оглянулся: Гектор уже не дышал. Мне не удалось его спасти. Хорошо, что мне тоже осталось недолго.

Последний день в государстве Платона: Гектор | Виктория Гейн

— День близится к концу, сын мой. И ты так молод, лишь в начале своего пути, ребёнок с золотом в жилах, твой путь к вознесению уж начат и выложен самым

редким из камней. Чувствую я, величие дней наших близко и ты, отважный воин, каких ещё поискать, сможешь устремиться к нему, подобно мотылёк к яркому огню факела истины. Каждый день своего благонаправленного правления, я вершил лишь справедливость, я охранял истинный порядок вещей, который был нам предписан силой высшей! И тебе, тебе, юнец, человечность сохранить не составит великого труда, дабы открыть охлос глаза и провести этот люд несведущий к свету. Как я однажды спас тебя и подарил тебе подлинное зрение, так и тебе судьбой предназначено было быть проводником, продолжать моё дело. Однако закат близок, народ оказался слишком падок на обман и ложь, яблоко раздора надкусив, и остановиться эта стихия уже не сможет и никто уже не будет в состоянии сдержать гнев народа. Людская порочность вновь взяла верх над человечностью... Но ты ведь не такой, мой дорогой сын! Ты — венец творений божественных, единственный, кто может пролить свет на наш полис, на наших людей. О, безнадежно потерянный народ! Только ты, слушай мои слова и внемли истине моей! Этот мир обречён! Как? Как те люди, которым я так самоотверженно служил, могли так легко забыть их существо? Всё! Всё, что мы делали, мы делали ради их же блага, мы растили их в теплице чистых мифов, мы давали им проторенную тропинку, мы давали им гармонию, бесконечное счастье! И вот, что мы получаем в ответ... Жалко...

Смерть от рук кормильцев, низкая смерть. Не таким я видел конец государства справедливого, государства идеального. Пусть хоть мой прах служит напоминанием о страшной судьбе самого прекрасного общества на всём белом свете.

Последний день в государстве Платона: Пахомий | Софья Рогова

Мое имя Пахомий. Большую часть жизни я искал истину, стремился познать сущность бытия. Я был философом, пока не разочаровался во власти и та самая истина не стала для меня ложью. Идеальное государство оказалось вовсе не таким, как его описывали и хотели видеть. Я пытался открыть глаза соратникам, но мои попытки обернулись крушением моей власти и репутации. С позором для всех остальных, но не для меня, я был изгнан в низшие классы.

Все мое тело побелело, покрылось трещинами. Глина иссушила мою кожу, слепила волосы в клок, стала моим единственным собеседником. Меня считают городским безумцем и пьянчугой, иль таким я и являюсь? А неважно. Глина. Она проминается и протекает между моих пальцев, подчиняется мне. Я вернул себе потерянную власть. Глина. Глина. Я леплю каждый день на городской площади до темноты. Я вижу и слышу все то, что когда-то пытался доказать. Но теперь это все не имеет значения, ведь я нашел глину.

День за днем, олимпиада за олимпиадой, горшок за горшком. 10 день растущей луны, Антестерион. Я снова творю, я снова измазан. Опустошается очередной сосуд с вином. Однако в этот день все не так, как в прошлые 9... как во все прошлые дни.

На город опустился невиданный ранее хаос: крики, огонь, злость. Из-за этих бешеных псов моя душа, мой горшок превратился в лепешку. Меня наполнил гнев. Я был готов разорвать этих животных на части. Я видел, как гниль, которую так долго прятали под маской «идеальности» вылезла наружу: полная доброта, к которой все стремились, — испарилась, пользуясь шансом, нищие воровали яблоки, обожаемая власть стала ненавистной. Спустя мгновение мои ладони разжались: я понял, что они наконец осознали. Осознали все то, что я говорил четыре Олимпиады назад. На моем лице появилась улыбка. Уже темнело, но я сел на свое место и начал лепить самый красивый горшок в моей жизни. Я запоминал каждую деталь, каждое слово, пока мои руки придавали массе изящные формы моей души. Яростные выкрики, раздражающий сердца вой гончих, звон металла и плач детей отзывались в моих ушах прекрасной музыкой, которую так упорно я постигал в своем прошлом. Гектор загипнотизировал гадкой ложью люд на долгие луны, но, наконец, истинная справедливость совершила правосудие. Клянусь Зевсом, что он поплатится за деяния свои, пока мое творение достигнет совершенства. Мои движения заменяли слова, глина была послушнее обычного, она достигла полной гармонии. Люди вышли из пещеры, яркий свет их ослепил, приносил боль и страдания, но они хотели лучшей жизни. Аристипп, тот славный земледelec с ясной головой, достоин отдельного горшка за отданную жизнь. И я делаю его сейчас. Моя душа благодарит его, а глина повествует люду. Пусть все услышат, пусть все увидят ту боль, те страдания и жертвы. Пройдет немало лун, а может даже и Олимпиад, когда наш мир придет к балансу. Прольется много крови перед тем, как Солнца свет откроет истину для всех. Гектор, хюбрис во плоти. И все те, кто потакал ему, были так слепы, что сами оказались лицом к стене пещеры под натиском юнцов с грудным молоком на губах. Борьба между толпой и силой... глина... как же вылепить мне это? Мои руки жаждут высказать такое множество вестей и чувств, но кусок так мал.... О глина, как же вылепить мне это? Я поднял глаза на яростные крики. Пронзила Гектора толпа копьем, бежали стражи впопыхах. Потеряли они главу и голову свою. И тут повисла тишина: колесница с телом кружила по окровавленным дорогам. И пальцы делают последний штрих — готов горшок... готова ваза памяти моей.

Прошла еще одна олимпиада. Я все еще леплю, я все еще при власти. Но власть моя в другом уж мире, в другом неведомом мне царстве. Лишь ваза души моей относит в прошлое. 4 день падающей луны, Метагейтнийон. Я чувствую, как пустеет моя голова, почти все сказано. 4 день... со мной заговорил незнакомый мне мужчина...

Последний день в государстве Платона: Поэт | Дарья Брушлинская

Столько лет мне приходилось себя сдерживать и вот, наконец, настал день праведного суда над теми, кто возомнил себя выше богов.

Трагедия “Аристипп”, заметки

Действующие лица:

Аристипп, земледелец
 Диомид, его сын, страж
 Гектор, правитель-философ
 Гестия, богиня семейного очага
 Хор восставшей толпы

*Действие происходит на возвышенности города Платонис.
 Аристипп стоит на краю скалы с мечом в руках.
 Внизу собирается толпа.*

ПРОЛОГ

Аристипп

Уж год прошел с трагедии моей
 Когда из рук и из души с корнями
 Жестоко вырвали кровь от моей крови
 За то, что слишком верным оказался
 Он принципам своим.

Забрали сына со словами,
 Что стражем он обязан был родиться.
 Сказали мне, что это - справедливость,
 Что должен я без горя, сожалений,
 Но с радостью отдать на благо государства
 Свою родную кровь.

И каждый день себя я проклинаяю
 За то, что отступился и смирился
 В тот день, когда мне надо было
 Все мужество свое в кулак собрать
 И защитить дитя.
 Прости меня, о, Гестия, прости,
 Богиня очага семейного, что так

Безропотно я предал все, чему учила! О, боги,
разве я достоин жизни? Нет, Не вынести мне
больше ни горя, ни вины. Я жизнь свою
уж лучше принесу тебе
Как жертву, чтобы душа единственного сына моего
Спаслась.

Аристипп ранит себя в живот мечом.

Хор

Не уж то ль ты винишь себя за то,
Что не посмел философу, правителю святому
Возразить. Ведь за одно сомненье
В его идеях, действиях тебя и сына
Могли б в темницу посадить без промедленья
И только плакальщицы вспомнили б о вас.

Аристипп

Вы правы, о друзья мои, как слеп был я Раз всю
вину я на себя взвалил,
Когда разлучники воистину виновны.
Так отомстите ж вы, не только за меня,
Но и за всех отцов, что сыновей своих Отдать
должны были, не говоря ни слова.

Аристипп падает со скалы.

ЭПИСОДИЙ 1

Хор

О боги, олимпийцы, услышьте вы наш плач Нам
помогите свергнуть тех тиранов
Что ставили себя превыше вас
И истиной прикрывшись, испугавшись.
Гестия

Низвергнув все истории, что истину несли
Философы богов разгневали, а оскорбление
Нам нанесенное простить мы не намерены.

Затем я здесь, чтоб указать вам путь.

Хор

О, Гестия, что делать нам? Куда идти?

Гестия

Вон, на холме мой храм, туда спешите
Там, приведенные моею силой высшей,
Тиран ваш, Гектор, стражами прикрывшись,
Он ждет судьбы своей.

Хор

Настал последний день создания Платонова!
Умрет дитя его сегодня навсегда!

ЭПИСОДИЙ 2

Храм богини Гестии, в главном зале сидит Гектор, его охраняет Диомид. Гектор

(Диомиду)

Сын мой, скажи, ведь разве я не прав был?
Всегда я делал все, чтоб истину постичь,
Чтоб весь народ на благо государства
По справедливости трудился. Я всегда
Заботился о тех, что за стеною
Теперь меня убить хотят.

Диомид

О, Зевсом я клянусь, что прав ты, Гектор!

Гектор

Все предали меня, лишь ты один

Остался рядом, несмотря на старца,
Что первым вышел и назвался
Отцом твоим.

Диомид

Отца лишь одного я знаю
И за него, как братья,
Я умереть готов!

Врывается толпа.

Диомид пытается защитить Гектора, но погибает.

Гектор (Хору - толпе)

Плебеи вы, рабы своих желаний!
Никто здесь не достоин видеть свет!
Лишь стоит одному сказать и слово,
Так вы готовы руку растерзать
Что вас кормила!

Так просто я не сдамся, нет!
Я Зевса именем клянусь...

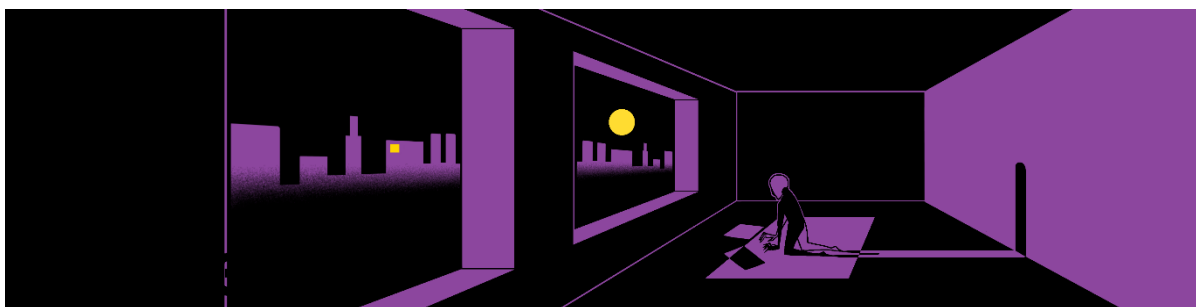
Хор

Не смей!
Ты имя громовержца забудь навек,
Он жалость не проявит — не после
Уничужения тобою любимых дочерей —
Прекрасных муз, которых ты заставил
Забывать как сон.

Не верим мы тебе. Ни истине твоей,
Ни благу. Тебя судьба постигнет та же,
Что тезку твоего из Илиады
Великого Гомера. Так пусть восторжествует

Справедливость.

Толпа убивает Гектора и провозит его мертвое тело по городу.

*Лев Татевосов**
mss2101084@universitas.ru

*...И весь квартал в окне
 Разрезанный оконной рамой насмерть...*

...В твое золотое окно!..

Если вдвоем так одиноко темной ночью,
 То почему окном разрезало меня?
 Я ожидания несчастье приурочить
 Желал к шагам твоим, их счастье оттеня.
 Ты не одна. Идёте вместе площадь в площадь,
 И оба вы белы, белы, как простыня,
 И, кажется, боитесь видеть ключья,
 И, между тем, разрезало меня.
 И, как безумный пазл, я на полу распятом
 Лежу и думаю в спокойной тишине,
 Что, может быть, любила ты когда-то,
 А, может быть, и это снилось мне.
 Растрескавшаяся мутнеет рама,
 Два голоса, как полусвет порфир.
 Мещанский мир и бытовая драма,
 А, может быть, один мещанский мир.

* 2 курс, бакалавриат, Современная социальная теория

ЖУРНАЛ СТУДЕНЧЕСКИХ
РАБОТ

КВИНТЭССЕНЦИЯ

НОСС
НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ
СТУДСОВЕТА